

Самосвал

– ... ох, берегите друг друга, мальчики!..

... говорит она, корчится от боли, немножко блюет мне под ноги, и быстренько отбрасывает коньки. То есть, отдает Богу душу, но мне-то от этого не легче, как думаете? Она говорит там себе что-то, после чего быстренько сваливает на тот свет, а моя жизнь с этого момента идет наперекосяк. Это нормально, вы считаете?!

Звучит как в старомодном романе, но, тем не менее.... Еще два дня назад я, журналист и PR-менеджер, по имени Владимир, по фамилии Лоринков (так я представляюсь по телефону, ха, свежо, не находите?), довольно стройный, - после того, как взялся за ум и начал плавать, - брюнет, отчасти гурман, эстет и вообще, человек, живущий в свое удовольствие... Да, да, да. Ни о чем подобном и думать не мог!

Зарабатывал себе на жизнь, причем по нашим меркам, роскошную, дурака валял в газетах да на выборах, напивался в ночных клубах до посинения, и писал рассказы под Апдайка, которые критики почему-то хвалят как «рассказы под Маркеса, Павича и Кустурицу». Идиоты, вы что, первоисточника отличить не в состоянии, то и дело хотел воскликнуть я, садясь за очередной рассказ, только речь-то сейчас – то есть, я хотел сказать, рассказ, - совсем не об этом, честное слово. А о чем? Наверное о том, что Оксана, моя горячо любимая супруга, лежит на этой идиотского вида каталке (как будто нельзя их пониже делать), головой примерно на уровне моего паха, вот забавно, и говорит мне:

– Берегите друг друга!
– Ага, - говорю я, и треплю ее по руке.

Вроде бы, успокаиваю. Только мне, сами понимаете, беспокойно. Потому что полчаса назад она родила, - причем, как и все не очень талантливые люди, делала она это долго и неумело, больше суток мучалась, - и сейчас ее везут на очередную бойню. В операционную, где все эти маньяки в обычных свитерах и джинсах, напыленных под белыми халатами, уже пощелкивают своими ножницами

– Его зовут Матвей, - добавляет она.

Удивительно, как это она решила. Ведь у Оксаны был только один недостаток, если мы можем считать его таковым - она, как и многие бессарабцы, недолюбливала евреев. Считала их чересчур умными. Меня она часто обвиняла в подобном же грехе. Я не раз потом задавался вопросом: как же она не поняла этой простейшей связи, и не сделала из этих двух фактов, - евреи умничают, и я, ее муж, Лоринков, умничаю, - простейший и элементарнейший вывод. Ну да, ну да. А Матвей, это ведь, ну да, ну да, типично еврейское имя.

Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, и вижу, что глаза Оксаны, всегда ярко-зеленые, стали холоднее: если раньше они напоминали воды Средиземного моря под ярким солнцем, то сейчас – Ледовитый океан перед очередным штормом, океан, который собирается с силами, чтобы взломать поверхность льда. Средиземное море стало Ледовитым океаном. Ну-ну. Мне легко сравнивать: я видел и то, и другое.

Я утираю слезу.

Медсестры рыдают, главврач утирает сопли, а ее, Оксаны, дражайшая мамаша, стоит в уголке с сопящим свертком на руках, - это, стало быть, мой сын, и смотрит на меня в ожидании. Как бультерьер – на белку в Долине Роз, где мы с Оксаной прогуливались, чтобы отогнать мое обычное утреннее похмелье. Мамаша ждет, расплачусь ли я, наконец. Ни дать, ни взять, мелодрама, а я люблю мелодрамы.

Справедливости ради, добавлю только, что ни рыдающих медсестре ни главврача рядом не было. Никого не было, кроме меня, истекшей кровью Оксаны, да ее матери с младенцем на руках. Святой Иосиф, Мария, ее мамаша, и Иисус. Интересно, думаю я, что бы делал Иосиф, если бы Мария окочурилась сразу после родов? Пришла ли бы ему в голову эта чудесная мысль сесть на осла и свалить в Египет, от греха подальше? И если да, то как же необходимые формальности: похороны там, три дня, девять дней, сороковины? Или он просто зарыл бы Марию в душистое сено, чтобы она лежала там, да улыбалась до тех пор, пока губы ослов и лошадок, мягкие, теплые губы, не добрались бы до ее остывшего лица? В конце концов, Мария была святой, а их мощи не разлагаются, разве не так? Или разлагаются? Хрен знает, хоть я и католик, но католик формальный: ты, нередко говорила мне Оксана, вспоминаешь о своем католичестве, только когда тебе угодно, поэтому ты настоящий иудей. Иудей мягко сказано, но я щажу чувства евреев, которые могут прочесть эти строки. Я чувствую, что мои губы чуть раздвигаются в улыбке, как часто происходит, когда я чувствую о чем-то своем, и быстро сжимаю их. Все-таки, здесь не место. Ксюша тихо выдыхает:

- ... обещаешь?
- Да, конечно! - говорю я, прослышав, что же я там должен выполнить. - Даю тебе слово, что все будет так, как ты хочешь!

Но всегда легче сказать «обещаю», чем получить попреки в невнимательности от женщины, которой ты сделал ребенка, которая рожала его сутки, и которую вот-вот начнут по этому торжественному поводу оперировать. В глазах у Оксаны тревога. Она знает, и я знаю, мы оба знаем, что мне пообещать и не сделать – как два пальца облизать. Я не то, чтобы обманщик. Просто недостаточно тверд для того, чтобы отказываться от обязательств. Принимаю их на словах, и саботирую на деле.

Моя ненаглядная чуть-чуть вздыхает, и я надеюсь, что все обойдется. Само собой, одному куда лучше, чем с кем-то, но я не настолько ценю свой комфорт, чтобы ради него желать смерти такой замечательной женщине. Прекрасная любовница, великолепная просто! чудесная жена, отменный кулинар, преданный друг, терпеливая женщина, наконец, а это очень важно. Я недоволюсь понимаю, что это уже некролог. Ну ладно, недостатки есть у всех, не лишена их и ты, моя супруга, но разве стоит говорить о них сейчас, ведь о... Проклятье! Слово «смерть» в том или ином ее виде все лезет и лезет ко мне в голову, на язык, в глаза, и Оксана это чувствует: я никогда не был для нее загадкой. Женщина не ищет в мужчине Сфинкса, это только наш, мужской, удел. Женщина ищет простоту и доступность, и, видимо, все это роженица получила от своего мужа. Раз уж она до сих пор с ним... Я склоняю голову набок и пытаюсь понять: чего больше в моем нежелании смерти Оксаны – конформизма, потому что я привык и мне так удобно, или действительно нежелания ее смерти?

Не знаю, мы так долго вместе и так, по сути, привыкли друг к другу, что отличить, где здесь привычка, а где чувство, и есть ли где чувство, а где привычка, совершенно невозможно. Если Оксана и была инородным телом во мне, то это шрапнель, которая засела в теле солдата еще 20 лет назад, и уже обросла плотью и хрящами, стала частью тела. В этом, в осколке в теле, всегда есть что-то благородное, чуть трагичное, да еще и

удобство: всегда знаешь, когда будет меняться погода. Она всегда была вторым номером в нашей паре. Ведомая. Безмолвная почитательница своего мужа. Сколько помню, всегда смотрела мне в рот. Неудивительно, что умирать ей пришлось первой. Я всхлипываю.

- Разлеглись тут...

В конце коридора снует какая-то стерва в грязном халате, - санитарка лет сорока, будь она почище да постройнее, я бы ее трахнул, - и злобно шипит, поглядывая в нашу сторону. Я машинально сую руку в карман, достаю оттуда полтинник, и показываю ей. Мегера успокаивается. Бог мой! Все те дни, что Оксана попала в этот сумасшедший дом, по ошибке названный родильным, я только и делаю, что плачу. Деньги, деньги, деньги. Что-то хватает меня снизу за руку, и я едва не вздрагиваю. Потом вспоминаю, что там, внизу, она, и перевожу дух. Оксана тянет меня вниз побелевшими, то ли от усилия, то ли от потери крови, пальцами. Я думаю о том, что, не дай Бог, она сейчас может умереть там, в операционной, и слеза наворачивается на уголок моего левого глаза. Несмотря ни на что, я очень сентиментальный, да и Оксану люблю. Своеобразно, конечно, на что не переставала указывать ее мать. Ксюша тянет меня вниз, и мы соединяем лица под осуждающим взглядом родительницы моей еле живой супруги.

- Что бы не случилось, ты будешь воспитывать его. Ты. И не отдашь никому. Обещаешь? - спрашивает, изредка вздыхая, она, и только сейчас я понимаю, что ей больно, чертовски больно, она вся бледная, мать вашу.
- Не сходи с ума, - запаниковав, я начинаю подталкивать каталку к операционной, хоть нам еще ждать четыре минуты, - не сходи с ума, ты, сумасшедшая! Попробуй только здесь...
- Ты обещаешь? - переспрашивает она, и глаза у нее становятся все больше и больше.
- Обещаю, - киваю я, - только попробуй здесь уме...

Она отворачивается от меня и гладит сверток, который ей принесла мамаша. Сверток оглушительно, я бы сказал, пронзительно молчит. А как же крики? Писки? Они же должны издавать разные звуки, разве нет? Очередной приступ паранойи прибавляет меня к моей же вспотевшей коже. Я говорю:

- Эй, эй, мамаша, вы уверены, что все делаете правильно? Он же молчит. Он дышит? Эй, вы!

Одним полускачком-прыжком огибаю каталку, и оказываюсь возле свертка. Все в порядке. Он дышит. Только тихо. Чтобы убедиться в этом, мне приходится задержать дыхание и увидеть, как поднимается и опускается его тщедушная грудь. Я выдаю, поворачиваюсь и снова наклоняюсь к Оксане, чтобы расшевелить ее грубой шуткой:

- Только попробуй здесь умереть, я с тобой никогда в жизни разговаривать больше не стану!

И понимаю, что это станет первым обещанием, которое мне придется выполнить наверняка. Она не дышит. Даже до операционной не доехала.

Как раз в этот-то момент, когда нам с ней никто и ничто больше не нужны, вокруг появляются какие-то люди. Хлопают меня по плечу, утешают, что-то бормочут, а я стою, вцепившись в край каталки, - как это принято в фильмах, - и пытаюсь понять, что, собственно, произошло. Как человек сугубо литературный я, наверное, должен кричать от горя, и смеяться от радости, как это делал вдовец и счастливый папаша Гаргантюа. В то же

время, как человек, безумно далекий от того, что принято называть «духовностью», я судорожно подсчитываю количество денег, которое мне потребуется на то, чтобы достойно проводить Оксану в мир иной. Вернее, ее тело, потому что сама она, наплевав на условности, уже туда отправилась. Вот так просто и сразу. С каталки на небеса. Я беру ее за руку, которая почему-то костлявая, хотя моя жена человек... то есть, была человек приятно полный, и прижимаю к губам. По-прежнему ничего не чувствуя, я беру на руки сверток, который сует мне теща, чтобы, наконец, попричитать над телом только что представившейся. Как и полагается в таких случаях, она рвет на себе волосы, рыдает, бьется головой о край каталки, и делает все то, чем, по идее, должен заниматься безутешный вдовец. Имеется в виду я. Лоринков Владимир, двадцати восьми лет, в левом ухе роскошная серебряная серьга, красивые брови и задумчивый взгляд, росту невысокого, смахивает на араба, на нем красивый, яркий свитер, о, да, Оксана умела выбирать вещи...

Но, честно говоря, я ничего не чувствую. Вовсе не потому, что во мне мина замедленного действия, которая взорвется позже, и уже на кладбище я растрогаюсь, и, как пушкинская метель, провожу свою возлюбленную завыв, закружив и зарыдав. Ничего подобного. Предупреждаю сразу – на кладбище ничего не изменится. Да, я любил ее, но, во-первых, своеобразно, что признавала сама Оксана, во-вторых, это всего лишь тело. Та, по ком я мог бы поплакать, уже ушла из наших мест. Ушла в иные, лучшие края, думаю я, как католик. И думаю, что Оксана была права: я вспомнил о своем католичестве вообще, и о рае в частности, именно сейчас, чтобы смягчить горечь утраты. Подушка безопасности – вот что моя вера. В любом случае, говорю я, помаргивая, чтобы слезинка все же упала, ведь руки у меня заняты свертком с сыном, она уже в других, лучших, нежели здесь, краях.

– Душа Длинных Волос и Зеленых глаза сейчас на зеленых лугах и желтых из-за пшеницы полях, - торжественно говорю я, и неожиданно для себя прыскаю, после чего меня несет окончательно. - Не надо плакать, скво. Твоя дочь сейчас с Маниту. Он, наверное, красавец-мужик, этот Маниту. Светловолосый, голубоглазый и крепкий. А я, как видите, даже не ревную.

С перекошенным лицом она тянет руки к свертку, но что-то вдруг во мне срабатывает, - видимо, необходимость все же начать выполнять хоть кой какие-то обещания перед женой, и я отворачиваюсь. И в это время мальчик, которого моя жена-антисемитка, сама того не ведая, возжелала назвать красивым иудейским именем Матвей, что означает в переводе на наш язык Человек Бога, совершенно отчетливо говорит, именно говорит, а не кричит, причем говорит, сначала оглядевшись вокруг печальным, укоризненным чуть взглядом, а потом уставившись мне в лицо, спокойный и уверенный в себе, подводит итог, как настоящий человек Бога:

– Эге-ге...

Да, малыш, хочется сказать мне, ты совершенно прав. Ни с отцом, ни с миром, в который ты попал на этот раз, тебе не очень-то повезло, если честно. Наверное, тебе повезло только с матерью, да и с ней не повезло, раз она умерла через час после такого рождения. Эге-ге. Интересно, он совсем уж разочаровался? Не знаю.

Младенец, сказавший это, глядит на меня еще несколько секунд, после чего засыпает. Спит все три часа, что я ношусь, улаживая дела с врачами, скорой, медсестрами, санитарками и прочей нежитью, облюбовавшей молдавские больницы с тех пор, как здесь ввели обязательное медицинское страхование. Младенец спит у меня на руках, потому что я вдруг твердо решил не отдавать его никому даже на время. Спит, пока я жду на улице гробовозку, спит, пока мне подписывают документы о смерти, спит, когда мы приезжаем

домой, и санитары-раздолбаи не заносят тело Оксаны в комнату, где кладут его прямо в гроб, который уже привезли сюда часом раньше. Спит, пока я сижу на стульях, столпившихся с углом комнаты, а на кухне тихо переговаривается родня: моя и ее.

Наконец, он просыпается и причмокивает губами. Типа голоден, объясняют мне мамыши, - моя и ее, - и пытаются отобрать у меня сверток. Хер там. Я резко отвожу его в сторону, уношу в угол, держу в левой руке, а правой пытаюсь попасть ему в рот, ужасно маленький, бутылкой с какой-то хитросделанной смесью. Малыш чмокает еще сильнее. Ясно дело, сиську хочет. Соску от бутылочки он выталкивает, но я, под укоризненным взглядом мамаш, не сдаюсь. Как, впрочем, и он. Сиська, сиська, сиська.

- А вот с этим-то у нас, малыш, - виновато говорю я, - проблемы. Будем жрать, что дают.

И только после этого он, как всякий уважающий себя младенец, начинает орать не по-детски. Что ж, добро пожаловать.

С Рождеством.

xxx

- Аа-а-а-а...
- Заткнись.
- Аа-а-а-а...
- Заткнись.
- А-а-а-а-а-а.
- Заткнись, я тебе говорю.
- Аа-а-а-а.
- Что значит, сам заткнись? Это я тебе говорю заткнись, понял, ты?
- Аа-а-а-а.
- Ты фашист, понял? Ты – фа-ши-ст. Маленький сволочной фашист. Что я тебе сделал?
- Аа-а-а-а.

Общение с сыном не радует меня разнообразием. Я стою около кроватки, за которую отвалил кучу бабок, и которая оказалась совершенно, как говорит мой хьюман-ресурс менеджер (раньше таких просто называли кадровик) профессионально непригодна. Ее можно покачивать, но это-то как раз и плохо. Маленький фашист, - сейчас я ненавижу его сильнее, чем кого бы то ни было, - привык к тому, что его качают. А это привело меня к тому, что всю ночь я лежу на полу рядом с кроваткой, и дергаю ее ногой туда-сюда, как какой-нибудь трахнутый аутист. Из тех, что сидят в углу комнаты психбольницы, и перебирают палочки. Или тасуют карты. Что они еще делают, не знаю.

- Аа-а-а-а.

Это все, что я от него слышу. Часов с десяти вечера. Сейчас, - я встаю под окно, чтобы взглянуть на часы в свете фонаря, - половина четвертого. Скорее бы утро. Я намерен поменять этого маленького засранца, завернуть в перинку, или как эта штука называется, и отнести в поликлинику. Там врачи осмотрят его и объяснят мне, что сломалось там внутри, в этой маленькой шевелящейся кукле.

- Аа-а-а-а.
- Матвей, заткнись.
- Аа-а-а-а.

- Заткнись, я сказал!
- А-А-А-А-А...

Он стонет и стонет, вот уже седьмой час стонет, и я, - как сам пишу в газетах, - «с внезапной ясностью» понимаю, что рассказы про мамаш, которых нацисты изводили, сделав уколы грудным детям, отчего дети орали сутками, после чего мамы душили детей, вовсе не сказки. Это правда. Я бы его запросто сейчас убил. И не сделаю этого только потому, что никакого алиби у меня не будет. В глазах печет, и я ложусь на пол, качая ногами кровать. Господи, хоть бы это помогало.

- Аа-а-а-а.
- Заткнись, я сказал.
- Аа-а-а-а.
- Господи, мальчик, ну нельзя же быть НАСТОЛЬКО неизобретательным. Скажи хоть что-то еще.
- Аа-а-а-а-а.
- Бля!!!
- А-а-а-а-а.

Стоит мне повысить голос, как он начинает стонать и орать еще громче. вызвать скорую? Нет смысла, скоро все равно светает, и поликлиника откроется. Самое удивительное, что поначалу было вовсе не так трудно. После похорон и всех сопутствующих им процедур, которые меня изрядно повеселили: например, установления отцовства (официально мы не были женаты), я взял на работе двухмесячный отпуск. Коллеги здорово удивились. Еще бы! При живых -то бабушках. Но я-то знал, что никому доверять не могу. Особенно своей мамаше: если она смогла сделать из меня форменного психа, то и с беззащитным малышом разделается играючи. Не говоря уж о мамаше Оксаны, которая явно считала меня сумасшедшим придурком. некоторое почтение ей внушали те суммы, которые я зарабатывал. Это было единственное, что останавливало мою дражайшую тещу от того, чтобы забрать у меня ребенка. А я... Я не то, чтобы очень хотел получить его на руки. Просто взаимовыручку никто еще не отменял. К тому же, я прочитал в какой-то идиотской зеленой книжке с рисованными рожицами, что настоящим отцом, ну, или матерью, - но этого удовольствия Матвей, сами понимаете, был уже лишен, - ребенок воспринимает только того, чей запах чувствует рядом с собой первые месяцы жизни. Я так и сказал одной своей знакомой:

- Настоящим отцом, ну, или матерью, - но этого удовольствия Матвей, сама понимаешь, уже лишен, - ребенок воспринимает только того, чей запах чувствует рядом с собой первые месяцы жизни!

Она только посмеялась. Потом спросила, откуда я это взял. Пришлось признаться, что фамилии автора я не помню. Она зашла в ванную, и, придерживая на бедрах полотенце, позвонила мужу, чтобы спросить того, откуда цитата. Заодно убедиться, что он на работе. Муж, удивительно ученый человек, выложил фразу в поисковую систему интернета, и через минуту мы знали ответ.

- Бенджамин Спок! - рассмеялась моя милая, опуская полотенце по розовым ногам вниз.
- Человек, которого дети сдали в дом престарелых.
- Пускай сдает, - облизал я губы, - лишь бы там было полно очаровательных старушек, как ты.

Конечно, этот глупый, дешевый и пошлый комплимент произвел впечатление: женщины меня вообще любили, а уж с появлением Матвея отбоя от них не было, все только и делали, что восхищались им – я отдаю покойной дань восхищения, малый и впрямь уродился красавцем, - да мной. Какой заботливый папаша, шептались молодые мамыши с колясками в парке, где я делал регулярные пробежки с Матвеем в двадцатикилограммовой коляске. Мне из-за этого даже пришлось бросить курить: непросто было совмещать это удовольствие с ношением тяжестей, вернее, одной тяжести, моего сына, и регулярными тренировками по плаванию. Вот только они: эти тренировки, да женщины, к которым я сбегал на час-другой, и были тем временем, которое я проводил не со своим сыном: а дежурила с ним нанятая мной за бешеные деньги нянька. Все оставшиеся часы я был рядом с ним. Не испытывая к нему особой эмоциональной близости, я, тем не менее, добросовестно менял пеленки, кормил, играл, гулял, и даже читал книги. Особенно хорошо он засыпал под «Одиссею», а под Шекспира мы так вообще засыпали вдвоем. Особенным спросом как снотворное пользовался у нас «Король Лир». Но все это – только первые три-четыре недели. Потом начался ад, и ад этот был стоном:

– Аа-а-а-а-а.

Правда, длилось все это недолго, всего часов восемь, и я рассчитывал на то, что на следующий день все пройдет. Правда, что именно, я не знал. Живот? Голова? Легкие?

- Живот, голова, легкие? Матвей? - спрашиваю я.
- А-а-а-а-а, - отвечает он.
- Дай же поспать, а?! - негодую я.
- Аа-а-а-а-а-а, - ноет он.
- Заткнись! - бью я кулаком в стену.

Он умолкает, и я со вздохом облегчения снимаю ноги с подножия качающейся кровати. Но уснуть не успеваю.

– А-А-А-А-А-А, - начинает верещать он.

И не умолкает даже к утру, даже у поликлинике, даже в больнице, даже в лаборатории, где нам ставят диагноз дисбактериоз, даже дома.

xxx

- Аа-а-а-а.
- Заткнись, - вяло говорю я, и иду варить кофе.

Ему уже два месяца, и ровно месяц он почти не спит, вопит от боли, и я его ненавижу. Похоже, придется и правда отдать его какой-нибудь из бабушек. Пусть лучше они искалечат его психику, чем он уничтожит меня, выпьет из меня все соки. Маленький гнусный засранец! Ненавижу. Он корчится и дрыгает ногами, и я мрачно присаживаюсь над ним, рассмотреть это лицо. Само собой, оно сморщено, потому что ему больно, и ничего эстетически привлекательного я в своем сыне не вижу. Интересно, было бы мне легче, не умри Оксана? Боюсь, мне уже все равно. Я беру его за ножки, и начинаю прижимать их к животу, поочередно. Левую-правую, правую-левую, левую-правую, а теперь обе.

– Давай, давай, - шепчу я, - посри, посри, просрись, пожалуйста, пожа-лу-й-с-та...

Он только издевательски кричит и тужится. Ни черта не получается. Самое поганое, что и анализы толком сдать у меня уже третью неделю не получается. Лаборатория работает раз в неделю, и у них то закрыто, то перерыв, а то я опоздал. Каждый их отказ для меня – страшнее любовной трагедии, когда подружка бросила меня прямо на университетской выпускной вечеринке. Ведь его, Матвея, говно, для меня – самая большая драгоценность. Потому что его, говна, страшно мало. И чтобы получить его, хотя бы несколько грамм, мне приходится вытворять... Чего только я не вытворяю. Оказывается, если сунуть младенцу в задницу градусник, из него, да нет, не из младенца, повалит дерьмо. Это правда работает! Только те, кто это советуют, забывают добавить, что у младенца от таких фокусов страшно болит задница, и если раньше он орал всю ночь из-за того, что не мог просрать, то после операции с градусником будет орать из-за боли в зад. Выбирайте.

Еще одна неприятная новость: никто не знает, что делать с маленькими детьми. Многоопытные матери взрослых детей и старушки уже не помнят, как оно, с грудничками. Не рожавшие - сами понимаете... Мамаши грудничков постигают все опытным путем.

– Аа-а-а-а, - стонет Матвей, и я начинаю ощущать к нему некоторое подобие жалости.

Само собой, меня стоит пожалеть куда больше, чем его. Все эти неприятности, я уверен, рано или поздно закончатся. Во-первых, он вырастет. Во-вторых, в окружении заботливых бабушек все его проблемы будут решены. А я смогу, наконец, вернуться к работе. Меня заждались мои деньги, мой алкоголь, мои женщины, которым я стал уделять чересчур мало внимания, и мои рассказы. Я и так довольно пострадал. В конце концов то, что я, молодой мужик, два месяца был, по сути, мамашей, уже добавило мне очков в глазах окружающих. Все увидели, что я могу быть заботливым, домовитым, нежным, и все такое, и прочая. Но не быть же таким вечно! То, что в малых дозах укрепит мою и без того благополучную репутацию, в больших вырвет ее с корнем из чахлой молдавской почвы. Если я брошу все, чтобы растить этого кричущего засранца, меня, мягко говоря, не поймут. Мне и так звонят каждый вечер с вопросом. То редактора, то бренд-менеджеры, то пиар-менеджеры, а то и кто-то из депутатов, все шаловливые, все соскучившиеся по моему щекотливому, блин, перу.

- Лоринков, ну, когда же ты вернешься?! - спрашивают они.
- Зачем? - посмеиваясь, туплю я.
- Потрясти этот мир! - улыбаются, уверен, они.
- О, скоро, очень скоро, - говорю я.
- Слушай, - говорят они, - от тебя такого никто не ожидал. Ну, с ребенком... Ты настоящий мужик, Лоринков!
- А то! - горделиво говорю я.
- Ну, так скоро ты вернешься? - осторожничают они. - Или, ха-ха, берешь трехгодичный отпуск по уходу за ребенком?
- Ха-ха, говорю я, - ха-ха.

И кладу трубку. А Матвей говорит:

- А-а-а-а, а-а-а-а.
- Заткнись, - отвечаю я ему, - всю кровь выпил, я не спал, понимаешь, не спал, понима...
- А-а-а-а-а-а, - ноет он, извивается и кричит.
- Заткнись, - говорю я, и иду в спальню, твердо решив, что пусть орет хоть всю ночь, фашист малолетний, я просто закрою дверь, поорет, да перестанет.

Но на полпути останавливаюсь, потому что в кроватке почему-то затихает. Не веря в удачу я на цыпочках подхожу, и заглядываю. Он, конечно, не заснул... В его глазах я отчетливо вижу себя. И то, как широко распахнулись мои глаза. Очень широко. Он уже не говорит «а-а-а-а», а горько, как только безутешные, - я имею в виду по-настоящему безутешные, вдовцы, - плачет. Только сейчас до меня доходит. Мать вашу. Получается, что.

Ему уже целый месяц больно.

xxx

*Персональный сонник номер 987-б: море**

«Здравствуйте, Юрий!»

Вы говорите, что видели море, но можете ли вы, положив руку на сердце, утверждать, что вам приснилось именно оно? Вы уверены, что то был не океан? Не озеро? Не река? Как часто мы во сне, - да и в жизни! - видим только то, что хотим видеть только лишь потому, что нам не хватает духу поднять голову и оглядеться. Смотрим под ноги, видим лужицу воды и говорим: я на морском берегу, в то время как лужица эта кончается протянутой нами рукой... Сон-обман, ведь бывает и такое!

К чему я говорю вам это, Юрий. Как вы уже, наверное, поняли, толкование снов включает в себя не только расшифровку того, что вам приснилось. Специалисту необходимо знать также как и почему вам приснилось именно это, а не то, и то, а не это.

Потому что море спокойное и с водой ясной, как глаза моей любящей жены, это одно. А море бурное, с водой грязноватой, как глаза моей любящей женой перед ссорой, совсем другое. Море с барашками – к рождению первенца, море в шторму – к неприятностям на работе, море с медузами, ползающими по гладкой плоти волн – к перевоплощению вашей мечты в чудесного вида бабочку, которая распушит свои огромные крылья на древесных столбах Амазонки. Море, кишящее рыбой – к изобилию. Море в дыму – к известию, и дым этот символизирует не что иное, как дым костров, раньше разводимых для того, чтобы дать знать о чем-либо людям, находящимся на расстоянии сотен километров от этих костров...

Ох, Юрий, уверены ли вы, что видели именно то море, какое вам следовало бы видеть? Видели ли вы море, Юрий, и видело ли оно вас? Ведь видеть во сне море, которое глядело вам в душу – к полетам наяву, тем самым, после которых рождаются стихи и неудачные браки. А видеть море, которое презрительно щурится, и отворачивается от вас – напротив, к небывало удачному союзу, и, право, стоит подыскать себе невесту из семьи побогаче – сегодня ее родители вашим не откажут.

Так или иначе, а все-таки я рискнул сделать кое-какие математические подсчеты, касающиеся вашего сна, мой дорогой друг. Пусть вы не помните, что за море вы видели во сне – пусть вы «просто видели море», - но поряду признаков и намеков, которые отпустили мне даже не вы, а ваше взбудораженное этим сном подсознание, могу вас обрадовать.

Ваш сон – к успешной сдаче экзамена в школе-бизнеса, которого вы, по вашему признанию, боитесь. И которого бояться вам не след. Потому что я вижу вас сдавшим его, а какой смысл бояться того, что уже свершилось? В четверг вы сдадите все успешно и получите повышение по работе.

Только не ешьте в этот день рыбу, прошу вас! Даже студенты астрологических школ знают, что рыба совершеннейшим образом нейтрализует удачу.

Искренне ваш. Сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

* - оплачено (прим. бухг.)

xxx

В углу пожилой охранник безуспешно пытается набрать кого-то по рации. Это не делает честь его логическим способностям: рацию я только что разбил, звезданув ее об стену поликлинического коридора. Будь они побогаче, и найми охранника помоложе, мне бы несдобровать. На мое счастье, дежурят в поликлиниках старые козлы, неспособные даже хрен свой поднять, не говоря уж о кулаке. Я быстренько разбил его рацию, отшвырнул хирурга, - молодого испуганного практиканта в сером халате, - и бью ногами в дверь лаборатории. К тому же у меня есть Удостоверение газетчика. Каждый, у кого есть Удостоверение, может позволить себе немножко больше, чем тот, у кого этого кусочка заламинированной бумаги нет.

- Открывай дверь! - ору я. - Открывай дверь, сука!
- Мужчина... - хмурясь, надвигается на меня из глубины коридора невысокая толстая женщина с размалеванным лицом, видимо, заведующая.
- Да я блядь двадцать восемь лет мужчина! - ору я, схватив ее за воротник халата, и при этом умудряюсь, как ишак, бить копытом в дверь. - Двадцать девять даже, слышишь ты меня, бля?! Откройте свою сраную лабораторию, поняла? Открывай сраную ла-бо-ра-то-ри-ю!
- Да что слу...-
- На той неделе закрыто, на этой – обед, позапрошлая – все блядь ушли на фронт, да я вас НЕНАВИЖУ, ненавижу, ты поняла, мой ребенок три недели посрать нормально не может, ему анализ нужен, чтоб тебя, и всю твою блядь поликлинику, ссуки, вы денег хотите? так я дам вам денег, чтоб..., ему больно, больно, моему ребенку БОЛЬНО, ты понимаешь, бл...
- Это не по...
- Все повод, все, все, все, поняла? Мой сын – повод, мать вашу. Только он и повод, поняла ты, блядь?!

И, повернувшись, со всего размаху швыряю колбочку с Матвеевым говном прямо в дверь. Говно жидкое, поэтому растекается. Мамаши с детьми, и даже папаши, - о, определенно я делаю успехи, даже мужчины меня боятся, - молчаливо одобряют мое поведение, явно это чувствую, но в то же время детей держат на руках, потому что неадекватный мужчина по соседству с ребенком это всегда неприятно, и, Бог мой, я понимаю, что по соседству с моим сыном неадекватный мужчина, причем двадцать четыре часа в сутки. Я прижимаю свою трясущуюся, - как у капитана в фильме «Спасение рядового Райена», - левую руку к груди. Извиняться я не стану, потому что они все это заслужили. Но и быть здесь больше не могу. Наклоняю голову и иду по коридору.

- Мужчина, - окликает меня толстуха.

Потом наклоняется и подбирает осколок, в котором чуть-чуть говна. Стучит в дверь лаборатории и говорит:

- Это я, открывайте.

Через час я бегу с анализом в аптеку. Аптекарши в «Семейных 36 и 6», которые у нас понаоткрывали румыны, умиляются, и, будь у меня чуть побольше времени, я бы непременно стрельнул у одной из них телефончик. Хотя, почему побольше?

- Дайте телефон, - доверительно шепчу я низенькой брюнетке, которая на смене, очевидно, старшая.

Молча минут пять она обслуживает покупателя, после чего сует мне бумажку с номером. Я бегу домой. Матвей ноет, но это уже не так страшно, уже есть надежда. Чувствуя себя виноватым, ведь все-таки я добавил ему пять минут ожидания, пять минут боли, я скачу по комнате с колбочками и шприцами. Выгляжу как последний наркоман. Мамаша, которую я попросил посидеть с Матвеем, скептически интересуется, когда же я отдам его в нормальные руки.

- Тебе ведь через неделю на работу выходить, - напоминает она.

Я молча закачиваю в малыша две ложки какой-то золотистой жидкости через рот, и еще четыре – клизмой. Давай, давай, парнишка, потерпи еще чуток. Живот у него каменный, и губы, ей Богу, синие. А я, все-таки, дал Оксане обещание. И думаю о том, что мне придется его исполнить. В первую очередь ради меня самого. В конце концов, я всегда мечтал о том, чтобы у меня был друг и помощник. Может, у меня получится сделать его из Матвея? Это даже лучше, чем живая игрушка. ну, а неприятности с животом – что поделать, бывает. Не отказываться же от собаки из-за блох. Чего уж там, породистая собака или симпатичный ребенок – все это только придает мужчине шарма.

Поэтому, Матвей, решаю я, переезд на ПМЖ к бабушке откладывается. К тому же, есть еще один момент. Мне просто обидно отдавать его после месяца мучений. Это же Я, мать вашу, с ним столько мучился. Свои страдания я рассматриваю, как своего рода вложения, и, поразмыслив честно, - как учил меня мой психолог, - прихожу к выводу, что ничего плохого в этом нет. Я инвестирую в этого ребенка чувства. Мне жаль терять уже вложенное, поэтому я оставляю его. Вот и все.

И никакие обещания здесь не при чем. Сам я прекрасно понимаю, что, если не захочу чего-то, никакие слова, - пусть даже данные умирающей, - не заставят меня делать то, чего я не хочу. Итак, я хочу этого ребенка. Все? Нет, еще один момент, толкую я со своим внутренним голосом, причем вслух.

- Остается вопрос: как ребенок отреагирует, когда узнает, что ты оставил его с собой развлекухи ради, и просто потому, что тебе было жаль терять инвестиции в виде эмоций? - спрашиваю я себя.
- Ты имеешь в виду, что он обидится на то, что я не сумел отказаться от него, как от недостроенного дома: жалко бросать, потому что начал же? - переспрашиваю я себя же.
- Ну да, чувак, - отвечаю я себе же. - Именно об этом я тебе и толкую.
- Знаешь, - говорю я...
- Только будь со мной честным! - говорю я.
- В смысле, будь с собой честен! - улыбаюсь я.

- Так или иначе, будь честен! - прошу я.
- Хорошо, - соглашаюсь я.
- Мне кажется, ребенка это не затронет по той причине, что... - рассуждаю я.
- Во-первых, я ему ничего не скажу. Никогда. - решаю я.
- Ты сможешь? - спрашиваю я.
- Конечно, - заверяю я. - Никогда не проговорюсь.
- О кей, - говорю я. - А во-вторых? Ты сказал «во-первых», что тогда «во-вторых»?
- Во-вторых, - задумчиво припоминаю я...
- Во-вторых, но это больше касается даже не его, а тебя, то есть, меня, - медленно говорю я.
- Ну?.. - подгоняю я.
- Если ты замерзаешь, какая разница, по какой причине тебе дали свитер и ботинки? Допустим, ты был бродягой и умирал, а тебе дали теплые вещи только потому, что это рекламная акция. Да, они отпиарились, но и ты, получается, выжил, - формулирую мысль я.
- Ты имеешь в виду? - зависит надо мной мой вопрос.
- Примерно это, - киваю я.
- Я имею в виду, какая разница Матвеем от того, по какой причине я оставил его с собой, - объясняю я.
- Главное, у него будет отец, - резюмирую я.
- И это главное, - соглашаюсь я.
- Точно, - говорю я.
- Бинго! - восклицаю я.

Матвей покрхтывает, но уже благодушно.

Этой ночью он еще не спит, но я чувствую, что это по инерции.

Он просрался, и я доволен. Просрался?! Господи, да из него било, как из фонтана! Мне даже на рубашку попало.

- Аа-а-а-а, а-а-а-а, - говорит он, но уже не натяжно, и, я бы даже сказал, игриво.
- Не нуди, нудятинка, - говорю я, прихлебывая кофе. - Разнудись, отнудятинка.
- Аа-а-а, - удивленно переспрашивает он.

Кажется, мы оба смеемся.

xxx

Дураки прыгают в бассейн сразу, и с визгом, стонами и другими, не приличествующими мужчинам звуками, постепенно начинают тренировку. Я опытен, поэтому первые десять минут стою под душем, делая воду все горячее. Когда уже на меня льется кипяток, я перекрываю душ, и совершенно спокойно захожу в бассейн. Даже радуюсь прохладной водичке. В пять часов утра, как обычно, никого. Вообще-то раньше я ходил сюда в девять. Оксану это всегда раздражало: для нее и девять было рано. Куда ты собрался, что тебе не спится, недовольно бурчала она, а я целовал ее пятку, - остальное-то было под одеялом, - и шел плавать. Сейчас приходится тренироваться раньше, потому что к семи часам я уже должен быть дома. К этому времени Матвей просыпается, заспанная соседка, которой я плачу пятьсот леев за эти утренние полтора часа три раза в неделю, передает его мне, и, умиляясь – я привык ко всеобщему умилению, как раньше ко всеобщей же ненависти, - уматывает в свою квартирку.

Вчера мой сын впервые поднял голову, и, держа ее высоко, прополз по дивану пару метров. Глядя на него, я испытываю гордость. Нет, если честно, это не любовь. Но гордость, наверняка. Такую испытываешь, когда вкладываешь кучу усилий, денег и времени, во что-то, и оно дает результаты. Матвей дает результаты. Мальчик здоров, крепок и красив. В честь этого события, - первые метры, - я решаю, что не буду мучить себя короткими быстрыми отрезками, после которых у меня из носа хлбыщет кровь, и поплаваю долгие неторопливые отрезки.

Я начинаю разминку, и, ухмыляясь, вспоминаю о том, что уже месяц как должен быть на работе. Но ребенок творит чудеса! Мне удалось выбить из них еще два месяца оплачиваемого отпуска, напирая, главным образом, на совесть, и второстепенным – на трудовое законодательство. Размер пособия по уходу, выданный мне не улыбчивыми бухгалтерами, изрядно меня удивил. Денег пока так много, что я всерьез подумываю о том, чтобы расшириться. В смысле, прикупить квартиру побольше, а эту продать. Ну, с этим позже разберемся. Плывется мне хорошо, потому что мальчик этой ночью спал недурно. Хотя мне, честно говоря, все равно: три месяца постоянного недосыпа помогли мне забить на сон. Я выныриваю из-под самого дна, и надеваю на руки лопатки. Это такие приспособления, похожие на ласты на руках, благодаря которым ты и плывешь быстрее, и нагрузка на руки дается...

– Ты научишь его плавать? - спрашивает меня Оксана.

Удивительно, она мне приснилась за это время только вчера. Первый раз. И сразу же, ясное дело, начала с требований и претензий. Научить плавать Матвея. Что ж. Меня-то ты так и не научил толком плавать, с укоризной сказала мне Оксана, не размыкая губ. У них, покойников, получается. Послушай, ответил я, глядя в сторону, ну, что ты начинаешь, как обычно. Сколько раз предлагал. Нет, не научил. У тебя вечно не было на меня времени. Хорошо, что на все остальное у тебя его хватало. О чем ты, Оксана, возражаю я с самодовольной улыбкой, понимая, прекрасно понимая, о чем она. Все-то ты прекрасно понимаешь, отвечает она и гладит меня по голове. Знаешь, признаюсь я, если честно... Ну, а с покойниками по-другому и нельзя, улыбается Оксана. Если честно, выпаливаю я, мне немножко легче от того, что тебя уже нет. Почему, терпеливо спрашивает она, и я еще раз понимаю, то она умерла, потому что живая Оксана после этого непременно вышла бы из себя. Наверное, я испугался, когда понял, что все. Что рядом с тобой остановился какой-то другой человек, и ты теперь будешь жить с ним до конца. До самого конца. Пока смерть не разлучит, улыбается Оксана, Вот-вот, киваю я. Так что получилось все как нельзя более удачно. При этом, прошу тебя! учитывай, что я тебя любил. По-своему, но любил.

– Бедная моя серая мышка, - говорю я, - ты все равно для меня самая лучшая женщина на свете. Ведь все равно я возвращался к тебе. Я, твой ослепительный мужчина. Король-лев, король-солнце.

Она смеется, и шлет мне воздушный поцелуй. Всегда кто-то яркий, а кто-то на подтанцовке, говорю я. Но я любил тебя. Хоть мне и легче теперь от того, что нет никаких обязательств. Знаю, кивает мне Оксана, хотя, наверное, ты больше любил себя во мне, снова улыбается, и начинает потихоньку уходить из комнаты. Эй, куда ты, удивленно спрашиваю я. Не могу остаться, виновато объясняет Оксана, я же мертвая. В каком смысле, удивляюсь я. И просыпаюсь.

– ...кажете, который час?

– А?! - от испуга я резко дергаюсь, и лопатка слетает с левой руки.

На соседней дорожке, под туманом, - он всегда над теплой водой по утрам, - улыбается девичья голова. Тело, искаженное преломлением в воде, не так прекрасно, но нырнуть прямо сейчас, чтобы убедиться, было бы неприлично.

- Я спрашиваю, не подскажете, который час? - переспрашивает девушка.

Вот дьявол. Обычно здесь рано утром плаваю только я. Теперь вот еще эта. Русалка. Я неприятливо тычу в сторону, где висят огромные часы, и говорю:

- Часы же есть. Посмотрите.
- Лена, - улыбается она.
- Что? - туплю я.
- Леной меня зовут, - говорит она.
- Ага, - отвечаю, - очень приятно.

И продолжаю плыть дальше, во время гребка заметив, что и под водой у нее все очень даже. Проплываю пятьдесят метров, после чего до меня доходит. Так она познакомиться хотела! Фыркнув, выныриваю, и оглядываюсь. Пусто. Пусто, мать его! Так проколоться. Как школьник. Последний раз судьба меня так десять лет назад обламывала: девушка, спросившая время в маршрутном такси, выслушала ответ, улыбнулась, показала часы на своей руке, отпечатала «и-ди-от», и вышла. Теперь эта! А я уже две недели как не... Господи, господи, господи...

- Девушка! Деевушка!!!

Я бросаюсь к выходу в женскую раздевалку, пытаюсь подняться на бортик рывком, и натываюсь на ноги тренера.

- Лоринков, - всерьез, что меня совсем уж пугает, говорит он, - бедный ты наш вдовец. Штурмуешь женскую раздевалку? Да там еще пусто. А ты совсем одичал...
- Здесь была женщина, - говорю я. - Богом клянусь.
- Женщина это то, - говорит он, - что тебе нужно. Но здесь никого нет.
- Правда, - спрашиваю я.
- Ей Богу, - кивает он, глядя мне в лицо. - Ты в порядке?

Мы решаем, что мне пора выспаться.

xxx

Словарь Матвея

1. Тпруа – машина, автобус, троллейбус, любое транспортное средство на колесах, обладающее двигателем (велосипед, например, не тпруа).
2. Покапокапокапока – дождь, который идет.
3. Капкапкапкап – дождь, который закончился.
4. Покапока-капкап – скоро пойдет дождь.
5. Тпруап* – плохой человек (не путать с тпруа – см. выше), тот, кто обидел.
6. Сёка – щека.
7. Дядя – тетя.
8. Тетя - дядя.
9. Баба – бабушка, которая в данный момент не вызывает раздражения.
10. Бабага – бабушка, которая сейчас раздражает.

11. Лыбыбыбр** – конфета.
12. Ка – ворона.
13. Ка – голубь.
14. Ка – любая птица.
15. Ка – корова.
16. Ка – непонятливый отец.
17. Ка – забор.
18. Ка - молоко.
19. Ка – каша.
20. Ка – симпатичная телка.
21. Ка - здоровенная штуковина, которая болтается на непонятливом отце, когда тот с утра ищет бутылочку с водой.
22. Ка – бутылочка с водой.
23. Ка – все на свете.

*

** Иногда он комбинирует эти слова, например, говорит «тпруап лыбыбыбр», что значит – плохой человек отобрал конфету. глаза у него грустные, и мне становится грустно. уже темнеет в парке и пора домой, но это дело принципа. после этой фразы я подхожу к мальцу лет пяти и звиздячу ему по затылку, отобрав конфету. ко мне бежит его папаша, которого я встречаю прямой ногой. минут десять мы возим друг друга по асфальтовой дорожке, и, кажется, счастье на моей стороне., но нас разнимает его мамаша. никогда, слышишь, никогда, не смей обижать тех, кто меньше тебя или слабее, ору я пятилетнему засранцу. не ори на моего сына, орет мужик. я бросаюсь на него и мы снова возимся в крови, пока не получается так, что мы сидим на бордюре, и я рыдаю, а он смотрит на меня как на ядовитую змею, да я она и есть. Матвей подходит к пятилетнему засранцу и сует тому что-то. говорит:

- лыбыбыбр. на.

xxx

- Пересчитайте!
- Пересчитайте вы.

Вася, мученически вздохнув, и подняв очи долу... Я понимаю, что это штампы, но когда человек ведет себя, как штамповка, лучший способ описать его поведение – штампы. Итак, весна, апрель, Матвею уже шесть месяцев, у него снова начал болеть живот, и я опять не высыпаюсь. Тем не менее, я не курю, чувствую себя прекрасно. В Молдавии все цветет, на мне военная куртка, - ты похож к ней на бомжа! негодует моя мать – и модный свитер, купленный еще Оксаной. Я иногда с тревогой думаю о том, что будет, когда ее вещи, в смысле, вещи, купленные ей для меня, износятся. У меня ведь совсем нет вкуса. Искать еще жену?! Ладно, с этим потом. Джинсы на мне новые, и, как всегда в новых вещах, я благодушен и кокетничаю. Напротив меня – грустный усатый молдаванин, пресс-секретарь испанской компании «Юнион Мендоса», Василий Гараба. На нем костюме, сидит, который, впрочем, так себе – в Молдавии мало кто умеет носить костюмы, я, кстати, умею, - и он, глядя в потолок, вздыхает и начинает пересчитывать пачку денег.

- ...десять, одиннадцать...

Я приветливо улыбаюсь, и гляжу в окно. Напротив – цветущая японская вишня. Надо бы что-то сочинить про сакуру, думаю я. И ликую, вида стараясь не подавать. Все-таки сработало. Вася Гараба отсчитывает мне семь тысяч долларов купюрами по сто.

– ... двенадцать, тринадцать...

Считай, считай, мой счетовод. Семь тысяч долларов. Неплохо, на лето хватит. Свожу Матвея на море. Трахну там какую-нибудь телку. Покажу ребенку море. Деньги, которые я получил на Матвея в газете, закончились. Я и не предполагал, что на ребенка уходит столько бабла! Ей Богу...

– ... четырнадцать, пятнадцать...

Вот и пришлось заняться бизнесом. Ну, если проще – вымогательством. Или шантажом. Как угодно. Вася пересчитывает деньги, которые компания «Юнион Мендоса» платит мне за то, чтобы я не опубликовал большую статью о том, как эта доблестная фирма незаконно приватизировала электросети. Полиции и наручников я не боюсь. Семь штук сущие копейки за то, чтобы не разоблачили твою аферу на десять миллионов. Это раз. Я надежен и, как тигр, два раза на одну добычу не нападаю, и Вася это знает, - это два. Я не лох, и наличку в руки просто так бы не взял, поэтому деньги мне оформляют вполне законно – за помощь в освещении работы компании в средствах массовой и прочая, прочая. Попробуй я взять их побыстрее, и без всех этих сопроводительных бумажек, меня, само собой, давно бы уже кормили обедами в предварилровке.

– ... тридцать, тридцать один...

Считай, считай, мой горячо любимый друг. Сейчас, как, в принципе, и всегда, я в который раз понимаю: на самом деле я люблю только деньги. Правда, я хороший вариант стяжателя: я люблю их не как таковые, а за то, что они разгружают меня от забот.

– Семьдесят. Все!

Я расписываюсь в ведомости, получаю деньги, и мне даже хватает наглости не отказаться от чая. Вася все еще грустен. Безусловно, его ждут неприятности за то, что не он не разрулили ситуацию без денег. Мне жаль его. С другой стороны, я могу только предполагать, сколько он взял у них на самом деле («этот проклятый шелкопер требует двадцать тысяч...»). Мне не жаль его. Оказывается, разводить компании на бабло куда легче и приятнее, чем я думал. Раньше я просто ленился так делать. Но рождение сына сделало меня разбойником с большой дороги, внезапно думаю я. После чего поправляюсь: рождение Матвея высвободило во мне этого разбойника, который был всегда.

- Что грустим, Вася? - хочется мне как-то развеселить и ободрить коллегу.
- Я понимаю, что вы стараетесь ради сына, - с неуловимым, но все же присутствующим акцентом, говорит он, - но приятно ли будет ему узнать, что его отец шантажист?

Я понимающе улыбаюсь. Если бы мне наступили на яйца, я бы тоже старался бить ниже пояса.

- Не думаю, - подыгрываю я, грустно покивав, - не думаю, что сын обрадуется... Единственное, что может облегчить его страдания, так это...
- Что? - заинтересовался Вася.

- ... то, что его папа-шантажист вымогал деньги не у порядочных людей, а у воров, - заканчиваю я. - Может, он даже будет мной гордиться?! Я ведь благородный. Как Бони и Клайд.
- Какая разница, против кого совершено преступление, главное, оно совершено...
- Знаете, Вася, каков лучший способ не попасть в скандал с девками в бане?

Он вопросительно смотрит на меня.

- Просто не ходить в баню с девками, - объясняю я.

Треплю его по плечу, жму безвольную руку, и выхожу на улицу. Выпрямляю спину, и иду, холодно улыбаясь каким-то своим мыслям. Я спокоен, я холоден, я зол, я ад и пламень.

Еще и коляску летнюю куплю.

xxx

Персональный сонник номер 236: петух*

«Дорогая Мария! С чувством непередаваемого изумления, и, я бы даже сказал, предвкушения, я увидел Ваше письмо на своем рабочем столе. И пусть в нашу эпоху, эпоху интернета и передовых технологий, нет уже старых добрых писем, начертанных гусиным пером, с каплями чернил, упавших на бумагу, пока корреспондент сидел, задумчиво глядя куда-то поверх старинного дубового стола... Пусть голуби перестали быть почтовыми, а письма для нас теперь – набор цифр в недрах этих изумительных механизмов, компьютеров... Все же чувства, чувства, которые мы испытываем, глядя на письмо, - значок письма, пусть! - пришедшее к нам, чувства остались прежними.

Нас волнует, притягивает и манит неизведанное послание. Что это? Горькая весть? Благая весть? Евангелие? Наверное, Мария, глядя на голубку, которой притворился Дух святой, испытывала те же чувства, что и мы.

Ваше письмо тем более волнующе для меня, что в нем есть вопросы, вопросы, обращенные ко мне, касающиеся ваших снов и призванные сотворить из меня настоящего оракула. Для меня стать им для утонченной – редкость в наши сумасшедшие и чересчур торопливые дни, - дамы в пору цветения, как кокетливо и верно отметили вы в запросе, это больше чем честь. Удовольствие. Вы говорите, что любите читать на ночь страницу-другую Маркеса и иногда что-то из других испанцев. Честное слово, редко когда я испытывал удовольствие от того, что составляю персональный толкователь сна такому умному и начитанному человеку, как Вы...

Вы говорите, вам снился петух. Позвольте мне, не из лени, а просто для того, чтобы лишний раз испытать чувство удовольствия от прочтения вашего письма, его простого, безыскусного, и в то же время прекрасного, - как речи латинян, слога, - процитировать это место Вашего письма.

Вы пишете: «... в комнату, набитую нечистотами, омерзительными испражнениями, адскими рисунками из них, которыми были покрыты стены комнаты, втолкнули и меня. Стоя посреди этого ада, заломив руки, я вновь чувствовала себя напуганной 17-летней девушкой, оказавшейся в спальне похотливого старца. Вдруг посреди нечистот мелькнуло, медленно, но в то же время мелькнуло, вы же понимаете, так только во сне бывает (о, еще как понимаю! - прим. В. Л.) что-то яркое.. Пестрое... Петух! Это было

так поразительно, так великолепно! Птица, очень яркая, гордо бродила посреди комнаты нечистот, и, не обращая на них никакого внимания, гордо пела песню. Чему? Может быть, рассвету, неумолимо наступавшему на нас испо...»

Мария, для начала давайте вспомним, что значит петух, увиденный во сне. Это, во-первых, слава, причем не какая-то провинциальная приземленная известность, а слава настоящая, подлинная, безжалостная, великая, всемирная... Не спешите радоваться! Ведь слава пожирает нас, как тигр... Потому второе толкование сна с петухом означает: берегись этой славы. Увернись от нее, как тореадор от рогов разъяренного быка, в последнем усилии метнувшего свое тело, как копьё, в яркий наряд этого странного человека. Поэтому, как Ваш личный астролог, я рекомендую: завтра и послезавтра вам не стоит предпринимать ничего, чтобы повлекло... Также воздержитесь от жареного и сладкого... Касательно же спальни старца, которую вы увидели в комнате вашего сна, могу сказать что....

С уважением, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

* - оплачено (прим. бухг.)

xxx

Офигеть. Два. Сразу два. У него выросли два зуба. Снизу, острые, маленькие и белые. Это типа чтобы быть как зайка? Зайка-бибигайка. Блин, а я снова обессилел, потому что спит он теперь на диване со мной. Опытным путем выяснено: проще положить оглоеда на подушку на ногах и покачивать, когда он ночью заноеет, чем бегать каждые полчаса в его комнату.

Возле березы прыгает белка, и Матвей с криком «эгек», рвется к ней из коляски. Вот если бы ты еще и ходить умел. Ох ты Господи. Скорей бы уж вырос. На завод, на завод! Первую зарплату принесешь папаше, а дальше хоть трава не расти.

Вообще-то, я уже три дня как должен быть на работе. Только мне, почему-то, не хочется. Поэтому я, ритмично дыша, бегаю в парке с летней коляской, в которой примостился Матвей, - засыпает он, видите ли, только если развить большую скорость, - кормлю его тут же, в парке, меняю в парке, купаю в еще прохладном, зато весеннем ручье, да стараюсь не отвечать на вызовы мобильного телефона. Правда, этот все же приходится принять.

- Братан, Вован, здорово!
- Здорово, братан, - присаживаюсь я на корточки, ведь если уж выдерживать стилистику общения, то до конца, мне бы еще спортивный костюм.
- Братан, как дела?
- Все оки, братан.

Нет, как это не смешно, но разговариваю я вовсе не со своим двоюродным братом, который бандит, и который два месяца тормозит меня, чтобы я помог ему получить визу в Испанию. Судя по его намекам, там нужно кого-то зарезать, и потом снова скрываться в Молдавии. Нет, это не брат. Звонит мой выпускающий редактор, явно не доигравший в детстве в казаков-разбойников, и поэтому усыпающий речь «братанами», и ласково говорящий на планерках редакции в составе из пяти-шести теток и одного меня - «здорово, бригада».

- Когда возвращаешься?
- Знаешь, - я не подготовлен, поэтому говорю коряво, - не знаю...
- В смысле, - хихикает он.
- В том смысле, - вдруг ни с того ни с сего говорю я, - что я не возвращаюсь.
- Что? - кротко спрашивает он.
- То, - кротко отвечаю я.

Я напуган не меньше его. Потому что ничего такого говорить не собирался.

- Что это на тебя нашло? - зло спрашивает он.
- Понимаешь, - Матвей ползает по траве, и чтобы следить за ним, я привстаю, отчего у меня кружится голова, - надоело.
- Что?
- Ну, - выдыхаю я, и пускаюсь в объяснения, - меня затрахало все это, понимаешь. Надоело. Выхожу из игры.
- Ты здоров?
- Конечно. Не делайте психа из меня. Мне надоело.
- Ну, а чем заниматься будешь?
- Да ничем.
- Слушай. Давай еще раз. Здорово, братан.
- Здорово, братан. Я ухожу.
- Ну объясни.
- Ох, - я снова вздыхаю, блин, я только и делаю, что вздыхаю, - боюсь, ты будешь смеяться, но... Я не хочу больше этим заниматься. Не хочу звонить тетке, семья которой сгорела в авиакатастрофе час назад, вся гребанная семья, сын, внук и невестка, и вымогать у нее фотографии покойников. Не хочу курить возле озера, пока оттуда вытаскивают жмурика, которого снимут для хроники. Не хочу брать бабла у экс-премьеров за интервью, и делиться этим баблом с тобой тоже не хочу. Не хочу суеты, не хочу людей. Не хочу всего этого дерьма. Вот так. Извини, что невнятно, но...
- А теперь еще раз, - сухо говорит он, - и правду.
- Ок, - смеюсь я, - ладно. И правда неубедительно. Брось палочку!
- Что?!
- Да я не тебе, сыну!
- Аа-а-а. Как он, в норме?
- Ага, только вчера предста...
- Ну так, что с объяснениями?
- Я, - пытаюсь ответить прежде всего себе, - не хочу возвращаться на работу по той же причине, по которой бросил курить. У сына некурящего меньше шансов задымить, понимаешь?
- Нет.
- Ладно. Другой момент. Мне просто мало денег. Это говенная работа, я у тебя не заработаю столько денег, сколько нужно для ребенка.
- Раньше хватало.
- Нет, не хватало. Просто я живу на то большущее пособие, да на два рассказа, которые у меня один журнал в Москве с перепугу купил...
- ... да на те семь штук, что ты позавчера из Васи Гарабы вытащил, за то, что разгромная статья не вышла. Как ты хотел ее назвать? «Испанские конкистадоры продолжают уничтожать аборигенов. Только теперь в Молдавии». Так?
- Вижу профессионала, - смеюсь я.
- Надо бы поделиться, - мягко говорит он.
- Хер тебе, - отрезаю я.

- Теперь вижу, что ты и правда не собираешься возвращаться.

Да, мы оба это понимаем. Если бы я возвращался. то непременно бы откатил. Как залог того, что и в дальнейшем смогу заниматься подобного рода вещами. Нет отката, нет возможностей. Голый Матвей на руках подползает к сосне, и начинает грызть ее. Бобер, бля. Выглядит это так смешно, что я прыскаю. Настроение отличное. Чего уж там.

Я ухмыляюсь до ушей.

xxx

Оттащив Матвея от сосны, я умудряюсь впихнуть его в коляску, и бегу вокруг озера. На третьем круге он, укачиваемый тряской, засыпает. Сползает в угол сидения, и я укрываю его легкой накидкой из шерсти верблюда. Дорогущая фигня за сто баксов. Удивительно, как считаешь деньги после того, как тебе на спину, то есть, в коляску, но на самом-то деле, какая разница, садится оглоед с двумя маленькими белыми точками на десне. Типа зубы. Снова звонок.

- Послушай, - снова мягко, наверное, в фильме «Бригада» такую интонацию подслушал, внушает мне выпускающий, - тебе могут простить, если ты свалишь по болезни. Из-за денег. Ладно, хер с ним, по твоим так называемым идеологическим мотивам, в конце концов. Но в любом случае, уходя, нужно закрыть все вопросы.
- Ты о бабле, что ли?
- Ну. В том числе.
- Я не поделюсь, - кротко, теперь уже моя очередь, говорю я – потому что не вижу в этом смысла.
- Не стоит уходить с говном на подошвах, - объясняет он, - хочешь уйти в белом, исстрадавшимся от грязной профессии пиарщика и журналиста, моралистом, совестью нации? Нет проблем. Но со всем этим и с семью тысячами, полученными за, бля, шантаж, уйти не получится.
- А почему? - придуриваюсь я.
- Потому что это коррупция.
- Это шантаж, - смеюсь я, - а коррупция, это другое.
- Что?
- Коррупция, - вдохновенно жгу я мосты, - это когда принимают на работу родственников, когда берут беспроцентные ссуды, а потом втирают работягам, что средств для повышения мизерных зарплат нет, коррупция это когда открываешь фирму-спутник, просираешь бабло, а отдавать приходится основным бюджетом – теми самыми средствами, которых якобы нет. Даже когда ты собственной дочке выписываешь холодильник за то, что она стала мисс газеты такого-то года – это тоже коррупция. Понял, да? Вот это коррупция. Пусть мелкая, пусть провинциальная, пусть местечковая, но – коррупция. А я всего лишь шантажист, понял, да?

Я смеюсь, и он, нехотя, тоже. Мы оба знаем, что о коррупции может рассказать гораздо больше он, чем я.

- Слушай, - видимо, он хочет резюмировать, но я его перебиваю:
- Ты закончил?

Мне вдруг становится скучно и я не понимаю, как мог десять лет жизни угробить на такое дерьмо, как эта работа. Как? Почему? Что меня держало? Деньги? Их не хватало.

Известность? Дешевая слава, когда в троллейбусе тебя узнают, и хотят пожать руку, а в автобусе узнают и хотят плюнуть в харю? А ведь я был упоен всем этим.

Внезапно я смотрю на себя глазами Оксаны, и вижу павлина, упоенного тремя перьями, торчащими из жопы. Пустышку. Ничтожество. И такое она видела подле себя шесть лет. Должно быть, с тревогой думаю я, я очень смешно выглядел. Очень нелепо. Не может быть. Нет, не может быть. В конце концов, я талантлив! Это-то она видела. Разве нет? Эй, Оксана. Эге-гей, Оксана?!

- Никто не может взять и просто так послать систему, - устало говорит мобильный мне в ухо.
- Я могу, - говорю я.
- Такой фокус возможен максимум один раз. А потом... Дороги обратно нет и не будет. Ни-ко-г-да.
- Отлично, значит я ухожу на-в-сег-да.
- Дело твое...
- Я не хочу тратить жизнь на это говно, кроме шуток. Я хочу видеть своего сына. Видеть, как он растет. Он говнюк, но забавный и интересный. Я хочу быть рядом.
- Послушай, так не бывает, ты понимаешь? Так нигде и никогда не бывает. Мальчик не может вырасти возле тебя, как возле мамыши. Возле юбки.
- Может. И вырастет.
- Ладно, это ваши с ним проблемы, - сухо говорит собеседник, - хочу сказать только одно. Ты никогда. Нигде. Больше. Не. Найдешь. Работу. в Этих. Гребанных. Газетах. Больше того. Во всей этой сраной Молдавии ты работы не найдешь. Даю слово. Сам похлопочу.
- Будь добр, - искренне радуюсь я, - окажи услугу.
- Ты окончательно рехнулся, - говорит он и бросает трубку, но перед этим я, нарочито презрительным тоном, успеваю бросить:

- Да я лучше, блин, астрологические прогнозы составлять буду, чем вернуться к вам, во все это дерьмо, понял, да? хоть я и не провидец какой-то, а все равно, лучше, бляха, астропрогнозы выдумывать, чем собой торговать!

Первый и последний раз в жизни я оказываюсь пророком.

Да и то сгоряча.

xxx

Персональный сонник номер 768a: блохи*

«Евгений, здравствуйте! Вы говорите, что любите читать Буковски, особенно раннего. отлично. мне тоже старина Бук нравится. чего уж там, я в восторге от него в полном. странно, ха-ха, спрашиваете вы, что человек, который любит Бука, пишет письмо в платную астрологическую службу. мало ему гороскопов на неделю. гороскопов на день. гороскопов на месяц и на год. гороскопов в газетах и в интернете, по телевизору и по радио. теперь этот засранец, пишете вы о себе, хочет еще и персональный развернутый ответ. толкование сна. ха-ха. знаешь, ничего, что на ты, но мы же, если честно, все на ты. все мы, те, кто любит Бука. и кто против этого мира. то есть не против солнца, виски и зеленого лука, после которого можно классно просрать. а против мира машин, оружия и работы. так что мы на ты, да? я бы на твоём месте не комплексовал. многие великие люди верили в толкование снов и гороскопы. может быть, ты и есть великий.»

может быть, ты перевернешь мир. если конечно, какой-нибудь сумасшедший архимед найдет тебе точку опоры. ха-ха.

Евгений, братишка, я тебе вот что скажу. ничто не реально в этом мире. кроме снов. сны, сны, ебля и жратва. вот что реально. ты, да твои сны о жратве и ебле. согласен? то-то же. я с самого начала понял, что с тобой можно иметь дело. американский флаг на стене и муравьи на кухне. бог ты мой. концептуальнее чувака не придумать. не говори мне, чо у тебя кафка в спальне и толстой в ванной. тем более мейлер – старина Бук того просто не любил.

вот ты говоришь, к чему снятся блохи. я отвечаю тебе: мужик, тебе поперло. сказочно поперло. езжай на ипподром, есть у вас в городе ипподром? у нас в Кишиневе был когда-то, да со временем всех коней перевели на колбасу, а потом высрали колбасой, а потом все это проросло в траву. ее сожрали кони. скоро мы снова будем жрать свое дерьмо, которое получится из колбасы, которую сделают из коней. тех самых коней, что нажрались нашего дерьма. ха-ха. но это несущественно. существенно, чувак, вот что. блохи – это к деньгам. карты Таро, которые я раскинул на твой сон, говорят. вот что они говорят, братишка:

- *здорово, брат. тебе поперло. блохи это к деньгам. деньги это к телкам, пирогам и мясу, к пиву да вискарю. ну, может быть еще к парочке томиков Бука. ты их положишь на скамейку у телевизора и будешь читать, когда устанешь. деньги деньги деньги, много денег.*

к кроме картишек таро, которые иногда, но все же, подпездывают, я обратился к игральным костям, рунам и солнцевороту. все они говорят одно, чувак: тебе нужно ждать баблишка. крупных денежных поступлений. получишь ты все это богатство до конца недели. читай бука, пересчитывай во сне блох и, ха-ха, не забывай часть баблишка положить на ту карточку, которой оплачиваешь наши персональные толкования снов.

миру миру, чувак. нет ядерной войне. как это ни смешно, но такие редкие люди как ты и я, иногда правда думаем о том, как это плохо. ядерный взрыв, гриб и все такое. почему бы им не оставить нас в покое. нас, меня, моего сына, тебя, твоих блох и твои сны. кстати, о блоохах. не забыл? это к деньгам. поздравляю, чувак!

С уважением, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

- *оплачено (прим. бухг.)*

xxx

- А мы неплохо спелись, - говорю я.
- Малышок, малышок, не садись на свой горшок, - говорю я.
- Какого хрена, жизнь-то не заканчивается! - провозглашаю я тост.
- Жизнь только начинается, как бы пошло и банально это не звучало, - пошло и банально улыбаюсь я.
- Выпьем! - поднимаю бокал я.
- Выпьем! - чокаюсь я.
- Выпьем, - пью я.

Матвей ползает возле манежа, который я купил совершенно напрасно. Еще тридцать баксов на ветер. В манеже его величество ползать не хочет. По уму, мне следовало бы надавать ему по заднице, но тут уж другое обещание. В отличие от многих других, действительно важное. Я дал себе слово никогда, ни разу, в жизни, вообще, чувак, понял?! не бить этого ребенка. Ни шлепком, ни толчком. Что угодно, но бить – нет. Понял, ты?

- Понял! - говорю я. - Выпьем!
- Выпьем, - говорю я.

Ну, вот. А ты, Оксана, жить мне не давала. То и дело слышишь: не пей, да не пей, не пей, да не пей. Все талантливые люди, хоть иногда, да выпивают. Шесть великих американских прозаиков пили, а седьмой – Стейнбек, крепко выпивал. Не надо кривить губы, Оксана. Да, положим, я не знаю, что это за шесть прозаиков, да и фразу случайно вычитал в какой-то гребаной литературной газете, ну и что с того? Ах, Оксана, я так устал. мне так нужно расслабиться. Я наливаю себе еще на два пальца, и бережно ставлю бутылку в умывальник. Коньяк что надо. Не понимаю родителей, рассуждаю я, приглядывая одним глазком за Матвеем, которые хоронят себя заживо. Зомби бляха. Жизнь на то и жизнь, чтобы радоваться. Радуйся сам, давай другим. Я заработал неплохие деньги. Это стоит отметить, не так ли, Оксана? Я устал, я полгода не спал, был поваром, нянькой, постирушкой, педагогом, мать его, певцом колыбельных и, как оказалось, продлил себя в этом качестве на неопределенное количество времени.

- Это нужно обмыть, правда, Оксана? О, Оксана, моя Иеманжа ваннных вод...

Правда, милый, отвечаю я себе за нее. Я набираю ванную для ребенка теплой водой, и несу ее в комнату, поигрывая, для себя, конечно, мускулами. Вот это мужик! Тридцать литров несет и глазом не моргнет. В карманах куча бабок, и через недельку едет на море. Целый месяц у моря, и все ради сына. Мне аплодирует весь мир. Я добавляю в ванночку отвара какой-то травяной гадости, - потому что мальчик стал почему-то чесать ноги, и аллерголог посоветовала мне эту гадость, - и беру его на руки.

– Но-но-но, - говорю я себе, улыбаюсь, и кладу ребенка на пол.

Возвращаюсь на кухню, выпиваю еще, и только потом иду в комнату. Конечно, я страшно бдителен. Призрак покойной дочки Кролика, утопленной дурой – женой в ванной, не дает мне покоя. Я собран, мои движения отточены, и все такое. Я беру Матвея под затылок одной рукой, другой за ножки, и окунаю его в торжественно молчащую воду цвета золотистой корки хлеба. В ней отражается еще свет люстры, которую успела заказать моя покойная жена. Свет горит рядом с лицом ребенка, и я отворачиваюсь, но держу тельце крепко. Я собран и все такое. Но когда я поворачиваюсь, голова его соскальзывает в воду, и он что-то выдавливает из себя, смешно булькает и хрипит, а я совершенно ясно понимаю, что валюсь набок, а сил опрокинуть набок с табуреток ванную у меня нет, и я понимаю, что не только валюсь набок, но и что мой сын тонет. Умирает, не понимая этого. Это надо обдумать. Я застываю, лежа на полу. Долго гляжу на пятно от клюквенного морса, аккуратно под табуретками, после чего вспоминаю. Ах, да. Матвей.

Я ставлю себя на ноги, и проходит, наверное, целая вечность, пока я встаю. Я заглядываю в ванную. Я вижу.

Под водой, с редкими расплывшимися волосами, погруженный весь, лежит, покачиваясь, как в волнах, мальчик. От него вверх не идет ни пузырька. Над его лицом мерцает отражение люстры. Ребенок смотрит на меня.

Я смотрю и смотрю, и не могу пошевелить даже веком. Я в наваждении.

Наваждение уходит, когда он моргает.

Прямо под водой.

xxx

Часа три мы кричали и плакали.

Выкачав из него воду, успокоив, еще раз выкачав воду, согрев, убаюкав, утешив, еще раз успокоив, уложив его спать, я скрючился на полу ванной. Плитка холодная, и меня знобит. Я понимаю, что лучше мне умереть после того, что произошло. Это единственный выход для мужчины – умереть, после того, что произошло.

И после того, что едва не произошло, мне тоже лучше сдохнуть.

Ирония ситуации состоит в том, что перерезать себе вены на руке из-за того, что мне было стыдно, - а мне было очень стыдно перед Матвеем, - я не могу. Ведь в таком случае его жизнь опять оказывается под угрозой.

Чтобы спасти его от отца-психопата, я должен спасти отца-психопата.

Я плачу, свернувшись вокруг унитаза, оплакиваю Матвея. Оплакиваю просто потому, что за него сегодня некому было заступиться. Бедный Матвей. Тонул, и вот тебе на.

Ни одной живой души рядом не оказалось.

xxx

Словарь Матвея

1. Фа – горячо
2. Ай – ни фиги себе, как горячо!
3. Фа – холодно и неприятно так, как будто горячо.
4. Буль – купаться.
5. Бульбуль – купаться в душе.
6. Се – купюры любого достоинства любой страны мира.
7. Папа – папа.
8. Кав-кав – лягушка.
9. Кав-кав – мочалка в виде лягушки.
10. Иа- лошадь.
11. Иа – зебра.
12. Иа – осел.
13. Иа – любое копытное.
14. Го-го – становись раком, чтобы я мог залезть тебе на шею, и ты катал меня, как иа.
15. Ия-я-я-я – маленький ребенок.
16. Мама* – любая женщина в возрасте до 40 лет.
17. Мама-мама!** - любая уходящая женщина в возрасте до 40 лет

*

** влияние бабушек. не знаю, кто из старух расстарался насчет «мамы», но эффект ими достигнут прямо обратный: во-первых, у меня из-за этого от женщин отбоя нет, во-вторых, посиделки с бабушками мы на этом заканчиваем. я не желаю, чтобы какая-то старая проблядь напоминала ребенку о том, что он сирота. то есть, наполовину сирота, но, учитывая то, какой у него папаша, Матвей сирота полный. и я не желаю, чтобы на этом акцентировали внимание его ополоумевшие бабки. ясно вам, мать вашу, тпруа?!

xxx

– Папа, се! - кричит он.

В смысле, дай денег. «Се» - деньги. Удивительно, всего год, а соображает. Я даю ему денег и он ковыляет по песку к мороженщику. Наверное, не стоило бы позволять ему есть мороженое. Хотя, кто меня попрекнет-то? А малый и вправду крепкий. Что ж. Кто не утонул, того не пристрелят, со стыдом вспоминаю я, и люблюсь Матвеем. Мальцу удалось невозможное: каким образом этот инопланетянин, ни хрена не понимавший и ловивший какой-то антенной в своей лысой башке – кстати, пора идти проверять родничок, нервно вспоминаю я – непонятные мне сигналы, переродился. В самого настоящего человека. Маленького, но - человечка. Матвей. Он красив и бежит. Ему год. Год уже. Как-то все очень быстро прошло: мне говорили, что я этого не замечу, и, как обычно бывает, пошлые изречения и истины вроде «год пройдет, не заметишь», оказались правдой. Странно, почему все идиотские банальности оказываются, в конце концов, правдой? И если в них содержится весь многовековой опыт человечества, или как там пишут в газетах, то почему нельзя облечь этот опыт, так его, в какую-нибудь менее затертую словесную упаковку?

Матвей вырос удивительно красивым мальчиком.

– Все родители, - ласково щерясь, говорит мне знакомая из далекого прошлого, держа на руках толстую трехлетнюю девочку, - считают своих деток красивыми. Моя для меня, пусть и косоглазенькая, все равно самая красивая!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не послать ее куда подальше, да еще и по голове не звездануть. С агрессией у меня в последнее время проблемы, поэтому отпуска я ждал как евреи – манной каши или молочного супчика, или чего им там насыпал с неба щедрый Иегова? Наверное, это из-за того, что правило «не бьем никогда» по отношению к Матвею действует и будет, вечным. А поскольку он выводит меня все же часто, выплеснуть это хочется в кого-нибудь другого. Например, в эту идиотку. Ведь есть за что. Матвей, - говорю это абсолютно беспристрастно, - красив. По любым меркам. Светловолосый, в деда, зеленоглазый, в мать, большеглазый, в меня. Кажется, в моей семье наконец-то появился красавчик. Обо мне так не скажешь: да, иногда я бываю смазлив, но вот чтобы красивым, нет. А этот – красавец, и тетки, выгуливающие детей в Долине Роз, где мы с Матвеем, кажется, прописались, говорят, хихикая:

– Главное, берегите ему писю! Такой красавчик растет!

С писей тоже все ок, ухмыляюсь я. Папа не подкачал. В общем, Матвей красивый не потому, что мне так хочется – я никогда не выдавал иллюзии за действительность, когда дело касается других – а просто потому, что он красив. При этом удивительно похож на меня. Как Христос на Богородицу.

Я не жалею денег на врачей, жратву и вообще, на него. Удивительно: раньше я был скуповат. Меня с самого начала предупредили, что дети на искусственном вскармливании могут жиреть, поэтому мы бегаем, прыгаем, не вылезаем из бассейна, катаемся на всем, у чего есть колеса, и ведем активный образ жизни. Матвей выглядит маленьким пузатым Аполлоном, но животик, как объяснили мне в поликлинике, торчит у всех детей.

– Папа, се! - кричит он, и получает денег еще.

Я стараюсь не отказывать ему ни в чем, в то же время, не балую. Вообще, и это поражает меня самого, я оказался неплохим педагогом. Исключая эпизод с ванной, когда я едва не утопил собственного ребенка, и с тех пор перестал напиваться, по крайней мере, при нем. Мальчик растет воспитанным, добрым и незлобивым. Иногда это меня пугает. Весь этот мир гребанный, здесь нужно уметь быть жестким. Но и прекращать его в садиста тоже не хочется. К тому же, мальчик слишком красив, и это тоже внушает мне тревогу. Что ж, решаю я, вытянувшись на песке, и приглядывая за ребенком, это проблема, и мне придется каким-либо образом ее решать. Не сейчас, позже. На меня падает тень, я поднимаю голову и вижу солнце, остановившееся аккурат в треугольнике между ляжками и под лобком девушки лет двадцати.

- Ваш малыш? - улыбается она, и подняв Матвея на руки, опускает его рядом со мной. - Смотрите внимательнее, он полез в море.
- Он умеет плавать, - говорю я, и это сушая правда. - Сам научил.
- Такой маленький?!
- Да, - хвастливо говорю я, - а вы, вы-то, наверное, плаваете как дельфин?
- Почему вы так решили? - удивляется она, присаживаясь, и я вижу, что сверху она худенькая, но волосы у нее длинные, до самой задницы, как у моей покойной жены.
- Да я не решил, - признаюсь, - просто захотелось познакомиться.

Она смотрит на меня с улыбкой. Матвей говорит:

– Го-го.

Дальше мы общаемся на четвереньках.

xxx

- Смешной ты, - говорит Ира.
- Ха-ха, - говорю я.
- Мне восемнадцать на самом деле, - говорит она. - Восемнадцать лет.
- Ого, - говорю я.
- А не двадцать, как ты подумал.
- О, - говорю я.
- Ну, ты же сказал, что мне, наверное, двадцать, вот я и подумала, надо тебе сказать, сколько мне.
- Да, - говорю я.
- Приехала на море с двумя подружками. - делится она. - Первый раз на море сами оказались.
- Круто, - говорю я.
- Раньше никогда сама на море не была, - говорит она. - Сначала маленькая с родителями, потом один раз с парнем.
- Ну-ну, - говорю я.

- Поехали в город у моря, у него там родственники. Они еще ему говорили: не обижай Ирочку, она хорошая.
- Не обидел?
- Тогда не-а. Потом. А на море было как в раю. Целый месяц.
- Угу, - говорю я.
- А вот осенью, это последний класс был, он меня бросил.
- Увы, - говорю я.
- Ну, я погоревала, погоревала, а потом был у меня еще один, тоже стар... взрослый, как ты. Двадцать пять лет!
- Ну и ну! - говорю я.
- Только и с ним было недолго. Я хотела ребенка, забеременела, а потом случился выкидыш. Ну, ему было все равно. И я подумала, тогда какого черта мы с ним типа встречаемся? На фиг все это!
- У-у-у, - говорю я.
- Но и это было недолго. Потом еще что-то было, я, если честно, уже и не помню, - говорит она так, как должна говорить такие вещи взрослая женщина.
- Ага, - вздыхаю я.
- Но и это все было весной, и на море мы с ним съездить не успели. Хотя он постоянно трывдел: Савоськина, Савоськина, вот будет лето...
- А? - говорю я.
- Ну это фамилия моя. Савоськина.
- Аа-а-а, - говорю я.
- Смешная, правда? Как сумка? Помнишь, раньше такие были. Авоськи.
- Н-да, - киваю я.
- И летних романов у меня, если подумать, еще не было, - признается она, - никогда.
- Вот как, - говорю я.
- Живем тут неподалеку в деревянном домике, - сообщает она.
- И? - говорю я.
- Соседний домик снимают три каких-то мужика, - улыбается она. - Водят к себе постоянно девушек, спать не дают. Крики, стоны.
- Хм, - говорю я.
- Ты чудной, - говорит она. - И с ребенком...

Мы лежим на деревянных шезлонгах прямо на пляже. Мой дом виден. Окно комнаты, где спит Матвей, приоткрыто. Мальчик спит, за ним присматривает нянька из санатория, вроде бы проверенная и рекомендованная, - бешеные, блин, бабки! - но я все равно поставил шезлонг так, чтобы видеть окно. У нас с нянькой уговор: если мальчик проснется, она сразу зажжет свет и я прибегу. Рядом со мной мобильный телефон, у няньки мобильный телефон, в общем, все меры предосторожности соблюдены и я могу расслабиться. Становится чуть прохладно, песок рыжий, потому что солнце почти в воде, и я бросаю большую бутылку из-под белого вина чуть в сторону. Потом накидываю на ноги Иры колючий солдатский плед. Тонкий. Но теплый. Правда, жесткий.

Она сразу же снимает его и садится ко мне на шезлонг, и целует в губы. Мы целуемся долго. Потом... Я беру ее руки в свои, и чуть отталкиваю. Ира поднимает брови.

- Послушай, послушай, - говорю я, - тебе наверное, трудно будет понять. Но я.. Все это... Весь этот пляж...
- У тебя не стоит? - понимающе спрашивает она.
- Ох, - огорчаюсь я, - да как ты могла подумать? Нет, просто, Ира...
- Что? - она чуть отворачивается.

- Дело не в тебе! - горячо восклицаю я, и, поняв, что всю эту чушь она слышала уже раз десять, смеюсь. - То есть... В общем, понимаешь...
- Ну?
- Мальчик.
- Ты не хочешь изменять жене? - спрашивает она, сидя также вполоборота. Она у меня на коленях, но я этого не чувствую.
- У меня нет жены, я вдовец, - объясняю я. - Это правда, поверь. Просто...
- Просто?
- Я боюсь, что у тебя СПИД, - очень тихо говорю я. - Мы совсем друг друга не знаем. Я тебе верю и...
- А, - говорит она.
- Будь я один, - пыхчу я, я бы не думал, потому что ты мне очень нравишься. Очень. Но если...
- Ну да, - говорит она.
- У него совсем никого нет, кроме меня, - объясняю я.
- Угу, - кивает она.
- Ты, наверное, думаешь что я параноик, но... Он реально один, понимаешь, один. У него нет никого, кроме меня.
- Ага, - говорит она.
- Да и меня, если вдуматься, - глажу я ее по спине, - у него нет. У него вообще никого нет.
- О-о-о, - говорит она.
- Но я, по крайней мере, присутствую как кошелек и машина для уборки, стирки и кормежки.
- Н-да, - говорит она.
- И если у тебя это, нет, я конечно не верю, что у тебя это, но мы правда-правда совсем друг друга не знаем, и, если не дай Бог, со мной что-то случится, он... Он совсем один останется. Понимаешь. Один.
- Ага, - говорит она.
- Черт, ты наверное думаешь, что я офигеть какой опытный, - рассуждаю я.
- Да, - говорит она.
- Но я, честно говоря, не совсем опытный, - вру я.
- Аа-а-а, - говорит она.
- Черт, я даже не знаю, дают ли стопроцентную гарантию презервативы, - сокрушаюсь я.
- Угу, - говорит она.

Встает, и я снова гляжу на рыжее солнце под ее естеством. Я очень хочу Иру. Наверное, у меня и правда паранойя. Я щурюсь, потому что солнце, хоть и холодное, но все же слепит. Фигура у нее что-надо. Полные, приятно полные ляжки, длинные волосы, зад что надо, грудь небольшая, но красивой формы. Я готов скулить от бешенства и унижения. Не знаю, что на меня нашло. Какой СПИД может быть у восемнадцатилетней девчонки, у которой и мужиков-то было от силы штук пять, и это считая первого бойфренда, польстившегося на ее пресловутую девственность – объект мечтаний всех гормоновзбесившихся старшеклассников, да еще случайного партнера по танцу на дискотеке, у которого не встал. То есть, пять не считая двух, то есть три. Да ее не растряхали еще толком. Какой СПИД, она даже в задницу еще не брала, небось? Но мне и правда страшно. Я точно параноик. Я прикасаюсь к ее ляжке и чувствую, что кожа Иры покрыта пупырышками. Ах ты моя гусынька, хочу сказать я.

Ира мягко отводит мою руку, взмахивает головой, как делают девушки, у которых длинные волосы, и которые хотят убрать эти волосы с лица. Я открываю рот, и люблю ее спиной и задницей. Я думал, она меня ударит.

Она просто ушла.

xxx

- Можно, я поцелую тебе руку? - спрашивает она.
- Нет! - говорю я. - Неужели ты пошла на такие жертвы только ради руки?
- Не только, - улыбается она и слегка кусает мне грудь.

А поскольку она, грудь, у меня из-за тренировок твердая, я получаю удовольствие, не думая о том, как отвратно могу выглядеть в глазах девушки. Приятно выглядеть неплохо, понимаю я, и на секунду успеваю пожалеть, что не следил за собой, когда жил с Оксаной. Потом забываю об этом...

Ира переключается на губы и мы долго целуемся, покачиваясь на шезлонге. Я в ней, и нам хорошо. Совпадение: каждый раз, когда она подходила ко мне, солнце оказывалось строго у нее между ног. Я еще удивлялся, как так получается. Даже думал, что она нарочно так делает. Оказалось, нет.

И только после того, как Ира, не смущаясь, но глядя чуть в сторону, сняла с себя плавки, и села на меня, глядя в глаза, а на пляже не было никого, кроме нас, да чаек, собиравших остатки обедов прожорливых украинских туристов, да морских блох, сигавших по краю волны и песка, да ветра, да песчинок, летавших с косы на берег и обратно, да нескольких облаков, да Солнца, опять порыжевшего, я понял. Я все понял. Солнце просто хотело быть у нее между ног. Я тоже хотел. Думаю, все на свете хотело быть у нее между ног. То, что там было, я обозначил только одним словом.

- Идеал. То, что я тебя между ног, идеал.
- Остальное, - хихикнула она, - не нравится?
- Нравится, - не соврал я, - но это – самое пресамое ценное расценное.
- Я люблю секс.
- Я люблю тебя, - сказал я.
- Не верю, - улыбнулась она.
- Много ты понимаешь, - сказал я.
- До черта, - сказала она.
- Ни хрена, - сказал я.
- Тебе нравится моя грудь? - спросила она.
- Еще как! - не соврал я.
- Она небольшая, - сказала она.
- Мне нравится, - сказал я.
- А все остальное?
- Не могу налюбоваться на твой живот, - не соврал я. - На лицо. На все.
- Чувствуешь, как сжимаю? - спросила она.
- Ох, - сказал я.
- Что? - начала щекотать мне шею языком она.
- Ох, - честно повторил я.

Два дня назад я лежал на пляже, старательно пряча лицо в покрывале. Матвей под зонтиком играл с самосвалом. Почему-то именно самосвалы вызывали у него самый большой интерес. Наверное, развивается как личность, подумал я, и хочет не просто возить что-то на колесах, но и строить. Пришлось купить еще два самосвала, кроме одного того, что мы привезли из дома. По сторонам я старался не смотреть, потому что везде

видел лица хихикающих малолетних девчонок, перед которыми, без сомнения, Ира меня ославила. Наверняка, страдал я, она не поверила в мои путанные объяснения, и решила, что я и правда не могу.

- Интересно, - спросил я себя вслух, - почему у тебя все объяснения путанные? Никому толком ничего объяснить не можешь. Косноязычный бя придурок! Писатель хренов!

Я даже подумывал о том, чтобы свалить. Единственное, из-за чего мы остались: те самые врачи, один из которых все растолковал мне насчет моря. Меньше месяца, сказал он, это не срок. Если меньше месяца, то даже не стоит ребенка мучить, понимаешь? Смена климата, все такое. ему нужно попривыкнуть, ему нужно втянуться. Ты же не сразу втягиваешься, а? Желательно, конечно, вообще на три месяца. ну, как раньше дворянских семейства ехали в Крым на лето, помнишь? А как же. посмеялся я, помню. Помню, собрались мы на море с батюшкой в тысяча девятьсот тринадцатом... Три месяца, конечно же, я не потянул бы. Поэтому ограничились одним. Что ж, придется терпеть. Надеюсь, девчонки скоро свалят: вряд ли у школьниц есть деньги на отдых дольше, чем на неделю-другую.

Тут передо мной что-то упало. Не очень тяжелое. Перо? Чайки в Затопе совсем обнаглевшие, гадят прямо на голову.

- Хех, - сказал Матвей, - хех.
- В смысле? - спросил я, не открывая глаз.
- Хех, - пояснил он.
- Бумага? - переспросил я. - Что за чушь?
- Хех, - терпеливо сказал Матвей. - Мама хех.
- Бумажная женщина? - удивился я.
- Мама хех, - пояснил Матвей.
- Женщина с бумажкой, - понял я.
- Сяка, - согласился, наконец, он.

Пришлось открыть глаза. Передо мной лежала бумажка, на которой сверху было написано смешное слово «ДОВІДКА». Что еще за хрень, собрался спросить я, но дрожащий голос сверху произнес:

- Справка. По-украински это «справка». Из местного медицинского диспансера. О том, что сдавшая анализы совершенно здорова, и ВИЧ-инфекции... а также... в крови не обнаружено.

Я поднял голову. Конечно, это была Ира.

Конечно, под ее лобком сияло Солнце.

xxx

*Персональное толкование сна номер 654-ф: крыса**

«Уважаемый Георгий Степанович!

Для начала, позвольте мне поздравить вас с праздником всех трудящихся. Пусть нет той великой страны, на благо которой Вы и тысячи, нет, сотни тысяч! ваших соратников

трудились и проливали пот и кровь, но наследие ее осталось. Мы, тридцатилетние, говорим вам, поколению старших, - низкий поклон! С праздником! С 1 мая Вас!

Вы уже взрослый, зрелый человек. Нет, прошу вас, не нужно, вы, наверняка, кокетничаете, когда пишете, что уже стары. 60 – не возраст! Тем более отрадно для меня, человека молодого и неопытного, получить письмо от Вас, умудренного жизнью мужчины. Да еще и узнать, что, в отличие от многих Ваших сверстников, Вы, в годину бедствий, в которые погрузили нашу страну эти, с позволения сказать, либерасты и дерьмократы, не потеряли себя. А нашли силы выстоять, и открыть свое предприятие, выживающее в условиях дикого капиталистического рынка, да еще и живущее по законам социальной справедливости. Я, без преувеличения, счастлив, что такие люди как Вы, есть! Это поколение моих родителей, поколений стальных людей, поколение, перед которым я преклоняюсь, и которое олицетворяете Вы и такие как Вы, Георгий Степанович.

Уверен, что причина ваших успехов – в той стойкости, в той закалке характера, которую Вы получили в великой стране, в СССР, и в комсомоле. Комсомол, великая кузница кадров! Как жаль, что этой организации нет больше в тех жалких осколках СССР, которые по какой-то иронии судьбы называются «независимыми государствами». независимыми от чего? От чести, совести, достоинства, братства, дружбы народов, всего того самого лучшего, что давала нам великая страна, строившая заводы и фабрики, растившая поля и сады, открывавшая космос и непроходимую тайгу...

Тем обиднее мне, Георгий Степанович, что Вы, человек умудренный и искушенный в жизни, прибегли к помощи, по сути, шарлатанов! Право, Вы же наследник великой эпохи индустриализации! Разве, если у вас заболит зуб, Вы обратитесь к знахарке, которая обмажет Ваш рот чем-то зловонным, а потом начитает заговоры, - глупые предрассудки, законсервированные в веках, - и поплюет на землю пять раз? Георгий Степанович, Георгий Степанович... Конечно, нет, ответите вы, в этом я точно уверен. Тогда почему Вы, вместо того, чтобы обратиться к специалистам, людям сведущим, спрашиваете о значении вашего сна... дурацкую поисковую систему в интернете. Да ведь там банальный набор стереотипов, которые тасует, как карты, пи подсовывает вам машина! Ну, и результат соответствующий... Вы пишете, что на слово «крыса» вам пришло следующее сообщение:

«Видеть крысу, значит, быть сильно избитым соседями или близкими друзьями. Быть укушенным крысой, значит, получить травму или моральный ущерб. Ловить крысы, значит, искать врага в стане приспешников»

И вот Вы уже спрашиваете меня, стоит ли Вам начать поиск неблагонадежных среди сотрудников Вашего предприятия, конечно, не Вам лично, а службе безопасности Вашей компании. У Вас не должно быть врагов, говорите Вы, потому что на предприятии настоящий социализм, но эти смутьяны из профсоюзов вечно чем-то недовольны, хотя 150 долларов в месяц – прекрасная зарплата для Молдавии, пусть даже с небольшой, в месяц или два, задержкой!

Ах, Георгий Степанович. Стоит ли из-за неверного толкования сна начинать поиск врагов на Вашем предприятии. Ведь если бы Вы с самого начала обратились к нам, в Персональную, я подчеркиваю, - ПЕРСОНАЛЬНУЮ службу толкования снов, то Вам бы сразу объяснили, что...

... крыса, которая снится предпринимателю, есть не что иное, как символ благополучия: подобно тому, как грызуны складывают запасы зерна и еды на зиму в тайниках, так и Вы сумеете накопить капиталы, которые послужат на благо Вам и обществу...

... крыса, которая снится с четверга на пятницу, есть не что иное, как один из обликов богини Аматерасу – той самой, которая создала Японию, и произвела на свет первых ее императоров...

... своим появлением богиня Аматерасу символизирует начало эпохи расцвета, и, таким образом, Ваше предприятие ожидает бурный рост, темпы развития, которым позавидуют конкуренты, и, скорее всего, Вы получите за вклад в развитие индустрии какую-нибудь государственную награду, которая, без сомнения, послужит лишь скромной оправой Вас самого...

... крыса, которая пищит (а Вы жаловались на то, что она пиццала), символизирует вовсе не ругань и ссоры, а, напротив, звук, ей издаваемый, есть не что иное, как благоденствие «и-и-и-и-и-и». Поверьте, буддийские монахи во время медитаций даже специально тянут это «и-и-и-и», чтобы улучшить свое настроение...

Веселье и процветание ожидают Вас, Георгий Степанович. Потому будьте спокойны, и благоразумны. Даже в бурю сохраняйте спокойствие. Пусть таким будет ваш девиз.

Искренне Ваш, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

xxx

Словарь Матвея

1. Хех – бумага
2. Сяйке – зайка
3. Сяка – ну да.
4. Сяка, а? - ну, да, чего орешь?
5. Тякатыка – дай пощечочу
6. Тякатыкада – щечочу, смейся!
7. Бырбырбыр – пойдём гулять
8. Опа- пропало, исчезло.
9. Йо – море
10. Ие – Ира
11. Бырбыр Ие – пошли к морю с Ирой погуляем, я сделаю вид, что не понимаю, зачем вы там под пледом копошитесь.
12. Ие Се – Ира Савоськина
13. Ие Се е? - куда пропала Ира Савоськина?
14. Ие Се е... - мы что, больше не увидим Иру Савоськину?
15. Оо-о-о – ну и зад у Иры Савоськиной!
16. О—о-о-о Ие – дай потрогать зад, Ира
17. Пакапака Ие – пока-пока, Ира.
18. Ие – Ира
19. Ие е – Послушай, у нас проблемы: мы оставили на перроне Иру Савоськину!
20. Ие е, йе! - ты что, слепой бля, ты что, не видишь, мы ее забыли на перроне?!

21. Ие, а?! - я не понял, мы что, не останавливаем поезд, чтобы вернуться за Ирой Савоськиной?!
22. Ие... - слушай, завязывай, я соскучился по Ире Савоськиной.
23. Ие мама – давай оформим ее как маму, в конце-то концов!
24. Ие... - эй, кто-нибудь, в коридоре или там, в тамбуре, никто не видел Иру Савоськину?
25. Ие не? - совсем совсем ее нет здесь? вы точно искали?
26. Ие папа – слушай, давай поищем здесь Иру Савоськину, где-то то рядом она должна быть.
27. Ие – Ира, вылезай блин из-под матраца.
28. Ие... - тебя правда здесь нет?
29. Сяйкэ Ие - Ира зайка
30. Гэ – идите в жопу все, уроды!

xxx

Мимо меня с грохотом пролетает кусок льда. Я прижимаю голову, и успеваю прикрыть собой сына. Само собой, специально в него никто не метил, но рынок не место для церемоний. Чайных бля церемоний. Я болтаю пакетиком в пластиковом стаканчике, после чего с незаинтересованным видом вытаскиваю пакетик на стол. Ну, не совсем на стол. На салфетку, скажем так. Ладно, на кусок резаной бумаги, которые здесь выдают, как салфетки. В павильоне без стен, зато с желтой фанерной крышей, освещение трахнутое какое-то: люди словно вампиры, желтолицые гепатитники, блин. Я прижимаю Матвея к себе, глажу по голове и снова усаживаю на стол, круглый, на уровне груди взрослого человека. На таких много лет назад стояли кружки с пивом, а вокруг толпились алкоголики – такие карикатуры я, по крайней мере, видел в журнале «Крокодил» в своем счастливом детстве. Боюсь, у сына такого же не будет. У нас проблемы.

- Это все временно, - говорю я. - Подумаешь, месячишку перебьемся. Дальше будет легче.
- А-а-а, - говорит Матвей.
- Понимаешь, - оправдываюсь я, накалывая на пластмассовую вилку полупрожареную рыбу, - все оказалось, как мне и обещали мои горячо любимые друзья с места прежней работы. Кислород перекрыт. Работы в этом гребанном городе Кишиневе мне и правда не найти. Не дадут.
- А. Сяка.
- Ну да, рыба. А уезжать куда-то – ты еще слишком маленький. Оставлять же тебя кому-то я не желаю, понимаешь.
- Сяка-ся! - говорит Матвей, в этом мы солидарны, мы фактически сутки напролет неразлучны и нам это нравится.
- Деньги, которые я вымогнул с «Мендосы», закончились. Отдых, понимаешь ли, да еще эти анализы долбаные.
- Фе-фе! - вспоминает Матвей больницу, конечно, ничего серьезного, но с тех пор, как медицина в Молдавии стала платной, здесь даже в банку поссать стоит бешеных денег, а ссать нам в нее приходилось после моря очень часто, потому что у малыша начались определенные проблемы с аллергией, знать бы только на что...
- Вот-вот, - устало говорю я. - А еще за квартиру, а еще кредит за отопление, которое нам вчера установили, и не потому, что я сибарит какой-то, а просто потому, что бляха, прошлой зимой у тебя были ледяные руки, что меня совершенно не устраивает!
- Фе! - потрясает рукой Матвей, я вижу, что ему это тоже не нравилось, ну, еще бы, кому понравится спать одетым в комбинезоне с шапкой на голове, даже если тебе всего год,

и ты ни хрена не понимаешь, задница-то твоя, она все понимает, особенно когда мерзнет.

- Потому что, бляха, центральное отопление в Молдавии такая же лажа, как и ее медицина, - грустно резюмирую я.
- Аха, - лыбится Матвей, и я успеваю подсчитать его зубы, восемь всего, что ли.
- Поэтому, - подбиваю я баланс, - денег у нас почти не осталось. На тебе это не скажется, а вот папе придется, как говорят, затянуть пояс. Которого у меня кстати нет, ха-ха. Ремень тоже бешеного бабла стоит.
- Ха-ха, - радуется моему «ха-ха» Матвей.
- И еще, - строго говорю я. - Мне бы не хотелось чтобы ты неправильно понял. Папа ест на рынке в столовой не потому, что он мудака какой-то или у него денег нет, или он экономит. Просто папа оригинал. Понял? Я не желаю, чтобы у тебя была травма, когда ты вырастишь. И благодарности мне никакой тоже не хер не нужно. Сам виноват. Не был бы я придурком, работал бы сейчас, как раньше, газетчиком.
- Угу, - соглашается Матвей.
- Правда, видел бы тебя два часа в день. Между вечерними новостями телевидения и ночной порнопрограммой. А что. Нормальный бля отец.
- Не, - хмурится Матвей.
- Ну, да, - подумав, говорю я. - Меня бы такое тоже не устроило.
- Аха, - говорит Матвей и начинает ковырять в носу.
- Идем, - говорю я, дожевывая рыбу, и подчистив салат. - И вытащи палец из носа.
- Зя! - обиженно восклицает он, торжественно поднимает палец вверх, и если бы я был сыт, меня бы стошнило.

Весь обед – жареная в жидком тесте, и всегда полусырая рыба, салат и рыба в соусе, обходится мне в восемь леев. Дешевле, наверное, только в Эфиопии, да и то там постоянно голод. По крайней мере, так передают в новостях вот уже двадцать восемь лет, что я живу.

Несколько месяцев мы живем тяжело, а потом все словно прорывает. Стремительно падаем. Камнем просто. Потом просто бедствуем. Я продаю диван, а потом пальто. Что ж, военная куртка смотрится на мне даже актуально, поэтому я особо не парюсь. Рейнджер бля. Со временем приходится даже сдать обручальное кольцо в ломбард.

Единственное, чем я гордился тогда и горжусь до сих пор: ребенку не пришлось голодать. Впрочем, трезво сужу я себя, тут все дело в такой мужской гордости, тут речь о любви, может быть, и не идет. Это типа как поднять штангу в 100 килограммов или научиться водить машину: выдержал, не облажался, прокормил, сдюжил, мужик! Все это время я, глядя ему в лицо, пытаюсь понять: где заканчивается это гребанное самолюбование, и начинается любовь. Ведь любим же мы друг друга, разве нет?

С работой правда было тяжело. Разумеется, никакого лица я не сохранял, и как только понял, что деньги заканчиваются, а ни один из моих рассказов «а-ля Павич» (Апдайк, мать вашу, Апдайк!) не покупают, пробежался по всему Кишиневу. Редакции, иностранные компании, пресс-службы. Бренд-агентства. Пиар-агентства. Приемные депутатов, министров, вице-мэров, и политических авантюристов.

Все они словно сговорились.

Конечно, меня пустили все – насладиться видом чужого крушения всегда приятно. Конечно, работу мне не дал никто. Только улыбались - «не хотим вспоминать, но, кажется, ты сам собирался забить на как ты это назвал... систему? ха-ха». Что самое отвратное, я был с Матвеем – которого просто негде было оставить, потому что градус моих

отношений с его бабушками не то, чтобы накалился. Его просто не было. Мы перестали даже звонить друг другу.

Единственное, что меня утешало: Матвей был очень красив, от него млели секретарши, а все остальные завидовали. И, уходя, я намекал им всем на то, что их-то дети – уроды. Ну, да. Так оно и есть.

Дети, они ведь в родителей.

xxx

К счастью, Бог и репутация меня не оставили. У меня оставалось сто леев – сумма на один день – когда я нашел работу. Порыскав несколько недель по интернету, - порции рыбы становились все меньше, а я мрачнее, и вовсе не из-за жратвы, в конце-то концов, похудеть никогда не мешает, а из-за того, что, рано или поздно, безденежье должно было вот-вот коснуться черным крылом золотой головы Матвея, - я наткнулся на объявление о найме на работу. Агентству, которое специализировалось на составлении персональных гороскопов и толкованию снов, требовался журналист, или, как они это называли, «копирайтер», способный облечь в читабельную форму все, что там насочиняют их доморощенные астрологи.

- Мы составляем персональные, я подчеркиваю, ПЕРСОНАЛЬНЫЕ, гороскопы и толкования снов для наших клиентов. Само собой, это стоит денег, и солидных, зато человек получает продукт, - объяснил мне владелец агентства, - только под него. Вы уверены, что справитесь.
- Конечно, и вы это знаете, - решил наступать я, - ведь вы, наверняка, слышали обо мне.
- Да, вы лучший, - склонил голову мой будущий босс. - Позвольте вопрос?
- Позвольте ответ, - сказал я, и начинаю привычно врать - Вот он. Я не желаю больше заниматься журналистикой и политическим пиаром потому, что с возрастом в человеке просыпается совесть. Я не хочу насиловать, образно, конечно, мать убитой девочки ради того, чтобы она дала мне фотографию дочери. Не хочу врать о правительстве. Не хочу быть авгуром, потому что чем я лучше простых людей?!
- Спасибо, - кивнул он. - Наверное, вас часто спрашивают, раз вы уже знаете, что имеет в виду ваш собеседник, ког...
- Нет, я провидец, - улыбнулся я.
- Такие здесь и работают, - улыбнулся он.
- В чем суть работы? - спросил я. - Только честно и самое существенное.
- Найти ключ к каждому, - ответил он, и поправил галстук, - я надеюсь, я могу вам...
- Конечно, вы же будете платить мне зарплату, - сказал я.
- Мы даем людям общение. они пишут письмо, рассказывают о себе. Спрашивают, что значит тот или иной сон. По сути, они хотят беседы. Общения. ИМ нравится, когда письмо не официальное, а человеческое, такое...
- Как будто они писали его себе в ответ сами, - заключил я.
- Вы правда провидец, - улыбнулся он.
- Вижу, вы справитесь.
- Я буду неподражаем, - заверил я босса, - я стану настоящим зеркалом для них.
- Можно еще вопрос?
- Валяйте, только отгадывать на этот раз я не буду.
- Он всегда такой серьезный? Малыш?
- Вейка, - отзывается Матвей, который разглядывает в углу горшок с пальмой, и возвращается к созерцанию.
- Нет, - говорю я, - только когда срет.

- Серьезно?
- Ну да.
- А он эээээ?
- Да, срет.
- Красивый мальчик.
Спасибо. Я знаю. Очень красивый.
- Он...
- Да, - отрезал я- и он всегда будет со мной.
- Ничего страшного, - поднимает руки хозяин. - Работа, что называется, на дому. Причем платить мы вам будет хорошо. Если, конечно, работать будете хорошо. Впрочем, я в этом не сомневаюсь.
- Можно теперь я задам вопрос? - спрашиваю я.
- Прошу вас...
- На кой черт вам содержать еще и астролога?
- Не знаю, если честно, - улыбается он, - я так понимаю, что с вашим приходом нужда в его услугах у нас отпадает.
- Так увольте его на хер, - пожимаю плечами, - хотя стоп. У него есть дети?
- Нет, - смотрит, наклонив голову, босс. - Насколько я знаю, нет.
- Тогда увольте, и платите его зарплату мне. Две должности, две зарплаты.
- По рукам, - улыбается хозяин.
- Юке, юке! - говорит из угла Матвей, очень похожий на арийского мальчика с нацистских плакатов.

Он одет скромно, но прилично. Все чистое: я, кажется, могу давать уроки прачечного мастерства. Да и стиральную машинку я продать не смог, хотя собирался: ее для этого пришлось бы отсоединить от канализации и водопровода, а познаний сантехника на это у меня не хватило. Теперь оказывается, что к счастью.

Золотоволосый ангел. Мы умиленно любуемся им, после чего жмем друг другу руки, я получаю аванс, и тень уволенного астролога между нами вовсе не стоит, не лежит, и не причитает. Плевал я.

Моему ребенку эти деньги нужнее.

xxx

Еще одно, из-за чего я бы хотел поскорее начать работать, это моя жена. Вернее, ее дневник, который я нашел под полкой в чулане, в который не заглядывал со дня ее смерти. Если честно, я туда и до ее смерти не заглядывал. Я туда вообще не заглядывал. А когда заглянул, клетчатая толстая – их называли, кажется, общими? общая, - тетрадь, попала мне под ногу, и я ее вытянул.

Как афинянин - черный шар.

xxx

Словарь Оксаны

«Эгоист.

Он законченный эгоист, и я даже не понимаю, как и почему этот мужчина оказался здесь, и сейчас. Возле моего сердца, возле моей матки. Хотя нет, с последней-то все

понятно: это единственный случай, когда Он (я, то есть, так она и обозначала меня в записях, ни разу по имени не назвала - прим. В. Л.) не врет, когда хвастается своим замечательным членом. Но неужели я стала бы жить с мужчиной только из-за секса? Терпеть все это? Вряд ли. Какого черта, как и почему, спрашиваю я себя, и не нахожу ответа. Я сказала, что он эгоист и врет. Наверное, я не права. Точнее, не совсем права. Он врет не сознательно, не специально. Просто отворачивается от фактов, от реальности, и прячется за выдумки и рассказы, которые льют из него, как из фонтана, бьют просто! Он абсолютно самовлюбленный человек, который не обращает внимания на меня, на то, что я чувствую, на то, чего я хочу, чем живу, и о чем мечтаю. Я для него серая мышка, привлекательная физически, которую можно потрахать, когда встал, а потом пойти помыться и снова отправляться в путь. На поиски других женщин, на поиски чувств, приключений. Он может тратить время на что угодно, кроме меня. Мы днями не разговариваем. Наверное, ему не о чем со мной поговорить? Мне с ним – тоже. Любовь умерла. Впрочем, была ли она. Когда-то он подарил мне хомяка. Ну, само по себе это уже говорит о его отношении ко мне. Станет нормальный мужчина дарить женщине хомяка и аквариум? Ладно. В любом случае, я к хомяку привязалась. Еще бы. Большие-то мне поговорить дома не с кем было. А потом вдруг поняла, что я очень похожа на него: он, как и я, один, и прыгает-прыгает, прыгает вечно вверх по стеклу, в надежде выбраться из аквариума, и падает в стружку, а потом снова прыгает. перебирает лапками по стеклу, и как будто кричит: ну возьмите меня, ну пожалуйста, ну побудьте со мной кто-нибудь. Я и есть этот хомяк, поняла я.

Трус

Он трус. Он боится себя. Господи, как я устала от Него и от его постоянных страхов, которые он прячет в себя, как собака, когда вылизывается, язык – в заднице. Он вечно, постоянно, параноидально боится, что он, якобы, исписался. Исписался... Да он еще толком писать не начал! Он так смешон! Все равно, что пацан, который боится, что у него не встанет, и у которого секса еще не было. Он пишет, пишет, пишет, вечно пишет. А когда не пишет, ему кажется, что он исписался, и он бьется в истериках, принимая их за творческие муки. Какие муки? Что он пишет? Какие-то глупые рассказы под Андайка, причем гордится этим, потому что, видите ли, критики не видят, что они написаны под Андайка, и говорят, что они написаны под Павича, какая чушь-то... Какая разница что и под кого написано. Книга, книга, книга, талдычит он, как попугай. Глупец! Он не понимает. У него под рукой - самая интересная и увлекательная книга в мире. Это я. Научись он читать ее, переведи на язык письма, может, у него и получилось бы когда-нибудь написать что-то стоящее.

Единственная книга, это я, милый.

Но ему не до того. Он увлечен собой, мой бедный попугай. Я-я-я-я-я-я-я-я-я. Как же я его презираю! Единственное его достоинство – это его большое достоинство. Больше у него достоинств нет.

xxx

Бросив все это дело на десятой странице, я, помню, прекрасно ощутил, что не ощутил ничего. Странную пустоту, но не сосущую, давящую или как ее принято описывать в книгах. Просто приятную, звенящую пустоту в голове, и никакой боли. Да и с какой стати мне должно быть больно, подумал я. Ведь она умерла! Ее просто нет, поэтому я могу сунуть тетрадь обратно в чулан, да и забыть о ней. Но ведь в таком случае я, получается, оправдывал все омерзительные эпитеты, которыми меня наградила моя жена. Вот тебе и

серая мышка. В этот момент проснулся Матвей, как всегда после сна, помятый и недовольный, заныл, и я бросился носить его на руках, а тетрадку оставил на комод. Комод я продавать только собирался, потому что, когда тетрадь была найдена, персональным толкователем снов я еще не работал. Денег оставалось всего полторы тысячи леев, и мы с Матвеем поперлись в поликлинику. Шли пешком через Долину Роз, потому что, - и это верно подметила в своем дневнике Оксана, вообще, оказалось, что она не упустила ничего, - иногда на меня нападала смешная боязнь разорения. Правда, милая, в тот момент я и правда был близок к этому, так что это первый случай, когда ты меня можешь простить. Хотя, конечно, сэкономленные три лея нас не спасали.

- Зе, - жалуется он, - зе.
- Нет, ни хрена, - говорю я, - не возьму я тебя на руки. Большой жлоб уже. Ходи давай.
- Зе, - говорит он.
- Ну да, я вот все детство пешком проходил, и ничего. Никто на руках не носил, - бурчу я, и вдруг понимаю, что точно таким же дерьмом кормили и меня. - Хотя ладно.
- Зе, - говорит он, и показывает на ботинки.
- Хорошо, - я доволен, потому что ребенок растет справедливым, - ты прав и ты умница.

Матвей имеет в виду, что он бы и пошел пешком дальше, но на нем чересчур тяжелые зимние ботинки. А сейчас потеплело, и ему тяжело переставлять ноги. К сожалению, на ботинки полегче денег пока нет. Поэтому Матвей указывает мне на то, что жалуется не просто так, каприза ради, а объективно не может идти сам. Я целую его в макушку, и беру на руки.

- Ая-я-яй, - качает головой пожилой врач, с приятными глубокими глазами, - ая-яй. Пузико?
- Ага, - киваю я, - понимаете, живот вроде бы...
- С первых дней? - вкрадчиво говорит врач.
- Ну да.
- Угу, - кивает доктор, и прислоняет ухо к животу Матвея, и я спокоен, потому что мальчик спокоен, а у него, как я понимаю, чутье на плохих и хороших людей.
- Слушаю, слушаю, - бормочет врач, потом садится ровно, и пишет. - Не обращайтесь внимания. Обычный прием врачей, пишут, чтобы выглядеть деловитыми, профессиональными да занятыми. Намучились с ним?
- Есть немного, - я вдруг расслабляюсь и понимаю, что расслабляюсь впервые за полтора года.
- Ага, расслабьтесь, - говорит врач, - тут тепло, и вас никто не торопит. Я со своими тоже намучился. Месяцами по ночам носил, укачивал. Нужно поджелудочную проверить. Поджелудочная у вас увеличена. Сейчас кровь возьмем из ручки.
- Возьмем? - спрашиваю я Матвея.
- Не, - мотает он головой, но довольно смиренно.

Пару минут мы с доктором беседуем, потом он ловко берет ручку мальчика, щелкает каким-то пистолетом, и раз, кровь взята. Ну и ну! Доктор несет пистолет в угол, где стоят колбочки, и сливает туда кровь. Анализ он сделает прямо сейчас, объясняет врач. Хоть это и делают за сутки, но...

- Это как машину ремонтировать, - смеется доктор, - если вам ее через час вернут, вы же подумаете, что за работники? Поэтому чинят машины за час, а возвращают через неделю.
- Да, - улыбаюсь я, - точно заметили.
- Анализ дорогой, восемьсот леев - говорит врач, - но за срочность я ничего не возьму.

- Да, конечно, - говорю я, - мы заплатим, нужно идти куда-то?
- Как хотите, - смотрит он на кровь в микроскоп, - можете пойти вниз, там касса, заплатите, принесете чек. Можете здесь оставить те же деньги. Как удобно.
- Да какая мне разница, - говорю я, понимая, что он тоже зарабатывает, хрен с ним, пусть заберет себе, а не отдаст родной поликлинике, мне-то какая разница, кому платить, - да и вниз бегать-то.
- Хорошо, - кивает он, и долго что-то пишет в карточке Матвея.

Удивительно, но мальчик даже не плачет. Играет себе с зеркалом, да изредка подбегает ко мне, за щеки потискать. Такая у него сейчас мания, всех за щеки тискать. Врач что-то еще делает с кровью, что-то капает, что то мешает тоненькой стеклянной пластинкой, что-то сыпет, куда-то смотрит. Потом подсаживается обратно за стол, и удовлетворенно кряхтит. Матвей радостно начинает кряхтеть тоже. Оба довольны и смеются.

- Значит так, - объясняет доктор, - вот здесь написаны результаты.
- Да? - я прижимаю руки к груди и с удивлением замечаю, что это жест взволнованных мамаш, во-первых, а во-вторых, руками чувствую сердцебиение, так вот, оно учащено, я что, правда волнуюсь? - Ска...
- Все не то, чтобы очень плохо, но и не так, чтобы хорошо, - мягко перебивает меня врач. - Два месяца курс лечения, причем домашнего, и все будет в порядке.
- Уколы?
- Ну что вы! Никаких уколов. Вот список лекарств. Они все недорогие. Купите в любой аптеке. Я не из врачей, которые в сговоре с аптекарями продают дорогие лекарства, поверьте.
- Да что вы, - лепечу я, - я и не думал...
- Вот. Купите, дадите вот это, это и это, сколько раз и когда тут написано, и все будет хорошо.

Уходя, я долго сую ему пятьдесят леев за консультацию. Он не берет, и выталкивает меня в коридор. Матвей, сидя на руках, прилежно машет ему ручкой. Он уже умеет делать «пока». Доктор, улыбаясь, говорит:

- Воспитанный.

xxx

Уходя из поликлиники я застываю, а потом, выругав себя матом, - что меня оправдывает, я делаю это про себя, - возвращаюсь к кассе. У меня паскудная манера, и, как выяснилось из дневника Оксаны, это ее бесило, жадничать, перепроверять и не доверять. Я наклоняюсь к окошку кассы, уже зная, что мне ответят, как и то, что меня потом недели две будет мучить совесть за неумение верить людям:

- Скажите, сколько стоит анализ на...
- Двести леев, - недовольно брякает жирная тетка в поварско-медицинском колпаке.

Я бегом, с Матвеем на руках, поднимаюсь на пятый этаж, и врываюсь в кабинет. Врач сидит, и пишет. Посетителей нет.

- Доктор, - задыхаясь говорю я, - доктор, как вам не стыдно... Бога-то побойтесь!
- Что еще? - поднимает он голову.

Я вижу, что глаза у него, оказывается, не глубокие, а пустые. Опа. Оказывается, мой сын разбирается в людях так же херово, как и я. Облизываю верхнюю губу и ставлю Матвея на пол.

- В угол, - говорю я.
- Э? - удивляется он, но у меня нет времени объяснять, что он не наказан, а просто мешает.
- В угол, - повторяю я, и Матвей, обиженно сопя, уходит в угол.

Врачишка садится, а я, прикинув его вес, и мой, с дергающимися губами иду к столу.

- И что ты мне сделаешь? - негромко говорит доктор. - Побьешь? Ну, и? Сейчас закричу, люди сбегутся. Деньги я тебе не отдам, понял? Считай, передумал и взял за срочность. Ха-ха.
- Убью, - шепотом говорю я.
- И что? - участливо спрашивает он. - Сядешь в тюрьму, и будешь там пятнадцать лет чертиков мастерить, пока ребенок твой в детском доме гречку жрать будет? Так ему вредно. С его поджелудочной-то... Ты ж вдовец, я прочел. Оставить не на кого.
- Верните деньги, - прошу я, потому что крыть мне нечем, я могу только урыть его на хер, но, хоть тактически это и победа, стратегически это проигрыш, я не могу оставить Матвея одного, не могу, а если я начну бить это животное, то не остановлюсь.
- Нет, - пожимает плечами он, и снова пишет.
- Пожалуйста, - говорю я.

И встаю на колени. Матвей с радостным криком: папа начал играть, - начинает носиться по кабинету, а доктор, положив ручку, выразительно глядит на меня. Потом вздыхает, идет к нам, - сердце мое поднимается, отдаст? - затем от нас к зеркалу (сердце падает), и что-то там на себе рассматривает. Потом давит прыщик. И я только сейчас понимаю, что деньги все. Пропали деньги. Се опа, как сказал бы Матвей.

- Бырбырбыр! - улыбаясь, говорит Матвей.
- Чё он сказал-то? - спрашивает врач.
- Гулять, говорит, пойдём, - упавшим голосом перевожу я.
- Так еб те, - говорит врач, - слушайся сына.

Отходит от зеркала и открывает дверь:

- Проваливайте, оба!

Мы беремся за руки и уходим.

xxx

Персональное толкование сна номер 723: пистолет*

«Сергея! хой, брат. тебе снилось оружие? знаешь, я думаю, ты пророк. смотрел новости? в США вновь завелся мальш не промах. долбануться. утром встаешь с постели, и узнаешь, что какой-то полупиндер пристрелил 30 человек в университете Америки. я мог бы прокричать что-то вроде "минус тридцать пожирателей фаст-фуда", но идите в жопу, потому что америка великая страна, и американцы - великая нация. я мог бы начать носить траур, но идите в жопу, потому что америка паскудная страна, сама виноватая в своих бедах. но речь не о стране. показали еще поганого гнома- шерифа.

толстомордую суку, которая мужественно раздувая ноздри - бля, почему они все так мужественно раздувают ноздри, когда уже ВСЕ КОНЧИЛОСЬ - рассказала, как оно все было.

брат, я знаю, что ты учился в Америке, и полюбил эту страну. потому что Америка на самом деле это не бомбы, Буш или Буш-папа, а Америка это хиппи, свобода и любовь. я скорблю с тобой, брат. поверь, нет ничего смешного или нелепого в том, что ты отправляешь запрос с персональную службу толкования снов. мы не разводка брат. я тебе больше скажу – мы дети революции цветов. мы погружаемся в пучины сна чтобы вынырнуть оттуда с марочкой ЛСД в зубах, ха-ха. я понимаю, как тебя тяжело. попасть в Штаты, отучиться там четыре года и вернуться в эту сраную Молдавию. представляю, как на тебя давит все это серое провинциальное болото. но не все потеряно. мы расцветим его огнями марочек, ха-ха.

так вот. про оружие. то есть про университет, но это необходимая подводка к твоему сну, брат. поступил вызов, что стреляют, полиция приехала - и полчаса, оцепив университет, они мужественно звиздели по рациям. пока в одном из корпусов взаправду не убили 30 человек. это вместо того, чтобы по приезду начать выводить людей из корпусов, прикрывая их, - ну да, блядь, а вы чего хотели, или ваша работа это мужественный звиздеж после того, как все кончилось? - прикрывая их собой.

полчаса дети в какой-то аудитории сидели, потому что им так сказала полиция, а потом туда вошел кто-то и расстрелял их всех на хер. долбануться.

что самое страшное. этого шерифа можно было одеть в форму российского МВД, или молдавского МВД, или оставить на нем эту притраханную американскую звезду - это ровным счетом ничего не меняло. они все одинаковы. они все получают деньги за то, чтобы быть настоящими мужиками, когда этого не нужно, и ссать в кустах, переговариваясь по рациям, когда нужны действия.

долбануться. ты растишь ребенка – у тебя есть ребенок? если нет, заведи, брат. это потрясающий трансцендентный опыт - ты растишь ребенка. вытираешь говно руками с его задницы. ты учишься кого-то любить наконец-то по человечески. оно на твоих глаза превращается из инопланетянина в человека. вырастает, с кровью вырывается из твоего дома, из твоего сердца, и едет в университет, чтобы его там пристрелил другой чей-то ребенок, выращенный с кровью, с любовью, у которого что-то щелкнуло в голове, и который взял в руки винт. долбанный ваш рот. я, совершенно циничный спокойный, железный человек, который не нервничает, потому что презирает все вокруг, весь этот мир гребаный, и то, за всю свою жизнь раз пять - шесть хотел взять в руки винтовку. и не факт, что не взял бы. ее просто не было рядом.

так почему вы, полупиндеры, не запретите это гребаное оружие?

не надо про сейфы и культуру оружия. любой, у кого есть ребенок, знает. лучший способ обезопасить его от чего-то - сделать так, чтобы этого Чего-то в доме просто не было. потому что за ребенком не ус-ле-ди-шь. и от того, что детям, которые в этом долбанном университете сегодня (вчера) стреляли и умирали, было уже за 20, не меняется ровным счетом ничего. давайте, как взрослые люди признаем: никто из нас так и не повзрослел с тех пор, как мы были детьми.

максимум, мы начали еще делать других детей.

так почему вы, полупиндеры, не запретите свободную продажу вашего гребаного оружия? вы им себя защищаете? клево вы себя защитили 11 сентября.

я не буду больше высказывать свои соображения насчет всей этой фигни. я коплю на остров, маленький остров. там я намерен трахать телок, растить детей и держаться от всех подальше. знаешь, брат, наш с тобой любимый писатель Воннегут не умер. умерли очередной малый не промах и тридцать человек в университете США сегодня утром. хотя малый не промах тоже не умер. интересно, где он снова объявится?

теперь о твоём сне. ты говоришь, во сне к тебе спустился на веревочках огромный пистолет, и ты никак не мог взвести курок этого пистолета. ты спрашиваешь, может, это что-то фаллическое, ха-ха, тем более, что у тебя и правда, признаешься ты, пару недель назад на вечеринке эта штука не сработала. слушай, брат, не парься. в твоём-то возрасте всякая фигня лезет в голову. сработает и ещё не раз. а когда вообще забудешь на эту штуковину, что болтается у тебя между ног, так она вообще как отбойный молоток станет стучать, без отказа.

да и потом, судя по описанию той чувихи, которая тебе дала, вернее, пыталась дать, твой дружок повел себя совершенно верно. она ничего на личико, говоришь ты, но весит лишнего. килограмм двадцать у нее лишние, аж с боков свисает, ха-ха. сиськи классные и здоровые, но без лифчика обвисают. ну так. тяжёлые ведь. но живот висит и когда поднимаешь его складку вверх оказывается что внизу – под ней. будто бы сыро. там все влажно от пота словно подмышкой. ну так а ты чего хотел – там под пузом влажно и сыро, потому что никогда не проветривается. пузо же мешает, а у девчонки должно быть только одно место где влажно и сыро и это уж не складка под животом. это точно, ха-ха. вот как ты её описываешь а потом спрашиваешь: а все ли у меня в порядке. эй, парень! ну так блин.

на такую и у меня бы не встал, приятель. но на будущее совет. даже если перед тобой свиноматка. а судя по всему перед тобой и была свиноматка. но тебе все рано охота повесить её скальп на пояс, просто попроси её поработать ртом. ротиком ротельничком, ха-ха. понимаешь? и никакого отношения к этой глупой истории твой сон не имеет.

потому что (теперь можешь записывать):

этот пистолет символизирует начало нового тебя. новой жизни. это не просто сон. это видение и откровение. с этого дня что-то щелкнуло в тебе. как тумблер в ядерном чемоданчике. и ты. начинаешь. становиться. другим. в чем это проявится – уже зависит от тебя одного. может быть, ты сколотишь самую крутую в вашем универе музыкальную банду. может, прославишься как пацифист. скорее всего, как пацифист, и пистолет на это явно указывает. ты взорвешь этот мир любовью, сечешь парняга? вот что сказал тебе пистолет из твоего сна. и извини за дурацкую подпись: таковы гребанные правила.

Искренне Ваш, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

- оплачено – (прим. бухг.)

- Иа, - говорит Матвей.
- Заткнись, - говорю я.
- Ма, - хлопотливо обегает он гостиничную кровать. - Иа се?
- Заткнись, - едва не плачу я.
- Иа, - у него дрожат губы.
- Заткнись! - ору я на него, после чего, как истеричная мамаша, набрасываюсь на него с поцелуями, тискаю и обнимаю, чувство вины великое дело, ага.
- Иа, - тихо говорит он.
- Заткнись, - наливаю себе стакан воды я. - Это был пляжный роман, понимаешь? Сечешь, мужик.
- Бульбуль, - вспоминает море он.
- В следующем году поедем, - обещаю я. - Если денег хватит.

Денег, судя по всему, хватит. Мы в Москве, в гостиничном номере, причем добирались сюда не на метро, а на персональном автомобиле, да и не с железнодорожного вокзала, а из аэропорта. Нет, я не подался в гастарбайтеры. Нам повезло: мы с десятком рассказов попали в короткий список престижной литературной премии для молодых писателей. Не старше двадцати пяти. Мне вручили статуэтку, которой Матвей сразу же едва не убил гостиничного кота: любимца приезжих и администраторов, и, что куда важнее, пятнадцать, - пятнадцать, мать вашу! - тысяч долларов. Это внушало определенного рода надежды. Конверт с деньгами я спрятал на дне рюкзака, рюкзак сунул в шкаф, и сразу же позвонил своей знакомой.

- Конечно, я буду, - говорит она, пока я расстегнутыми манжетами сметаю со стола крошки и пыль, - что вам привезти?
- Ну, - задумываюсь я, - философский камень, еще какой-нибудь алхимической фигни, и, самое важное, выпить.
- Это все? - иронически, конечно, в ее понимании иронически, осведомляется она.
- Это все? - шепотом спрашиваю я Матвея. - Чтонибудь-еще привезти, спрашивает? Чего хочешь?

Он поднимает голову и радостно говорит:

- Иа.

xxx

- Мне жаль тебя расстраивать, но у меня критически дни, - говорит она.
- Я, честно говоря, не ожидала, что ты не один, - улыбается она.
- С каких это пор у тебя ребенок? Ты мне ничего об этом не говорил и не писал, - обижается, правда, деланно, она.
- Я понимаю, что ты мужчина, и тебе тяжело будет вот так, не солоно хлебавши... - улыбается она.
- Он крепко спит? - спрашивает она.
- Ты уверен, что мы его не разбудим? - опасается она.

В углу, на кресле, посапывает Матвей. Я мрачно гляжу на его руку, высунутую из-под одеяла, сам не знаю, почему мрачно, дела ведь пошли в гору, не так ли, и поворачиваюсь к ней. Снимаю с нее все, и долго рассматриваю. Есть на что попялиться: когда женщине двадцать один год, она стройная, блондинка, да еще и грудь у нее большая, и живота и

боков еще нет, вдобавок ко всему она готова дать вам просто так, без каких либо предварительных условий и утомительных игр, похотливым козлам типа меня мало просто взять да и вдуть ей: так и хочется на нее поглазеть, сожрать глазами, подчинить визуально. Типа как обозвать шлюхой, чтобы подчинить вербально и... ну и все такое. Я расстегиваю две верхние пуговицы рубашки и сажусь в кресло. Подумав, отставляю фужер, и пью из бутылки. Оля стоит, чуть напрягшись, - выглядит она просто роскошно. Пятнадцать тысяч и телка что надо. Сегодня я малый не промах, думаю я.

- Чего ты ждешь? - улыбается она.
- Никогда не говорит так мужчинам, - разыгрываю я из себя умудренного опытом, - слишком банально.
- И все-таки? - переспрашивает она.
- Будь я лет на десять моложе, - говорю, проталкивая пальцем пробку в бутылку, это уже вторая, но вино до моей головы доходит всегда позже любого другого спиртного, поэтому я не боюсь выпить, - то набросился бы на тебя сразу же. Но так как я, увы, стар, мне хочется сначала тебя как следует рассмотреть.
- Ну, смотри, - тихо говорит она и улыбаясь, садится на край кресла.

И я смотрю, видит Бог, смотрю, как в последний раз. Там есть на что посмотреть. Я пью еще немного, потом хватаю ее за голову, и, сжав руками, прижимаюсь своими губами к ее и брызжу ей в рот вином. Льется и туда, и на лицо, она тихо, - я ценю ее такт, - чтобы не разбудить ребенка, смеется, и потихонечку сдирает с меня рубашку.

Я беру ее на руки, и кладу на постель. Чем хороши эти гостиничные матрасы, - они упругие и пружинят что надо.

xxx

- Дай мне что-нибудь, а то здесь будет полная кровать крови, - говорит она.
- Сиди, как сидишь, - шлепаю ее по заднице я, и она, хихикая, наваливается на меня.
- Вредина, - кусает она за ухо меня.
- Опа, - говорит Матвей.
- Опа! - говорю я.
- Опа!!! - восклицает она.
- Матвей?! - грозным, как я считаю, голосом, восклицаю я.
- Матвей? - улыбаясь, спрашивает она, и я вспоминаю, что так и не сказал ей, как его зовут.
- Мей, - подтверждает Матвей.
- Спать! - страшно вращая глазами, говорю я.
- Не! - восклицает, теперь уже он возмущен, мальчик.
- Да! - жестко говорю я.
- Тетя! - радостно говорит она, поглаживая ее по спине. - Те-е-е-е-тя.
- Ага, - киваю я, слава богу, он уже не называет их всех мамами, - Настоящая тетя, сынок.
- Мне стыдно, - прячет она лицо мне под шею.
- Спокойно, - говорю я. - Мы же под одеялом.
- Он...
- Ему и двух еще нет, - раздраженно восклицаю я, - думаешь, он понимает, что здесь происходит?
- Не понимает, - соглашается она. - Ой! Он шлепнул меня по заднице.
- Это он так тебя гладит. Видит, что папа к тебе равнодушен.
- Се! - говорит Матвей.

- Какие на хрен деньги?! - поражаюсь наглости этого ребенка я.
- Се!!! - показывает она на шкаф.
- Черт с ним, бери! - соглашаюсь я.
- Ох, - говорит она.
- Да, - соглашаюсь я.
- Знаешь, у меня нет слов, - почему-то говорит она.
- Ага, у меня тоже, - соглашаюсь я.
- Это было нечто.
- Угу, - соглашаюсь я.
- Ну, я имею в виду первый раз. Надеюсь, мальчик даст нам повторить? - треплет она волосы Матвея.
- Мм-м-м, - тяну я, - как договоримся.

Матвей вытаскивает из шкафа рюкзак, потрошит, и вынимает конверт с деньгами. Рассыпает купюры по полу, и задумчиво прохаживается по ним босыми ногами. Часть рассыпывает по пустым стаканам на столе, часть ссыпает себе на подушку.

- Он что, - заинтересована она, - будет спать в деньгах?
- На деньгах, - мрачно уверяю ее я, - он будет спать еще крепче, чем обычно.
- Хи-хи, - говорит она.
- Ой, - говорит она.
- Сделай так еще, - говорит она.
- Я умираю, - почему-то все еще живет она.
- Ох, - говорит она.
- Не кончай в меня туда, ладно? - говорит она.
- Что ты, - говорю я.
- Я могу долго, - говорю я.
- У меня нет слов, - говорит она.
- Се, - бормочет Матвей.

xxx

В ванной она прижимается ко мне грудью, но я обматываю ее полотенцем и выношу в комнату. Внезапно я думаю о том, что все, в принципе, не так уж и плохо. Мне двадцать восемь лет, и, по сравнению со многими своими знакомыми, я везунчик. Ведь я еще жив. Не умер в ванной, набухавшись, и захлебнувшись, не скончался от сердечного приступа после трех месяцев запоя, не попал под машину по невнимательности, не разбился вдребезги, дав порулить... Своими опасениями с ней я не делюсь, потому что давно уже смирился с тем, что мои страхи отпугивают от меня людей. Планов отпугивать ее до утра у меня не было.

- Мас! - кричит Матвей, показывая на экран.
- Что он говорит, - она прижимается ко мне под одеялом, на этот раз я отвечаю взаимностью.
- Он говорит Маус, - объясняю я, - мультфильм про Мики Мауса.
- Да? - она поднимается на локте и смотрит минут пять на экран.

Я думаю, что она, по сути, такой же ребенок, а потом спрашиваю, какого, собственно, хрена, я стал размякать? В конце концов, ей двадцать два года, а я в этом возрасте уже. Кстати, что я в этом возрасте? В самолете надо будет подумать, повспоминать. Я глажу ее изумительный живот, ее идеальную задницу, и легонько кусаю в шею. Она кладет мои руки себе на грудь. А я что, я запросто.

На экране Мики и его компания попали в жестокую передрыгу. Все они застряли у какой-то переправы, и не могут перебраться на тот берег. Мост сломан, брод непонятно где, да и есть ли он, этот брод. Все они: вся эта иррациональная компания в составе мыши с башмаками, собаки с шапкой и еще каких-то чудиков, созданных явно не на трезвую голову, застыли у берега и мозгуют, чего им делать дальше. Хм, а правда, что им делать-то? Двигаться-то надо.

Мультфильм из разряда тревел-трип, путешествие нон-стоп, когда дети подрастут, Мики Мауса сменят на угловатых девчонок-одноклассниц, и вся эта компания, посрывав шутовские маски персонажей Диснейленда, продолжит нестись по дорогам благословенной страны, Америки... По крайней мере, такие кинокомедии, - хит молодежного кино этого лет, - показывают в наших кинотеатрах каждый год. Америка, ох, Америка. Великая, благословенная страна. В последнее время я подумываю над тем, чтобы эмигрировать туда. В Молдавии мы не пропадем, надеюсь, мы вообще нигде не пропадем, но, оказывается, я вовсе не хочу, чтобы мой ребенок рос среди всего того дерьма, в которое вполне органично вписался его батюшка. Я в смысле. Впрочем, я замечтался. А Мики и его компашка так и не перебрались на ту сторону реки. Чего бы им посоветовать?

- Мауструмент, - угрюмо говорит Матвей.
- Точно бля! - радостно восклицаю я.
- Что?! - испуганно встрепенулась она.
- Тсссс, - успокаивающе глажу я ее по спине, и она снова сопит мне в руку.

Мы лежим на гостиничной кровати одноместного номера. Втроем. Вернее, лежим-то мы двое, а Матвей сидит по левую руку от меня, обернутый маленьким дорожным одеялом, - сто баксов, пропади пропадом та фабрика, где его выткали, спряли, или как делают одеяла? в общем, произвели, - и смотрит мультфильм. Я тоже смотрю, а еще глажу спину Оле, потому что когда тебе под тридцать, и семя уже не брызжет у тебя из ушей, и три раза уже было, а ей все мало, только это – почесать спинку, - и спасает, не так ли, Матвей? Тебе-то все равно, у тебя -то вся эта хрень впереди. Уверен, он справится, горделиво смотрю я на его причиндалы и, кстати, говорю:

- Не трогай писю!

На экране появляется огромный пузырь. Это типа Мауструменты. Волшебная хрень, которая появляется каждый раз, когда лох Мики и его компания лохов попадают в лоховскую ситуацию. Стоит им облажаться, как появляются Мауструменты, и ими уже можно сделать все, что угодно. Мауструменты это как ядерное оружие, или Доктор Зло, или самолеты ВВС США, которые прилетают поддержать огнем облажавшихся спецназовцев.

- Мауструменты помогут нам, - дурацким голосом говорит Снупи-Дог, и вся компашка радуется.

Матвей тоже хлопает в ладоши. Вообще-то, мультфильмы я ему смотреть не разрешаю, но для этого делаю исключение. Вынужден признать, что этот мультик - развивающий. Там то и дело просят сказать хором какое-то слово, учат считать, писать, и все такое. Так что, можно сказать, этот мульт для Матвея – академия на дому. Как и полагается по ходу занятий, студент уснул: Матвей уже сполз на подушку и сопит, надо проверить ему температуру, думаю я, тихо – вот уж этому сын меня научил, - встаю, и, не разбудив ни его, ни ее, хожу по комнате. Нахожу градусник, сбиваю столбик, гляжу в окно: в Москве

началась метель, и это весной: ну, что за фигня-то, а, что за город, потом пью вино, сидя на подоконнике, пока градусник под Матвеевой подмышкой дрожит и покачивается, а малыш похрапывает, проверяю температуру, и она, слава Богу, в норме, кладу градусник обратно, глажу обоих по головам, возвращаюсь к широкому подоконнику и, обхватив колени, гляжу на крышу какого-то ресторана напротив нашей гостиницы. Снега уже совсем много, и мне почему-то хочется остаться еще, хотя я и не могу жить в Москве: этот чудесный город создан для всего, для чего угодно, только не для того, чтобы растить там детей. Я голый, но мне не холодно: здесь, как обычно, топят не жалея дров. Поворачиваюсь к кровати и вижу, что ее глаза блестят и, стало быть, она не спит. Оля тоже тихо, - вот уж не ожидал, - встает с кровати, гладит Матвея по лицу, и подходит ко мне.

Странное это чувство: сидеть голыми на подоконнике, смотреть на снег за стеклом, сколько это? миллиметров пять, и чувствовать тепло. Зима и лето, а между ними кусочек стекла: сода и песок, которые как-то случайно смешались в огне, и бородастый финикийский хрен, увидев кусочки чего-то удивительного, полупрозрачного, должно быть, здорово вопил от удивления?

- Вы с ним не разлей вода, - говорит она, обняв меня сзади.
- О чем ты? - тихо смеюсь я. - Ты сбрендила.
- Нет, - серьезно говорит она.
- Да, - серьезно говорю я. - Мы оказались вместе совершенно случайно. Не умри его мамаша, я был бы классическим отцом, который видит ребенка 2 часа в неделю. Читает газету, орет на маленького спиногрыза, который ноет, желая внимания и любви, да водит его раз в полгода на футбол или карусели, считая, что этим его отцовские обязанности, обязанности настоящего мужика, так его, исчерпаны.
- Тебя злят такие отцы? - улыбается она.
- Боюсь, это меня устраивало бы, - признаюсь я.
- Да?
- Ага. Поэтому и говорю, мы с ним совершенно случайно вместе оказались. Как пара, которая случайно перепихнулась на карнавале по пьяни, а потом раз, и повенчалась с какого-то перепугу.
- Тебе нельзя больше заводить детей, - спокойно говорит она.
- Это еще почему? - удивляюсь я.
- Ты чересчур привязан к этому, - объясняет Оля, и садится на подоконнике напротив меня, - ты над ним трясешься просто.
- Чушь, - говорю я, - он славный малый, но он у меня в печенках сидит.
- Точно? - улыбается она.
- Ну, да, - говорю я.
- У тебя не получается врать, - склоняет она голову набок, отражается в белом из-за снега стекле, и теперь напротив меня две голые задумчивые блондинки с подбородком на согнутых коленях.
- Точно? - спрашиваю я.
- Точно, - говорит она, и повторяется – вы с ним не разлей вода. Ты в нем души не чаешь.
- Так тем более, - говорю я, - нужно еще какого-то. Чтобы не было эмоциональной зависимости. Я собираюсь отдать его в детский сад и завести жену. Нельзя быть чересчур привязанным к кому-нибудь. Это калечит и тебя и того, к кому ты привязан. Справедливо?
- Но ведь это измена, если называть вещи их именами, разве нет? - спрашивает она.
- В чем-то да, - признаю я.
- А разве любимым изменяют? - мягко отвечает она вопросом.

Я задумываюсь.

xxx

Словарь Оксаны

«Разве любимым изменяют? Нет. Значит, и он не любим мной.

Нет, я не люблю его, хотя когда-то что-то, наверное, было во мне, что толкнуло к нему. Может быть это и есть любовь? Не знаю. Сколько я ни пыталась вспомнить, никогда ни одной минуты счастья с ним не испытала. Кроме разве что постели, но это простое животное удовольствие. Да и оно со временем приелось и стало механикой. Ах, милый, милый, что же с нами случилось?

Как же так вышло?

Как так получилось, что мы, пара, созданная друг для друга, как Адам и Ева, как Тристан и Изольда, - пусть это звучит банально, но так оно и есть, половины целого, - как же мы живем порознь, встречаясь изредка на съемных квартирах? В гостиничных номерах? Иногда у тебя, когда твоя мать уходит и когда, наверное, ты звонишь своей любовнице и говоришь ей, что сегодня у тебя много работы? Я бросаю все, я спешу к тебе, я прихожу, запыхавшись: я позволяю взять себя так, как тебе хочется, и потом вижу, как ты, скучая, стоишь в ванной. Я знаю. Тебе хочется, чтобы я побыстрее ушла. После того, как ты получил все, чего хотел. И все равно я готова идти туда, где ты будешь мной пользоваться, и потеряешь всякий интерес, вынув из меня свой член. Милый, милый. Все равно я люблю тебя, люблю по-настоящему, не так, как Его, люблю, потому что, хоть ты и виноват во многих грехах, но ты чист в самом важном. Ты смотришь НА меня и видишь меня.

Ты не смотришь сквозь меня. Ты не смотришь вскользь меня. Ты смотришь на меня. И ты видишь меня, любимый.

Да, ты быстро теряешь ко мне интерес, но потом зажигаешься им снова. Я для тебя – не пустое место, как для Него. Ему-то на все плевать. Ха. рогоносец! А как же, милый. Ты, наверное, думал, что это только ты у нас пользуешься спросом на рынке адюльтера, ночных звонков, стертых сообщений и вранья о сверхурочных? Нет. Я пишу, и улыбаюсь это. Я от всей души хочу, чтобы Ему было плохо. Если бы я верила в магию, то слепила бы его куклу из воска и волос, и проткнула ее иглой в том месте, где у Него нет сердца. Ладно. Если быть честной, то до конца: я и правда слепила как-то куклу из его волос и воска, и проткнула ее иглой в том месте, где у Него нет сердца. Я надеялась, что оно, все же, есть. Я думала, после этого он начнет страдать и любить, увидит, что вокруг живые люди, а не силуэты из картона, которыми он населяет свои плохо написанные, -= ведь в них, как и в Нем, нет души! - рассказы.

Только это не помогло.

Что ж, я отомстила ему мохнаткой, как он, разгорячившись, называет мое междуножье.

Наравное, он даже не догадывается о том, что я была с тобой всегда: даже с первого дня нашего с Ним знакомства. Да, милый. Я изменяла ему с тобой все время, что мы с ним. И не дуйся на то, что я с ним. В конце концов, это никак не отразилось на тебе: ты

всегда мог получить меня, когда хотел. Я твоя рабыня, я была твой рабыней, и я буду ей так долго, как ты мне разрешишь. Это сделка. Я плачу тебе собой за то, что тебе интересна Я.

Не знаю, может быть, скоро я уйду от него к тебе. Готов ли ты принять меня, вот в чем дело. Но даже если и нет, ладно! я готова уйти просто так, лишь бы уйти, и уйти от него. Меня тошнит от него, от того, как он выглядит, я его ненавижу просто. Как Он нелеп и жалок: вчера Он предложил мне заняться сексом, грязно при этом ругаясь... Боже, я едва не расхохоталась ему в лицо, когда он бормотал там какие-то жалкие словечки, и это, в его понимании, наверное был верх распутства?..

Ах, послушать бы ему, как властно и грязно умеешь брать меня ты.

Как член он лучше тебя, но, милый, разве я скажу тебе когда-нибудь это? И разве не устаешь то того, что живешь с членом, а не человеком?

Я, Оксана, женщина, на которую слепыми глазами глядит каждый день ее муж, истукан, статуя. Он напоминает мне каменного идола, что стоят в степях, - круглые, луноликие, с пустыми, ничего не значащими глазами. Стой подле него, танцуй, режь его, режь себя, лей кровь на него, умирай, ненавидь, живи, делай что хочешь... Ему плевать! Он идол. И он глядит в себя. А больше ему ничто не интересно. Иногда меня подмывает спросить его, поймать взгляд его вечно шастающих лживых глаз и спросить:

– А ты хотя бы себе интересен, милый?»

xxx

Вот тебе и клуша. Неверная жена. Рогоносец! Я вытираю слезу, дрожащую в уголке глаза. Надеюсь, никто не обратил внимание. Нет-нет, это давление. Из-за Оксаны я, признаться честно, не плакал, даже когда она умерла. Чего уж там. Как оказалось, ее смерть и правда разрешила множество проблем, мучивших и ее и меня. Правда, она не сумела уйти достойно и окончательно: оставила мне ребенка, звучащего во мне, как последний скандал разошедшейся пары.

Оказывается, милая моя жена мне изменяла. Это меня совершенно не расстраивает. Ни капли. Еще при ее жизни я не раз предлагал Оксане заняться сексом с мужчиной, который ей понравится. А мне что, жалко? Только сейчас, ухмыльнувшись, понимаешь: как смешно я выглядел в ее глазах. Ведь она и так давно уже мне изменяла. А ругательства? Да я голову готов прозакладывать, что это она первой предложила. Вот сука!

Мучает меня другое. Женщина, с которой я жил шесть лет, меня не любила. Если бы она дала всему городу, я бы был спокоен. Тело есть тело. Но. Она не любила меня и жила со мной все эти шесть лет, и презирала меня, и поливала дерьмом, поливала, уничтожая, поливала...

За что ты со мной так? Что я, мать твою, тебе сделал? Почему ты не ушла от меня, раз я, бля, был так плох для тебя? Ты пользовалась мной, чтоб тебя, и при этом тебе хватало лицемерия жаловаться на то, какой я бля плохой. Сука!

Я пытаюсь улыбнуться, но у меня не получается. Наверное, я не выгляжу как человек, думающий об ах-литературе и ах-творчестве. Так ведь я о них и не думаю.

- Чем занимаетесь? - спрашивает меня полный статный мужчина.
- Пью воду, - удивленно говорю я.
- Да нет, не сейчас, - улыбается он, - а вообще? Работаете кем?
- Аа-а-а, - говорю я простодушно, хотя прекрасно понял, что он имеет в виду с самого начала, но куда как легче изобразить из себя провинциального полудурка, чем пытаться разговаривать с такими людьми серьезно, - PR – менеджер.
- Как вам вручение? Фуршет?
- Вы организатор?
- Нет. Признаться честно, - доверительно шепчет он мне, - обстановочка тут говно, кормить могли бы лучше, да и организация так себе...
- Угу, - говорю я, а что я еще могу сказать-то.
- Поздравляю с премией! - чокается он со мной, и, отходя, говорит, - а вот работу свою бросайте. Писателю не пристало... Ну, что это. Суета!

Я скорбно киваю, и отправляясь к фуршетному столу за очередной порцией воды. Пить мне не след: во-первых, у меня с собой деньги, так как карточки, переводы, чеки и прочее дерьмо я ненавижу всей душой, а люблю только наличность, деньги, купюры, кэш, во-вторых, ко мне в гостиницу этим вечером должна прийти девушка.

В третьих, мне еще забирать ребенка: Матвей сидит в гостях у московской тетки, и, как она мне сообщила вот уже четвертым звонком за последние два часа, требует «папи, се и Ие». В смысле я, деньги, и Ира, наша летняя пляжная Ира. А уже полгода прошло. Конечно, мы созванивались пару раз, но до встречи так и не дошло: ведь после моря у нас с Матвеем был период, если называть вещи своими именами, нищеты. Мне вещи приходилось продавать, чтобы на жратву хватило. О каких уж тут ухаживаниях... Хотя, я уверен, ей бы было все равно... Но ведь мне-то было бы не все равно! Последний раз она звонила мне за неделю до отъезда, и, судя по ее упавшему голосу, я понял, что она поняла, что мы так и не встретимся. Но ей Богу, у меня правда не было времени. Сначала мы бедствовали, сейчас я барабаню по клавиатуре как бешеный: в день рассылаю по десять писем, толкований снов, а ведь эта работа требует большой изобретательности, так как я из принципа на заглядываю в сонники. Процветания мы еще не достигли, но из нищеты выкарабкались: диван я купил новый, шмоток ребенку, обуви, мотоциклов, альбомов, там, что еще нужно от заботливого папаши? Ие, Ие. Ах ты боже мой, что ж тебе так далась эта малолетка, а, сынок? Ей восемнадцать и, боюсь, я для нее чересчур испорченный, скучный и обремененный проблемами человек. Быть моей любовницей она вряд ли согласится: чем моложе девушка, тем стремительнее она берет тебя за руку в общественных местах, а ведь она, моя рука, занята, и занята тобой, Матвей.

- Суета, - повторяю я, и, увидев свое лицо в зеркале на колонне Пушкинского музея, где вручают премию, спешу уйти в туалет, умыться.

Мне не хотелось бы, чтобы все увидели, как меня перекосило от ненависти. Суета. Суета и блядская духовность.

Я об этом говне только и слышу, когда попадаю на литературные тусовки: к счастью, я попадаю туда не часто. Но достаточно часто для того, чтобы получить денег и забыть о госпоже Беде, приютившейся на коврике у моей железной пока еще, - к сожалению, двери в ломбард не принимают, я узнавал, - двери. Деньги, деньги, деньги, вот что мне нужно, и если ради них потребуется прокусить горло вот такому старому пердуну, наложившему в штаны из-за старческого недержания, - поэтому штаны у него на заднице так и обвисли, - и выпить его зловонную тепловатую (хотя не уверен, она наверняка остыла уже у него там, в артериях) кровь, я так и сделаю. Потому что у меня ребенок, которого я не могу кормить

разговорами про духовность, вашу гребанную духовность. Я возвращаюсь в зал, где кружит полно народу, и прыскаю со смеху, представив себе это.

- Сынок, скушай кусочек, - скажу я, поднеся ложку ко рту Матвея, - пожалуйста.
- Йо?! - ответит он, в смысле, ты трахнулся, старик, потому что ложка-то пустая.
- Да, пустая, - скажу я ему, - но ты представь, что я вспаиваю тебя молоком русской бля словесности и медом ее, так ее за ногу, несравненной красоты.
- Ага, - скажет Матвей, - а как же ты, папа? Разве ты останешься голодным?
- Нет, что ты! - воскликну я, и суну морду в пустую тарелку. - Мм-м-м, как вкусно.
- Ага бля, - скажем Матвей, оближет пустую ложку и мы пойдем гулять, типа сытые.

Без одежды. Голые, конечно, потому что нас согреет духовность бля. Меня снова начинает типать, но мне приходится взять себя в руки: а то все решат, что лауреат молодежной премии этого года какой-то дезинтерийный бля придурок. Мало того, что еще и занимается суемой. А чем мне заниматься? Писать книги по двенадцать часов в сутки?

- Если бы ты действительно знал, что такое творчество, чувак, - говорю я этому засранцу из какого-то журнала, название которого я, конечно, сразу забыл, - то знал бы, бля, что творчество это не какая-то фигня, которую ты и твои бездарные авторы размазываете на сотни страниц вашего долбанного издания.
- Ты бы знал, что творчество, - когда по-настоящему пишешь, - это... Знаешь что? - спрашиваю я.
- Это огонь, - всхлипываю я, и зал замирает, все эти сотни четыре музозвонов молчат, недоуменно глядя на меня.
- Это боль, - говорю я.
- Это скрежет зубовой, - плачу я.
- Это минута наслаждения, причем такого, какое даже секс не подарит, если, конечно, ты еще помнишь, что такое секс, - смеюсь я.
- Это ноющая поясница, - потираю я спину.
- Это уставшая задница, по сравнению с которой даже седалище Молотова бля отдыхает, - ехидничаю я.
- Это концентрированное наслаждение, - пытаюсь втолковать я. - Это как героин, а принимать герыч 12 часов в сутки нельзя. Нет, не так. Это укол. Вот что такое творчество, конечно, творчество настоящее, когда пишешь... - размахиваю руками я.
- А не звиздишь о том, как надо писать, кто не умеет писать, а кто умеет и почему ты так бля считаешь, - зло смеюсь я.
- Творчество не может занимать много времени, потому что, как я уже говорил, - терпелив я, - это концентрированный миг. Это все удовольствие за мгновения.
- И если делать это сутки напролет, - выдаю я.
- То ты просто будешь скучным нарком, который пихает в себя дозу каждый божий час, - продолжаю пусть неудачное, но наиболее точное сравнение я.
- И уже не помнит о том, зачем он это начал делать, - глаголю я.
- А начал он это потому, что получал Блаженство, - резюмирую я.
- Есть еще один момент, - воздеваю руку с вилкой я.
- Который очень тонко прочувствовал Шекспир, - говорю я.
- Занимавшийся, по вашим меркам, - рычу я.
- Су-е-т-ой, - чеканю я.
- Потому что Шекспир видите ли бля был скоморохом, сочинявшим занятные истории для быдла.
- И если бы быдлу не нравилось, как угождает им Шекспир, они не голосовали бы за него рублем, - морщусь я, поняв, что пропустил штамп.
- Ну или фунтом, или что они там платили?

- И где вы и где он, - спрашиваю я, - этот бля Шекспир?

Все молчат. Я поддеваю вилкой что-то красное, жирное и расплащенное: красная рыба, что ли, и, подумав, отбрасываю ее на стол. И снова начинаю кричать:

- Творчество это оргазм, а оргазм разве длится вечно? Он короток. Испытай его и возблаговари бога.
- В остальное же время, мать твою.
- Ты должен хранить себя в чистоте, красоте и первозданной невинности, - чувствую я себя проповедником.
- И содержать свое тело, - этот Храм, - в котором ты служишь бля Богу тем, что пишешь, в тепле, сытости и комфорте.
- Не рабско-зажратом, не в комфорте зажратого слизняка, но в достойном состоянии, потому что твое бля тело, я повторяю для тупых, Храм.
- И оно должно быть сыто, обуто, одето, гладко выбрито и довольно.
- И дать этого мне так называемая духовность не может.
- Поэтому.
- Чтобы не сойти с ума.
- От постоянного напряжения.
- Экзальтации и мученичества.
- Которые сопровождают.
- Всякого писателя
- Если, конечно, он писатель.
- А не говно, пишущее потому, что пора что-то там написать, - визжу я.
- В оставшееся от творчества время, - бью я тарелку об колонну.
- Я.
- Должен.
- Быть бля.
- Нормальным.
- Человеком. С нормальными.
- Человеческими. Бедами и радостями. С нормальной.
- Человеческой, - хриплю я.
- Бля жизнью. С работой, деньгами, и все-всем-всем что есть у обычных.
- Людей, - опрокидываю я столы.
- Иначе, - реву я.
- Я с ума сойду.
- А я и так.
- Близок к этому. Я измотан и издерган.
- Я не желаю слышать про вашу сраную духовность ни хера. Каждый раз.
- Я волочу этот гребанный камень на гору.
- Каждый раз. Я оргазмирую, когда он вот-вот. Почти. На вершине.
- И каждый раз. Рыдаю, когда он, не докатившись буквально локтя до вершины, катится.
- Мать вашу!
- Катится вниз, - беззвучно хриплю я.
- По мне. По моим костям. По моим тканям бля.
- Придавливая их и делаю синюшными.
- Как сдохших от вашей сраной перестройки кур.
- По моему мозгу.
- По моим рукам и грудной клетке.
- И я умираю.
- Но потом что-то дает мне жизнь.
- И я снова качу, качу. Качу его бля.

- И я страдаю, невыносимо страдаю.
- Когда возрождения не происходит. И мой камень не прикатывается.
- Молча к ногам моим.
- Как собака. Как раб.
- И как повелитель: чтобы я снова и снова катил его, - перевожу я дух.
- И я не желаю слышать от вас ничего об этом.
- Потому что для вас литература это.
- Повод позвиздеть и поесть лосося бя.
- На очередной бя.
- Тусовке бя.
- А для меня она.
- Моя Голгофа и муки смертные.
- Понятно вам?! - рыдаю я.
- Вам.
- Мать вашу?!

Выдыхаю, ополаскиваю лицо холодной водой и выхожу из туалетной комнаты. У меня горит лицо, и выгляжу я уставшим. Наверное, я не очень счастливый человек? Меня не любила жена. И я вот уже больше года не могу писать. Ну, зато меня ждет Оля.

Что ж, паритет.

xxx

*Толкование сна номер 6789-з: микрофон**

«Привет, Свет! Рад, что ты написала. Серьезно. Обычно на этой работе, - но только между нами, ок, - приходится общаться с людьми, ну, не то, чтобы плохими, но уж какими-то загруженными. Все они серьезные, все пытаются изобразить из себя то, чем не являются (обычно даже – больше, чем являются). В общем, скука смертная. А мне по душе простота. Поэтому ты клевая девчонка – простая, как я люблю, - и общаться мне с тобой тоже легко и приятно.

Говоришь, приснился микрофон? Знаешь, я прочитал про твой сон, и сразу же вспомнил, ну, угадай, подружка, что я вспомнил? А как же. Сама знаешь, уверен! Вижу, как ты улыбаешься и переводишь взгляд на постер, который у тебя над холодильником висит. Кстати, я бы на твоём месте отчиму башку бы снес за попытки постер заклеить. Или взял бы в руки винтовку, ну, сама в курсе, как недавно в Америке было, да и повышибал бы мозги придуркам, которые тебя окружают. Ну это так, частности. Давай о том, что нам действительно интересно.

Бритни Спирс выпустили из лечебницы! Ну, где она там три дня тусовала, потому что бухала сильно и хотела бросить. Конечно, у нее не получилось. У кого же за три дня получится. Об этом, ну, о том, что выпустили ее, я прочитал в Экспресс-газете, потому что читаю только Экспресс-газету (кто кого, кто кого как - это ведь интересно на самом деле!) и "Сексус" Миллера. Это, ну, в смысле «Сексус» Миллера, не менее интересно, потому что там то же самое - кто кого и кто кого как. Более того, ЭГ предпочтительнее - там картинки и текст проряжен. Ну ладно. Вернемся к Бритни. Что меня бесит, так это травля, которую в последнее время все они против нее развернули.

Над Бритни Спирс почему-то все смеются. Сволоты.

А я люблю ее. И мне приятно знать, что и ты любишь ее.

Интересно, какую Бритни Спирс любишь ты? Я люблю раннюю Бритни Спирс. Свежую, не потраханную еще молью и Кевином Федерлайном, в меру упитанную, не расползшуюся еще, белую английскую протестантку, стянувшую свои полные ляжки в полосатые чулки - помнишь тот ранний клип? ну, конечно, помнишь - голосистую, отчаянную Бритни. Ах, Бритни-Бритни, я прощал тебе все - даже то, что ты блондинка, толстая, и форма груди и у тебя некрасивая. Ох, Бритни-Бритни, уизаут май уингс ай филл соу смолл... В смысле, без своих крыльев, - а мои крылья это ты, и такие как ты, - я чувствую себя таким мелким, ненужным и гнусным.

Теперь ты понимаешь, что все это, весь этот мир гребанный - заговор против счастья и самодостаточности?

Будь счастлива, не попадайся им больше, вот что я хочу сказать Бритни.

И, Свет, я хочу сказать это и тебе. Будь счастлива и не попадайся никому в этом мире. Потому что всем им плевать на тебя. Не подумай, что я хочу тебя загрузить, или, там, пропиарить себя как офигенно ужасного и великого астролога. Просто я хочу тебе сказать, что в этой ерунде – ну, астрологии в смысле, - правда есть смысл, недаром я шесть лет учился на толкователя снов и звезд. И вот этот твой сон: микрофон, который ты держишь в руках, он сказал мне вот что.

– *Света, которой приснился микрофон, в опасности, - сказали мне звезды, потому что я работаю по ночам, не верь астрологам, которые дрыхнут ночью, - потому что микрофон символизирует, во-первых, башню, а башня это всегда падение, а во-вторых, башня в мифологии древних народов Вавилонского междуречья, это ступени вниз, несущие тебя к земле быстрее, нежели ты сумеешь убежать вверх.*

Ну, такая фигня типа эскалатора, понимаешь, о чем я?

*Ты точно уверена, что у тебя нет врагов? Я не то, чтобы навязываюсь, и не хочу, чтобы ты подумала, будто тебя разводят на бабки, но, если подумаешь хорошенько, можешь заказать услугу «Кто тебя окружает», и я позабочусь, чтобы ты оплатила только 40 процентов от ее стоимости. Извини, это максимум, что я смогу сделать. Она безумно дорогая, и требует гадания на расплавленном серебре, и мы сделаем ее фактически в убыток себе. Но мне все равно: ты хороший человек. В общем, смотри. Если что, скидка 60 процентов**.*

Кстати, если ты и правда хочешь, как ты говоришь, убедиться, что все это не лажа какая-то, мы запросто можем встретиться. Я ведь живу, как и ты, в Кишиневе. Кстати, совсем недалеко от твоей 37 школы, где тебя, как ты говоришь, все уже задолбали. Можем встретиться, и я лично покажу тебе свой кабинет – я работаю дома, - откуда очень хорошо видно небо. А еще у меня глобус Вселенной, а вот больше на столе ничего нет, потому что работа со звездами не терпит бардака. Пока. Держи хвост пистолетом и не верь взрослым.

Искренне Твой, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

- *оплачено – (прим. бухг.)*
- *услуга заказана и оплачена – (прим. бухг.)*

xxx

- Это мой сын, - говорит он.
- Возьми платок, вытри кровь, - бросает мне комочек ткани он.
- Я тебе его не оставляю, - качает головой он.
- Спасибо, мне и не нужен платок, - говорю я.
- Я говорю о мальчике, - раздраженно бросает он.
- А, - мычу из-под платка я.
- Надеюсь, я четко все объяснил, да? - спрашивает он.

Я прижимаю платок к носу, и пытаюсь что-то сообразить. По идее, мой мозг сейчас должен бешено работать в поисках вариантов. Их, правда, у меня нет. Вообще. Мы сидим в пиццерии, небольшой, вполне уютной, и напротив меня неприятно улыбается отец моего ребенка. Так он, по крайней мере, представился. Вообще, мы знакомы. Правда, я никогда не думал, что именно с этим своим приятелем Оксана спит, причем чуть ли не от сотворения мира. Уж по крайней мере начала это делать еще до того, как познакомилась со мной. На нем – рубашка с коротким рукавом, и на левом бицепсе выбита какая-то оскаленная хрень.

- Войска особого назначения, - говорит он, поймав взгляд, - два года бля, поэтому даже не думай.

Да я и не думаю. Кровь течет потому, что я чересчур разволновался, когда мы начали разговаривать. Ну еще бы. Довольно неожиданно, знаете, услышать, что твой ребенок это не твой ребенок, и что его у тебя в ближайшее время заберут. Само собой, у меня поднялось давление, и закапала кровища из носа. А он бросил мне платок, и гладит Матвея по голове, угощая того солеными палочками. Не трогай моего ребенка, твою мать, хочу сказать я, но он предостерегает: постукивает пальцем по выбитой на его левой руке оскаленной херне.

- Типа тигр? - бубню в платок я.
- Типа заткнись, - говорит он, - а это настоящий леопард.
- И какой в этом смысл? - пытаюсь я тянуть время.
- Быстрый, беспощадный, незаметный, - довольно чеканит он, - и я правда такой. Сам-то служил?
- Нет, - каюсь я.
- Понятно, - кривит губы он.

Да уж, настоящий мужик. Не то, бля, что я. Мне на минуту кажется, что Матвею и правда будет лучше с леопардом-на-левой-руке, чем со мной. Но только на минуту. Потому что если, бля, это его сын, а не мой, то почему Матвей так похож на меня?

- Да всякое бывает, - объясняет леопард-на-левой-руке, - говорят, когда долго живешь рядом с кем-то, становишься похож на него.
- Ага, - говорю я, - нам с Оксаной часто говорили, что мы похожи.
- Хрен тебе, - берет он удивленного Матвея на руки, и садит на стул рядом с собой, - ничего общего у этой замечательной женщины, которая досталась тебе по недоразумению, у тебя не было. Я с детства говорил: если Оксанку кто обидит, будет иметь дело со мной!

- В смысле? - хлюпаю носом я, кажется, уже прошло.
- В прямом, - говорит он, - слушай, ты что, тупой? Все время переспрашиваешь.

Я тщательно вычищаю остатки крови из носа, и откладываю платок в сторону. Он презрительно отмахивается: не стоит, мол, возвращать.

- Можно вопрос? - смиренно спрашиваю я.
- Ну? - высокомерно смотрит он на меня.
- Если ты ее так любил, то какого хрена вы с ней не стали жить? Почему ты не сказал ей: давай, брось этого козла, меня то есть, и живи со мной. Кишка тонка?
- Заткнись ты, - шипит он, и я вижу, что еще чуть-чуть, и он начнет драться, - урод! Тонка против кого? Да я бы забрал ее за час, да еще и тебя бы по стенке размазал!
- Ну, и?
- Просто, - вздыхает он, - ты же сам знаешь, Оксана была клевой девчонкой, но чуть-чуть занудой. Встречаться с ней было самое то, а вот жить...
- Согласен, - говорю я.

Он улыбается, успокаивается, похоже, и просит принести коньяку. Отпивает чаю, и объясняет:

- Пойми правильно, я не желаю тебе зла.
- Ну еще бы, - киваю я.
- Просто, давай по-чесноку.
- Что?
- Вот ты тупой бля! По честному, говорю!
- Понял, извини.
- Так вот, если честно. Что ты можешь дать этому ребенку? У тебя нет постоянной работы. Да, ты лабаешь какие-то идиотские письма по интернету, астрологические прогнозы, что ли, ха-ха, и тебе даже чуть денег за это платят, но, во-первых, это не постоянная работа, а сдельная. То есть, уверенности в завтрашнем дне у тебя нет, а во-вторых, в сравнении с моей зарплатой это ничто!
- Сколько же ты получаешь? - смиренно спрашиваю я.
- Две штуки евро, - выпрямляется он, - и хозяин на стройке говорит, что еще немного, и будет две с половиной. У меня есть вид на жительство. Я, практически, уже португалец. А ты бля никто.
- А я бля никто, - соглашаюсь я.

Матвей слезает со стула, и становится у меня между колен. Я прижимаю его за плечи к себе.

- Типа трогательно, - говорит леопард-на-левой-мышце, - но давай продолжим говорить, как разумные люди.
- Точно, - киваю я.
- В общем, у тебя нет будущего, у меня оно есть. Вдобавок, ты выпиваешь, - безжалостно продолжает он.
- Выпивал, - поправляю я.
- Какая разница? - пожимает он плечами. - Где гарантии, что ты не начнешь это делать снова?
- Гарантий нет, - подумав, говорю я.
- А я о чем, - подмигивает он. - В общем, ребенку по любэ...
- Что?

- Бля тупица! Ребенку по любому будет лучше со мной, понял? Тем более, что он мой ребенок.
- Я буду бороться, ты понимаешь? Экспертиза, например.
- Да какие проблемы. Только она тебя разорит. Это раз. И ты реально можешь облажаться после ее результатов. Два. Отдай мне мальчика. Это мой сын.

Я признаю, что он смотрит на Матвея с любовью.

xxx

Приносят коньяк, и он ставит одну рюмку ближе ко мне. Матвей не выходит из окружения моих негнущихся уже конечностей. Я задумчиво дышу ему в макушку.

- Да ты не волнуйся, - говорит леопард-на-бицепсе, - выпей.
- Ага, - говорю я, беру коньяк, и едва не отпиваю, но вовремя ставлю рюмку на стол.
- Догадливый, - смеется он.
- Где-то за углом, - улыбаюсь я, - члены попечительского совета с трубочкой для экспертизы?
- Что-то вроде, - улыбается он. - Нотариус.

Пожилой мужчина в костюме за столиком в углу приветливо машет рукой. Да они все сбрендили. Мы смеемся. Все, кроме Матвея.

- Я уже не боюсь, - вдруг говорю я.
- Молодец, - хвалит он, - мужик!
- Был бы ты на сто процентов уверен в том, что у тебя выгорит, - говорю я, - тебе бы этот фокус с бухлом не понадобился.
- Ну да, - улыбается он.
- Значит, ты не уверен, - уточняю я.
- Если честно, - признается он, - уверен, просто думал, что все будет быстрее.
- Это как, - спрашиваю я, сразу оговорившись, - прости за тупость.
- Да ладно, - машет он рукой. - Просто, если бы ты выпил, мы бы решили вопрос быстрее. А так придется повозиться.
- Он не твой сын, - вопросительно говорю я.
- Я говорил с матерью Оксаны, - уклоняется от ответа он, - она не против того, чтобы я забрал мальчика.
- Сука! - вырывается у меня.
- Че бля?! - приподнимается он.
- Я про мамашу! - досадливо говорю я.
- Аа-а, - говорит он, - ну да, если честно, то да, сука. Тем не менее, она за. Ты, говорит, вообще с катушек съехал. Да и работы у тебя постоянной нет.

Я благодарю Бога за то, что леопард-на-бицепсе появился не в разгар нашей с Матвеем нищеты. Тогда уволочь от меня мальчика не стоило бы ему ни черта. Теперь же мы поборемся.

- Я понимаю, - пристально смотрит на мои руки он, - о чем ты думаешь. Ты ж не такое говно, как мы все считаем.
- Спасибо, - кланяюсь я.
- Ну, да, - нехотя говорит он, - иначе она не жила бы с тобой, да? Что-то человеческое в тебе осталось. Любовь, например, к пацану. Только, если она есть, ты поймешь, что ему и вправду лучше будет уехать со мной.

- На жалость пробить не получится, - мотаю головой я.
- Хорошо, - удивительно легко соглашается он, - вернемся к голосу бля разума. Мамаша Оксаны за то, чтобы тебя лишили родительских прав. Настоящий отец мальчика я. Попечительские советы у нас сам знаешь, какие. За деньги они его пропишут девочкой и внучкой короля Людовика Тридцатого.
- Тридцатого Людовика не было, - машинально поправляю я.
- Какая на хер разница, - машет он рукой. - Кстати, выпей уж, если на то пошло. Нотариус ушел. Не бойся.
- Нет, - говорю я. - Я не боюсь тебя, но... А-ля гуер а-ля гуер.
- Дартаньян, бля, - хмыкает он, и выпивает свой коньяк. - В конце концов, мы же искренни, да, ты же не был рад, когда все это на тебя свалилось. Мальчик, и все такое.
- Не был, - подтверждаю я.
- Ну так избавь себя от этого. Живи, как тебе хочется. Ты же писатель. Пиши бля книги, а не вытирай говно с задницы этого засранца. Говно я ему сам вытру. Ты занимайся тем, что тебе правда нравится.
- Ты живешь один? - спрашиваю я.
- Нет, недавно женился, - охотно отвечает леопард-на-бицепсе, - с ней мы все обсудили, она
- Как она выглядит?
- Похожа на Оксану, - честно признается он. - Волосы длинные...

Мы молчим, глядя в разные стороны. Будь тут Оксана, она бы тоже не глядела ни на кого. Матвей тоже о чем-то думает, уставившись в одну точку. Поймал точку, так это называется, да, милая?

- И вот еще что, - тихо добавляет он, - она тебя не любила.
- Знаю, - говорю я и думаю о двухстах страницах ненависти, которые пылают в моем шкафу, под майками и свитерами.
- Она тебе говорила? - смотрит он на меня с надеждой, ему хотелось бы, чтобы я был раздавлен до самых кишок.
- Нет, - отчасти вру я, - просто догадывался.
- Аа-а-а, - разочарованно тянет он.
- Все равно, - пожимаю плечами я, - не хочу тебя злить, но ведь почему-то то она да не ушла от меня к тебе.
- Мужик, - улыбается он, - только и исключительно потому, что я ее не позвал. Потраживать потраживал, но в жены брать не собирался. Я уже сказал почему. Мы были слишком разные.
- Тем более, - говорю я, - зачем тебе ребенок от женщины, которую ты всего лишь потраживал?
- Зачем себя мучить? - спрашивает он. - Ты же, глядя на ребенка, вспоминаешь ее.
- Тот же самый вопрос я адресую тебе, - парирую я.
- Она меня любила, поэтому никакие воспоминания о ней меня не мучают, - объясняет он.

Он прав, и крыть мне нечем.

- Ты отлично знаешь, что он – мой сын, а не твой, - говорю я.
- Да, - говорит он.
- Он чересчур похож на меня, - пожимаю плечами.
- Само собой, - говорит он. - Признаю это.
- У тебя не выгорит, - говорю я.

- Выгорит. Ты не думай, что это повод оставить его тебе, то, что он твой сын. Экспертизу я куплю. Попечительский совет куплю. Всех на свете куплю, и мальчика признают моим сыном, хоть он и вылитый ты. Ну похож. Ну и что? Верить-то надо документам бля, а не глазам.
- Ну да, - улыбаюсь я.
- Ну вот и все, - улыбается он. - Все, малыш. Это дело одного месяца от силы, понимаешь?
- А потом... - машинально говорю я.
- Мы уезжаем в нормальную страну, где я ращу мальчика, - заканчивает он, самодовольно улыбнувшись, и я смеюсь.
- В чем дело? - спрашивает он резко.
- Ты похож на лошадь, - давлюсь я, - правда. Только сейчас заметил.
- Благодарю Бога, - холодно говорит он, - что у тебя в руках ребенок. Иначе я бы тебя просто раздавил бля. Наступил бы...
- Как лошадь, - хихикаю я.

Он молча привстает и я затыкаюсь.

- Даю тебе последний шанс, - наглею я, - объяснить мне, почему ты хочешь заполучить ребенка.
- Ладно, - он с сомнением смотрит на меня, но все же решается, - скажу. Понимаешь...
- Ну? - тороплю я.
- Он единственное, что от нее осталось.

Мне снова нечем крыть. Мы подзываем официантку, та кладет счет рядом с пакетиком от палочек, которые Матвей так и не доел.

- Дядя, - вежливо говорит малыш леопарду-на-бицепсе, - дя-яя-дя.
- Папа, - ласково говорит он Матвею.
- Папа, - говорит Матвей, тыча в меня рукой, - паааа-па.

Я задираю подбородок.

Если ты со мной, то кто же против меня?

xxx

- А комнатка у вас почему-то маленькая...

Закусив губу, я открываю дверь в кладовку. Две пожилые мрази из попечительского совета района Ботаника, город Кишинев, планета Земля, вертятся юлой по моему дому. Будь здесь не убрано, они бы смели все с пола своими старыми длинными неопрятными юбками. Проклятые суки! Та, что постарше, лет пятидесяти, с ужасного ярко-розовой помадой на морщинистых губах, помладше вообще без макияжа: даже не знаю, кто из них страшнее. Меня от обоих воротит.

Как и их от меня.

Они особо не скрывают, зачем пожаловали, поэтому мне, по сути, наплевать, что я услышу. Единственное, что я сделал: так это вылизал весь дом, как кошка задницу. Ни одной соринки не найдут. Вдобавок, я выбрит, и одет в новые джинсы и белую, -

гламурную, как шепчутся стамбульские проститутки, приехавшие домой в Кишинев на уик-энд, - кофту, которую мне купила... Конечно же, Оксана.

- Странно, - поджимает губки одна из попечительских потаскух, - в доме ни одной фотографии вашей покойной супруги...

И к этому я готов, поэтому широко распахиваю комод, забитый фотографиями Оксаны.

- Не хочется, - объясняю я, - чтобы ребенок расстраивался, глядя на нее все время. Обычно я люблюсь фотографиями жены, когда Матвей ложится спать. Смотрю всю ночь, и, бывает, плачу.
- У вас неуравновешенная психика? - радостно восклицает вторая, и что-то черкает своим сраным карандашом.
- Железная, - говорю я, - но ведь мужчине иногда поплакать. Когда все дела сделаны, и никто не видит. Ахиллес, например, плакал, Уленшпи...
- Покажите холодильник! - перебивают они меня.

Матвей, главное сокровище, из-за которого началась эта война местного значения, сидит на диване в ярко-красной рубашечке, красивый, как ангел, и, судя по тому, что притих, срет. Я подмигиваю ему, и подсовываю книжечку с Золотым петушком поближе, после чего веду старух на кухню. Холодильник полон еды, а детской едой, - с гордостью признаюсь я сам себе, - он был полон всегда. Даже когда было совсем плохо. Я еще раз благодарю Бога за то, что этот бля рейдерский накат на моего сына начался после того, как я нашел работу. Посети они нас тремя месяцами раньше, испуганно думаю я, - когда приходилось продавать вещи на тираспольском рынке, - Матвея могли бы забрать прямо во время первой проверки. Суки!

- Так, - разочарованно хлопает та, что постарше, дверцей холодильника, - теперь туалет и ванная.
- Пожалуйста, - веду я их.
- Как-ка, - сообщает Матвей.
- Мальчик что, не пользуется горшком? - оживает младшая.
- Писает в него, - объясняю я, - а вот по большому пока редко. Это нормально. Не все дети ходят на горшок в его возрасте. Не все говорят. Я не переживаю.
- Вот как?
- Ну да, - начинаю злиться я, но потом беру себя в руки, потому что они только и ждут, чтобы я расписхавался, - кто-то раньше идет, вот, Матвей, например, пошел в девять месяцев.
- Ого! - говорит младшая, но осекается, потому что старшая смотрит на нее зло.
- Ого, - киваю я, - а вот говорить начнет позже. Слов тридцать пока знает. ну, я не парю.. беспокоюсь. Все равно заговорит. Правда, Матвей?
- Пявда Мей, - соглашается мальчик.
- Молодец, - треплю его по голове я, и даже у мегер взгляд смягчается, мой ангельски красивый ребенок даже Медузу бля Горгону бы вернул в лоно смирения, всечеловеческого прощения и католической церкви, думаю я.
- Ка-ка, - напоминает он.

Тетки выжидают. Я улыбаюсь, беру Матвея на руки, и лихо, раз-два, проделываю все, что нужно. Меняю пацана быстрее, чем леопард-на-бицепсе, должно быть, надевал на себя грязные трусы, вонючие портянки и стиранную перестиранную майку. Типа тельняшку, ага. Сколько у них там в армии на это уходит? Пятнадцать секунд? Так у меня всего десять. За десять секунд я меняю белье, штаны, мою задницу, и надеваю все новое и

чистое на ребенка. По-моему, неплохо. Даже старые суки, - хоть они явно вынесут решение не в мою пользу, - впечатлены.

Ну да, думаю я, поэтому я и есть настоящий мужик. Потому что, чтоб вас, настоящий мужик это тот, кто трахает баб, кормит ребенка и пытается хоть как-то наладить свою жизнь, и отношения с этими бабами, - пусть одна из них и мертва, - и вообще с самим собой. А тот, кто несколько лет дрочит в казарме под неприятно колючим шерстяным одеялом, носится, как полудурок, с автоматом по полигону, и только и делает, что позволяет командовать собой кому ни попадя, тот вовсе не мужик. Просто дерьмо собачье.

Я тихонько хихикаю, и продолжаю показ дома. Хотя показывать особо нечего. У меня всего две комнаты. Два дивана, телевизор, книжные полки, кровать Матвея, комод Матвея, занавески, чистые и стиранные, ну, как же, и этому я научился, посуда, вычищенная как зубы на приеме дантиста...

- Туалет и ванная совмещены, - озабоченно говорит старшая младшей, - записываем...
- Вообще-то, - говорю я, усевшись с Матвеем на диван, - жилой фонд города Кишинева на 80 процентов состоит из квартир, где туалет и ванная совмещены.

Она не достаивают меня даже взглядом.

- А здесь? - тыкает своими короткими красными, не то, что у Оксаны, ее-то руки были длинные и красивые, пальцами, старшая мегера. - Здесь у вас что?
- Компьютер, - терпеливо поясню я, - рабочее место. Тржусь, не выпуская сына из поля зрения.
- Включите, - говорит она.
- Пожалуйста, - улыбаюсь я.
- А женщин вы водите? - вдруг резко спрашивает младшая, такие у нее, наверное, представления о перекрестных допросах.
- Если я скажу, что да, вы обвините меня в том, что я устраиваю здесь блядки, - надоедает все это мне, - если скажу, что нет, вы обвините меня в том, что я извращенец, потому что молодой мужчина без женщин это подозрительно. Что для вас было бы предпочтительнее?

Она отводит глаза. Наверное, ей тоже неловко. Ну, да. Все мы, в сущности, неплохие ребята, только у многих есть закладная на дом. Типа того.

Старшая тетка роется в компьютере. Конечно, ни одной фотографии голой бабы не то, что на рабочем столе, но даже и в документах, в машине нет. Я все тщательно почистил. Тетка садится за компьютер и с важным видом водит курсором по экрану. Наверное, я тоже так выгляжу: для меня компьютер это всего лишь наборная машинка и интернет, в котором можно найти анекдот посмешнее, да фото девки посимпатичнее. Тетка задумчиво опускает руку на чуть выдвинутый ящик стола, и я обнимаю Матвея, поцеловав его в щеку. Мне нужно на мгновение скрыть лицо: ведь я вспомнил, что в том самом бля ящике – предмет туалета, который вовсе не вызовет у моих посетительниц взрыв восторга. Фейерверк положительных чувств. В ящике стола – трусики Светы, которая все-таки пришла убедиться в том, что вся эта служба толкования снов вовсе не лажа.

Ей Богу, как же хорошо, что по трусам нельзя определить возраст хозяйки.

Между прочим, она сама, напоминаю я себе, и прижимаю Матвея к груди. Только это, конечно, вовсе не аргумент. Ладно, буду надеяться... Так и есть. Тетка прихлопывает ящик, машинально закрывает его, и отлипает от компьютера.

- У нас все, - говорит он. - Всего доброго.
- Пока-пока, - говорит Матвей и бежит открывать дверь.

Проводив старых паскуд я, чувствуя себя героем «Банкира», начинаю суетиться и приводить в действие механизм большого Плана. Пытаюсь договориться с мамашей Оксаны, со своей – ее, оказывается, леопард-на-бицепсе тоже обработал, пытаюсь решить кое-какие вопросы со старыми знакомыми из Центра медицинской экспертизы, который специализируются, конечно, больше на трупах, но ради такого дела могут и о живых вспомнить, сражаюсь отчаянно и храбро. У меня больше шансов, чем все они думают, потому что леопард-на-бицепсе, который сработал действительно хорошо – видно, не зря он там бегал с окровавленной задницей в разведчастях, - все-таки совершил ошибку. Не учел одного важного момента. Пятнадцати тысяч долларов, которые я получил в Москве как бля надежда молодой литературы, и которые я вовсе не зажму, как считают те, кто о них знают. Меня мучает только один вопрос. Сколько денег у него, этого придурка? У кого их будет больше, тот и победит. Особенно учитывая, что выгляжу я и правда сомнительно. Мужчина под тридцать, вдовец, не работает, - пусть эта астрологическая фигня и приносит доход, но ведь выглядит это не очень прочно, не так ли, уважаемый совет попечителей, - все время с ребенком, Господи, да он даже поссать с ним ходит, не кажется ли вам... И все такое. А если бицепс-и-леопард купит справку о том, что он папаша мальчика, мои дела плохи.

Тем не менее, мы с Матвеем проходим экспертизу, которая подтверждает: да, он мой сын, а я, соответственно, не только вечно что-то переспрашивающий тупица, но и его отец.

Тем не менее, бицепс-и-леопард покупает такую же справку. Что, учитывая состояние дел в Молдавии, не так уж и сложно. Первую неделю, кажется, все склоняется в мою пользу, медленно так, постепенно, как всегда, когда думаешь, что выиграешь, а на самом деле все потеряешь. И правда, так оно и случается. Когда проигрываешь, все движется уже не медленно. Все падает моментально.

Потом все падает. Словно неисправный самолет. И я, его единственный пассажир, кувыркаюсь, да гляжу то на облака, то на Землю, когда подлетаю к иллюминатору, да сжимаюсь, ожидая удара и гибели. Которые наступят вот-вот.

Звонки из попечительского совета раздаются все чаще, проверки все чаще, отчаяние все чаще, проходит первое заседание суда по делу о лишении родительских прав Имярек, и я, Имярек, нанимаю адвоката, что, учитывая состояние дел в Молдавии, совершенно бесполезно. Мне удастся доказать, что он мой сын, но им удастся доказать, что лучше моему сыну быть с другом моей покойной жены.

Но я все же некоторое время еще не понимаю, как все обстоит на самом деле, как, наверное, не понимает человек, у которого кровь хлещет из сонной артерии, или у кого рука немеет. Не понимаю, потому что не хочу понять, наверное. Хотя и стараюсь видеть жизнь, какая она есть.

Я понимаю, что все действительно плохо, когда адвокат говорит мне, глядя на свежевыкрашенную стену судебного коридора:

– Хотите совет? Только между нами. Перестаньте брать ребенка на судебные заседания.

Он объясняет, что на любом из них Матвея могут отобрать.

Я перестаю брать Матвея на заседания. Я стараюсь ночевать с ним то в гостинице, то на даче. Я ставлю на дверь несколько засовов. Я перестаю ходить на заседания сам. Для них это не имеет никакого значения. Однажды, рано утром, я просыпаюсь из-за звонка, беру Матвея на руки, - он молчит, потому что не видел меня таким, - и с колотящимся сердцем кошу в глазок. За дверью мужик в форме, и бицепс-с-леопардом, который улыбаясь, машет перед глазком бумажкой, и демонстративно уходит, показав два пальца. В смысле, два дня?

Минут через десять я приоткрываю дверь, хватаю бумажку и закрываю засов. Читаю, и веду Матвея на кухню есть. В принципе, никакого права это делать у меня теперь нет, потому что и прав на Матвея у меня нет.

Суд лишил меня родительских прав.

xxx

*Толкование сна номер 650: женицина**

«Любезный Егор! Спасибо за полученное письмо и за то, что обратились к нам. Вы сделали правильный выбор: только профессионал может объяснить вам, что значит тот или иной сон на самом деле. Что такое сон?»

Сравните с плохой поликлиникой: когда вам плохо, вы идете к врачу, и он говорит вам: болит левая рука? Ступайте к кардиологу. Ломит голову? Обратитесь к нейрохирургу. Ноет зуб? Может, поговорите с секретаршей дантиста? Потемнело в глазах? Может быть окулист вам поможет? А на самом-то деле все это симптомы одной болезни, которую хороший врач увидел бы сразу, и к лечению которой приступил.

Так и сны: их может быть много, все они могут быть, на первый взгляд, разными, и свидетельствуют только об одном. Вы говорите, вам приснилась женицина, которую вы не видели, потому что упорно отворачивались от нее во сне, и которая, вы это почему-то знали, была красива. Возможно, это была самая красивая женицина на Земле, пишете вы. Возможно, добавляете вы, вам приснилась женицина с волосами белыми, как пломбир, возможно, ее волосы были черными, как нефть, а может, рыжими, как лоскутки ткани, пропитанные давно уже высохшей кровью, наконец, вы не уверены: она вполне могла быть лысой как эта, как ее, Нефертити, или Клеопатра. Ах, Егор, Егор... Вы, поздравляю вас с этим, увидели во сне не просто женицину, а мегаженицину, ту, кого древние называли Кибелой.

Матерью богов.

Увидеть во сне женицину с телом грузным и белым, как отсыревшая вата, значит получить извещение о том, что в следующей жизни ваши волосы будут белыми, но не от того, что поседеют, а таковы они будут от природы. И жизнь эта ваша будет протекать счастливо в местах, где горы цепляют за руки облака, чтобы похоронить с ними немножко. Вы родитесь в Альпах, Егор, и будете, судя по всему, каким-нибудь банкиром, или богатым ремесленником. Звезды, к которым я обратился за

дополнительным комментарием по поводу вашего сна, указали мне на часовой круг. Конечно, часы! Возможно, вам будет принадлежать крупная часовая компания.

Встретить во сне женщину смуглую, поджарую, темную, но не черную, значит обжечься об адский уголек желания, Егор, уж мы-то с вами понимаем. Наверняка, в уголках вашей души спрятаны воспоминания о женщине, которая когда-то сумела укунить ваше сырое и кровоточащее сердце, не так ли? Может, вы и забыли о ней, но ваши сны – нет, вот к вам и приходит Кибела, мать богов, в обличье женщины-пламени.

Если кому приснится женщина беспутная, значит, ждет вас дорога, и такая долгая, что не раз вам покажется, что те железные башмаки, которые вы ковали сами себе, вот-вот изорвутся. Говоря проще, это символизирует долгий перелет. Уточните в департаменте хьюман-ресурсов, Егор, не готовят ли на вас командировочный лист для поездки в Ганновер, где, как известно, состоится ярмарка виноделия, в которой примет участие и ваш винзавод.

Женщина с промежностью заросшей густо и сильно значит всего лишь расстановку приоритетов, которой вам пора заняться. Вы же, вместо того, чтобы определиться, бродите по жизни, будто по лесу, будто по этому заросшему лобку, да не знаете, куда приткнуться. Женщина с промежностью лысой, как выжженный холм, - видели вы такие за Воротами Города, их жгут по весне, чтобы уничтожить осенний еще мусор, - снится перед успешной поездкой. Обратите внимание, два символа пути: это уже больше, чем намек или предостережение, это прямое указание. И еще. Самое важное.

Бойтесь женщину с длинными волосами, Егор. Бойтесь женщину с зелеными глазами, женщину невысокого роста, с приятно полными бедрами, крепкой, формы яблока, грудью, с ресницами длинными, до бровей, и пальцами изящными, тонкой работы, тонкой, словно гобелен или хрустальная ваза, а может, фарфоровая чашка? Бойтесь женщин по имени Оксана, бойтесь, Егор, так говорят ваши сны. Бойтесь женщину с толстой тетрадью. Бойтесь женщину с медом на языке, который она просовывает в вашу глотку нежными ударами страсти. Бойтесь женщину с ухоженными длинными ногтями. Бойтесь женщину с каштанового цвета волосами, растущими до приятно полных бедер. Бойтесь женщину, глаза у которой то ярко-зеленые, как море Средиземное, то глухо-болотные, как маслянистые волны Ледовитого океана. Бойтесь ее и трепещите, Егор.

Вот и все, что рассказало мне Ваше сновидение.

Итак, Егор, сон ваш многозначен, как жизнь, сон ваш многоуровневый, как Вавилонская башня, сон ваш очень и очень сложный. Но разве женщины и не во сне бывают простыми?

Искренне Ваш, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

- оплачено – (прим. бухг.)

xxx

Всю ночь я сижу на балконе, глядя на автомобили под домом. Приезжают и уезжают. Минуту порычат, и вот нет – они светящаяся точка наверху. Совсем как люди, решаю я.

Мы с Матвеем любим сидеть напротив дома через дорогу в беседке с розами, и глядеть на автомобили. Часами смотрим. А когда беседка занята, мы глядим на дорогу с балкона.

У нас тут оживленное движение. Я даже беспокоился насчет того, что не смогу объяснить Матвею, как важно переходить дорогу только на зеленый свет. Бог мой. Я из-за этого даже сам стал переходить только на зеленый. Ну, чтобы подавать пример. Делай не как я говорю, делай, как я делаю. Основы хорошего воспитания, не так ли? Все коту под хвост. Из комнаты что-то доносится. Я замираю. Нет. Сопит. Я тянусь к сигарете, хоть бросил курить после рождения сына. Потом передумываю. Четыре утра. Автомобили проносятся изредка, но быстро.

Дневник Оксаны я хотел сжечь, но потом подумал, и решил, что это было бы пафосно. Картинно и не по-настоящему. В конце концов, слова это всего лишь слова. Оставить его дома я тоже не хотел, поэтому просто выбросил тетрадь на мусорную свалку. Прости меня, Оксана, за все. Я на тебя зла тоже не держу. Я подсчитываю оставшиеся деньги, и, получается, не все потеряно. Есть еще десять тысяч. Что делать? Подумаю об этом завтра. Все-таки, они дали мне два дня, не так ли?

Я иду в ванную, и лежу там до рассвета. Выхожу, успеваю высохнуть, а потом неожиданно, как всегда, будто батарейка заработала, вскакивает Матвей и сразу бежит на кухню. За кастрюлей. Это теперь наша лучшая игрушка. Я выпрямляюсь, и меня осеняет. Точно! А ведь и правда, выход-то напрашивался. Сам собой. Хрен они нас поймут, сынок. Матвей ударяется мне в колени, и, весело гогоча, пытается оттолкнуть папашу с пути.

- Доброе утро, - говорю я.
- Де е! - говорит он.
- Искупаем Матвейку? - спрашиваю я.
- Бульбуль! - смеется он, и бежит уже в ванную.
- Помоем Матвейку, - говорю я.
- Искупаем всего.
- Помоем головку, - пою я.
- Спинку и ножки, - тру я ребенка.
- Искупаем. Дадим кораблик.
- Вынем из ванночки, - обертываю я его полотенцем.
- Вытрем.
- Оденем.
- Накормим.

К двенадцати мы уже поиграли, и пора спать. Матвей берет маленький плед, Пузика, - мягкую игрушку, человечка, похожего и на инопланетянина и на Матвея, - и семенит к дивану. Я открываю духовку, и вынимаю оттуда сковородки.

- Умница, - говорю я.
- Мека умице! - говорит он.

И укладывается на подушку. Я тщательно закрываю окна и закрываю все, чтобы не сквозило. Закрываю все двери в комнатах. Все как обычно. В полдень мы раздеваемся и ложимся. Матвей сопит, и закрывает глазки. Притворяется. Я открываю газовый вентиль. До отказа. Открываю дверь на кухню, и ложусь рядом с Матвеем. Он открывает глазки и улыбается.

– Матвейка любит папу? - спрашиваю я почему-то.

Мальчик вдруг прижимается ко мне что есть силы, и обнимает за шею. Я прижимаюсь к нему щекой.

- Сёка, - говорит Матвей, - сё-ё-ё-ё-ка.
- Ага, щека, - говорю я.
- Обними папу покрепче, - говорю я.
- Я тебя люблю, - говорю я.
- Правда люблю, - говорю я.
- Закрывай глазки, - говорю я.
- Не балуйся, - говорю я.
- Не подглядывай, - говорю я.
- Ты уснешь, - говорю я.
- А мама потом придет, - обещаю я.
- Закрывай глазки, - говорю я.
- Ну же, - говорю я.
- Извини, - говорю я.
- Я тебя очень, очень-очень, - начинаю я.
- Люблю, - говорю я.
- Прости, что повторяюсь, - говорю я.
- Я люблю тебя, - говорю я.
- Сынок, - добавляю я почему-то.

И понимаю, что у меня и правда был сын. Оказывается, у меня был сын. И, оказывается, это было здорово.

- Спи, любовь моя, - говорю я, и закрываю глаза сам.
- Спи.

Матвей прижимается ко мне еще сильнее, и мы засыпаем. А потом умираем. Быстро. Нам не больно.

Ведь мы вместе.

xxx

Словарь Оксаны

«Несмотря ни на что, я хочу родить ребенка. Моего ребенка. Надеюсь, что хоть это Его исправит. Хотя, чего уж там, Его не исправит ничего, он безнадежен, и отцом, я уверена, ему не быть, ни хорошим, ни даже плохим. Он просто не отец, и все тут.

Он постоянно храбрится, но на самом-то деле он неудачник. И я это знаю. Он знает, что я знаю. Может быть, именно поэтому он не хочет видеть во мне человека, и старается обойти необходимый для супругов момент, как обычное общение. Я хочу родить ребенка, но я боюсь, потому что мне придется тянуть двоих, а я и так надорвана. Тащить семью придется мне. Что ж. Дело не в деньгах, а в вещах куда более важных. В любом случае я уже решила. Мне все равно, от кого рожать. Как получится.

Я не хотела плакать. Я хотела быть счастливой. Не думать о плохом. Радоваться каждому дню. Не просыпаться, скуля, как собака, больная неизлечимой болезнью, которая не понимает, что с ней, и которой страшно, адски больно, но усыпить которую

некому, потому что собака ничья. Я хотела радоваться дню, и протягивать руки рассвету. У меня не было всего этого. Я получила Его, мое проклятие, и свет в моих глазах померк.

Ничего, ты не узнаешь об этом, мое дитя.

Я надеюсь, что моему ребенку будет суждена долгая и счастливая жизнь. Маленький комочек, которого еще нет. Я сделаю все, чтобы ты был счастлив. Чтобы ты не знал той боли, которую постоянно испытывает твоя мать. Мы с тобой будем не разлей вода. Мы будем счастливы. Будем много смеяться, будем неразлучны и всегда вместе. Я буду для тебя Солнцем, и ты будешь для меня Солнцем. У тебя в жизни будет много радости и веселья. Ты будешь маленьким веселым человечком, который, - возможно, первым, кому это удастся из мужчин, - подарит мне не омраченную болью радость бытия. Я уже знаю, как назову его.

Приходи скорее, Матвей.

xxx

- Аа-а-а-а-а!!!
- А-ха!!!
- А-а-а-а-а!!! - стонет он.
- Аа-а-а-, рыдаю я.
- Не надо, - кричит он.
- Пожалуйста! - рыдает он.
- И меня! - кричит она.
- Пожалейте, - визжит она.
- А-а-а-а-а, - орет брат.
- А, ха-ха-а, - рыдаю я.

И захожусь так страшно, что на минуту смолкают все.

Нас много. Мы под мостом, в парке, где даже днем гулять не стоит: что, учитывая положение дел в Молдавии, не так уж удивительно. Мы представляем собой групповую композицию. Что-то вроде «Ночного дозора» Рембрандта, только у нас больше экспрессии. Куда большая. Итак, слева направо.

Фигура первая. Леопард-на-бицепсе стоит на коленях, со связанными за спиной руками, уронив лицо в асфальт. Он без обуви и подошвы его ног разбиты. Я говорю «разбиты» на ради красного словца. Они разбиты по настоящему – из левой пятки торчит кость. Пальцы перемолоты, вместо них каша. Если леопард-на-бицепсе выживет после сегодняшней зарисовки, он останется инвалидом на всю жизнь. Правда, я не уверен, что он выживет.

Фигура вторая. Рядом с леопардом-на-бицепсе лежит, скорчившись, в позе эмбриона, старая мегера из попечительского совета. На ней нет юбки, и из ее зада, - я вынужден описывать все беспристрастно, - торчит что-то зеленоватое. Если вы наклонитесь пониже, а я не уверен, что вы захотите это сделать, то увидите, что это горлышко от бутылки зеленого тяжелого стекла, в которые в Молдавии разливают дешевое вино. Вы можете предположить, что оставшаяся часть бутылки находится в теле мегеры из попечительского совета.

Фигура третья. Рядом с мегерой лежит мегера помладше, с разорванным платьем, разбитым – пусть и не так, как ноги леопарда-на-бицепсе, но все же разбитым, - лицом, мегера номер два, та, что помладше.

Фигура четвертая. Какой-то мудака из суда, - кажется, секретарь, - блюет на ноги фигуры третьей, потому что ему очень-очень плохо. Рядом с ним лежит куча засохшего дерьма, и, если вы приглядитесь, а я уверен, что вам не очень захочется, то поймете, что блюет он дерьмом. Может быть, вы поймете первопричину этой рвоты – да, конечно, он блюет дерьмом, которое его заставили есть.

Фигуры пятая. Мой двоюродный брат, сорока лет, коротко стриженный и седой, двух метров росту, ста двадцати килограммов весу, только что бил паяльником по ногам леопарда-на-бицепсе, и остановился, только когда я завыл, и зашелся. Вообще-то брат должен был быть в Италии, но ему не дали визу. Главарям преступных группировок, сказали эти лицемеры в посольстве, не дают виз. А он разве преступник бля? Мой брат привык, что я, - когда еще был преуспевающим журналистом, - решал подобного рода вопросы, поэтому позвонил мне. И сейчас он здесь.

Фигуры от шестой до двадцатой. Множество коротко стриженных мужчин, дорого и неброско одетых, с колючими взглядами, курят, презрительно глядя на основных участников действия. В том числе на меня. Изредка их взгляды теплеют: это происходит, когда они глядят в сторону, где в одной из машин, - а машин много, и они дорогие, - на руках у одного из таких мужчин играет красивый малыш, совсем такой, каких рисовали гитлеровцы на плакатах-агитках.

Это Матвей, и играет он кобурой от пистолета.

- Славный пацан, - говорят они, гладят его голову, и задумчиво добавляют, - бродяга бля...
- Ага, - говорю я.

Они презрительно не смотрят на меня и суют ему кто брелок, кто купюру, кто блокнот. Пусть поиграет.

Только что все фигуры от номер один до номер четыре плакали, визжали и выли, и мой брат, подняв голову, спросил меня:

- И вот это дерьмо всерьез собиралось лишить тебя ребенка? Ну, хера ты сопли жуешь? Успокойся. Бля, Володя, нельзя же быть таким слабонервным.

Я начинаю плакать, икать, трястись, и выть. Я говорю:

- Аа-а-ааааххх!

После чего падаю, и, выгнувшись, впиваюсь зубами в лицо леопарду-на-бицепсе, стискиваю челюсти, а потом теряю сознание. А уже после меня оттаскивают, и отливают водой.

В зубах у меня зажат кусочек его щеки. Придя в себя, я отплеываюсь. Меня шатает.

- Успокойся, - перепуганный брат трясет меня за плечи, - успокойся, брат. Ну? Все, все. Успокойся. Возьми себя в руки. Сейчас мы их бля замочим всех.

После слова «замочим» фигуры от первой до четвертой начинают шевелиться и скулить, но брат смотрит мне в лицо, и беспокоится. Все, все, даю я понять, и отхожу чуть в сторону. После чего бросаюсь к одному из тел, и начинаю, рыча, бить ногами в живот, пока ногу не сводит судорогой, и тогда я, схватив какую-то острую железяку, бью себя изо всех сил в сердце. Они хотели отобрать у меня тебя. Я убил нас. Я убил нас. Я не хочу жить. Я хочу умереть.

Мне больно, мне больно, мне больно, больно, мне больно...

Меня бьют по затылку и я выключаюсь.

xxx

Удивительное дело. Когда умираешь, тебе видятся самые обычные вещи. Нет никакого рая из облаков и сахарной ваты, и ангелочков нет, и прозрачных фигур нет, ни фейерверков, ни архангела Гавриила, ни матрицы, ничего нет - в общем, кинематограф облажался. А вот дешевые романы нет. Потому что когда я умер, все случилось так, как описывают в тех самых дешевых романах. Я просто встал, и увидел себя, лежащим на диване. Себя мертвого и мертвого ребенка. Между прочим, Матвей тоже встал.

Мы поглядели на себя лежащих, и прошлись по комнатам. Все было, как когда мы уснули. Мы с Матвеем молчим, и мне интересно: это все, или все – таки есть кто-то, кто все это устроил, создал и прочее. По идее, сейчас в коридоре должен сидеть Сатана. Что меня утешает, ребенок вентиль не открывал, стало быть...

И тут до меня доходит.

Стало быть, нас разлучат.

Я совершил самоубийство, и убийство. Мне при любом раскладе – в ад. Ребенку – в рай. Стало быть, Матвей, мы все равно проиграли. Нас все равно разлучают. Я гляжу на Матвея, и вижу, что он понимает. Лицо у ребенка необычайно грустное. Я беру его на руки, легко, необычайно легко, он не весит ни грамма, и мы, последний раз взглянув на лежащие тела, выходим из дома, обнаженные, мертвые, и, пожалуй, несчастные. Увы, в коридоре нет никого. Ни посланников, ни ангелов, ни демонов. Неужели пронесет, думаю я, но заставляю себя не надеяться. Я все равно проиграю, потому что я неудачник. Хоть и храбрюсь. Ты была права, Оксана. Кстати, где ты? Могла бы и идти уже навстречу нам. Ну, облегченно вздыхаю я, хоть с этим легче. Наверняка ребенок останется с матерью. Значит, мальчик, хоть мы и не увидимся, но все же ты не пропадешь без меня.

Матвей тянет ко мне руки: это значит, что он хочет вверх.

Я поднимаю его, и он обхватывает мою шею. Мы спускаемся на первый этаж, и я уже отчаиваюсь увидеть Бога. Как вдруг вижу, что он все-таки был. Оставил нам записку. Мы с Матвеем, держась за руки, подходим к двери и читаем. Дорогие Вова и Матвейка...

«Служба «Молдова-газ» сообщает, что сегодня, в период с 11.00 до 15.00 в Вашем доме будет отсутствовать газ по причине технических работ, которые проводятся в соответствии с генеральным планом развития газовых сетей города...»

Дверь подъезда распахивается, и перед нами предстает, стоя перед порогом, весь в обрамлении света, леопард-на-бицепсе с каким-то чмырем из суда.

- Я же вам говорил, что он на голову трахнутый! - орет претендент на отцовство. - Вы только поглядите! Выводит ребенка из дому, а оба голые!!!

Я чудом успеваю захлопнуть дверь перед ними, и, вскинув Матвея на плечо, несусь в квартиру. Запираю засов, и раздается звонок.

- Бля, я только на неделю собрался к морю! У меня никаких дел там! - возмущается, не представившись, не поздоровавшись и не спросив, как дела, мой двоюродный братец. - А эти чмыри не дают мне визу! Я говорю у меня брат журналист с именем...
- Слушай, - плача, говорю я. - Ты можешь приехать? Прямо сейчас. Пожалуйста.
- Что такое? - недовольно говорит он.
- Бля, умоляю, - рыдаю я.
- Я вообще-то занят, - бурчит он.
- Тут дело на десять штук, - говорю я.
- Сейчас приеду, - тянет он.
- Спасибо, - говорю я.

На кухне раздается шипение. Дали газ. Я бегу к духовке и перекрываю вентиль.

xxx

К вечеру мы полюбовно ладим. Леопард-на-бицепсе подписывает отказ от претензий, ему на месте гипсуют и бинтуют ноги, и вручают билеты, купленные на его же деньги, братьев знакомый из прокуратуры привозит решение суда о подтверждении прав отцовства, мегеры уже даже не плачут, а просто испуганно жмутся, когда кто-то приближается к ним ближе чем на метр. Все мы в крови, все еле живы, все перепуганы и все очень устали.

- Если, - объясняет брат, - подобная проблемы возникнет перед ним еще раз. Вы все - покойники. И знаете, почему?
- Нет, - хором и дружно, потому что их дрессировали весь день, отвечают пострадавшие.
- Вовсе не потому, что он крутой, - говорит брат.
- Ни хера он не крутой, - морщится брат.
- Слабонервный человек, - машет рукой брат.
- Слабак, - кривится брат.
- Человек бля искусства, - сплевывает брат.
- Но вы будете покойники, - объясняет брат.
- Потому что он нам за это уже заплатил.
- Немного, - кивает брат. - Да, немного.
- Но ведь и он мне не вода на киселе бля, - уточняет брат.
- А, пусть и двоюродный, но - брат! - заканчивает брат.
- Понятно? - спрашивает брат.
- Понятно, - хором отвечают все, и даже я почему-то.

Уже смеркается. Я, совершенно ослабший, иду к машине, и принимаю на руки Матвея. Решение суда в нагрудном кармане. Можешь порвать его на хер, советует кто-то из солидных мужчин. Тебя полюбэ никто не тронет теперь. Понял? Понял. Подходит брат. Треплет Матвея по голове. Мальчика пора стричь, думаю я. Волосы уже на уши спускаются. Брат кашляет.

- Ну, - смотрит он куда-то, - чего у нас там?
- В смысле? - тупо спрашиваю я.
- Деньги, - говорит он.
- А! - восклицаю я, и торопливо вынимаю конверт.
- Ага, - берет он его так, будто и не взял. - Тут десять?
- Пять.
- В смысле?
- Это все, что есть.
- Ты серьезно?
- Богом клянусь, - говорю я.
- Ты говорил десять, - говорит он.
- Я оговорился, - говорю я.
- Да? - наклоняет голову он.
- Клянусь, - устало вру я. - У меня ни копейки нет. Не знаю, на что ужин покупать. Просто оговорился. В шоке был. Меня трясло. Ты видел.
- Ясно, - говорит он. - Славный малый.
- Ага, - говорю я. - Слушай.
- Ну? - спрашивает он.
- Есть тут еще один мудака, - говорю я, вспомнив доктора, - в поликлинике бля.
- За пятьсот баксов я ему жопу на глаз натяну, - улыбается брат. - Ты же мой брат!
- Ладно, если что, я обращусь, - быстро передумываю я.
- Слушай, еще вопрос, - говорю я.
- Ну? - спрашивает он.
- Дай пару сотен, - говорю я. - Мне ребенка кормить не на что.
- Я бы рад, - говорит он.
- Да сам на мели, - говорит брат.
- Могу одолжить, - говорит он.
- У тебя одалживать себе дороже, - смеюсь я. - Потом всю жизнь проценты отдавать.
- Ага, - смеется он.
- Я бы и эти не взял, - говорит он.
- Но перед людьми неудобно, - оправдывается он.
- Совсем что ли, даром... - извиняется он.
- Ты готов был убить их? - спрашивает брат.
- Да, - говорю я.
- Ради чего ты был готов это сделать? - спрашивает он.
- В смысле? - переспрашиваю я.
- Литератор херов, ради кого ты собирался убить их всех? - раздраженно спрашивает брат.
- Ладно, - говорю я.
- Ради ребенка, - говорю я.
- Вот теперь ты понимаешь, что такое семья? - спрашивает он.
- Да, - говорю я.
- Ну так позвони матери, - говорит он.
- Ладно, - говорю я.
- Не ладно, а позвони, - говорит он.
- Да понял я! - раздраженно говорю я, и позже и правда звоню.

Матвей соскальзывает у меня с рук, подходит к ноге брата, и восторженно, потому что никогда не видел таких больших мужчин, говорит:

- У-у-у-уа!!!

Брат улыбается, треплет его по голове, и разрывает конверт. Вынимает купюру в сто долларов, - и это все, на что ты расщедрился из пяти-то тысяч, думаю я, - и сует Матвею.

- Спасибо, - говорю я.
- На мороженое, - застенчиво говорит брат.
- Се! - ласково говорит Матвей, потрогав банкноту.
- Что? - спрашивает брат.
- Деньги, - устало перевожу я.
- Ага, - улыбается брат, и засовывает деньги ребенку в карман.
- Се! - говорит брат. - Се, бродяга!

Матвей смотрит на него с восхищением.

xxx

Словарь Матвея

1. Папа- ты-ты, да, ты, иди сюда
2. Тетя – все еще тетя
3. Дядя – типа тети, но больше и не такой красивый
4. Баба – бабушки, обе
5. Тпруа – теперь только гулять
6. Бррр – автомобиль, транспортное средство, и теперь уже даже самокат.
7. Ка – сковорода, казан, кастрюля, картошка, каша, мед.
8. Си – сыр, сок, суп
9. Ситы – цветы
10. Ав – собака
11. Мау – кошка
12. Га-га – гуси
13. Га-га – утки
14. Ко-ко – курица, яйцо
15. Го-го-го – лошадь, а ну, покатай меня, как в детстве, старик
16. Ауо-айя – тебя к телефону, можно я сниму трубку?
17. Кохь – кофе
18. Сека – как щекой была, так и осталась
19. Гол – мяч
20. Пия-пия – мышь
21. Пай – упал
22. Ай – горячо, жуть
23. Ие * - все еще Ира
24. Пкап-пка – дождь
25. Пока – пока
26. Кука – кукла
27. Как-как – часы
28. Сета – Света
29. Се – теперь не только деньги, но и фен
30. Кеки – кексик
31. Кар – ну да, ворона
32. Пя – пять
33. Се – сердце
34. Хма – блин, опять сломал

- *Далась тебе эта Ира, сынок, раздраженно спрашиваю я, достал ты меня уже ей, но он только и делает, что долбит меня с утра до вечера – Ие, Ие. Это невероятно просто, считаю я, потому что прошел почти год, как он ее видел, и я ее видел, а мы оба ее не забыли: во многом благодаря Матвею, чего уж там, исключительно из-за него, потому что я бы о ней и через месяц не вспомнил, девушка-то она красивая, и человек, может, хороший, и сжимать умеет ого-го как! Да только я чересчур устал для того, чтобы в кого-то правда вцепиться. Тем не менее, я слышу «Ие, Ие», каждый раз, когда мы вспоминаем море, а вспоминаем мы его каждый раз, когда видим песок, каждый раз, когда мы видим солнце, каждый раз, когда видим воду, каждый раз, когда видим девушку с длинными волосами, каждый раз, когда видим девушку, каждый раз, когда видим бумажку, каждый раз, каждый раз. Я бы и рад позвонить ей, но, знаешь, малыш, женщины такой своеобразный народ... наверняка она обиделась на нас с тобой, мы ведь за год так и не удосужились с ней встретиться, а последний раз звонили ей месяца три назад, а какой женщине, даже если она юная девушка, понравится, когда ее летом потрахают на пляжу пару раз, а потом ускользают от встречи, тут что хочешь в голову полезет, какие угодно мысли, может, он меня избегает, думает она, а, поскольку она еще и молода, она наверняка так думает, и решает, что ж, еще один, который пользовался, да забыл спасибо сказать, и, наверняка, у нее уже есть кто-то другой, поэтому, Матвей, мальчик мой, перестань ныть это «Ие, Ие» и пошли из парка, уже холодает. Я, так и быть, позвоню ей раз, один только раз, но если она не вспомнит меня с первого раза, и мне будет страшно неловко и обидно, и ей будет просто неловко, то, чтоб тебя, виноват в этом будешь ты, понял? Мне смерть как надоело звонить женщинам, которые меня забыли, я за тридцать бля лет, кому только не звонил так, испытывая нередкие приступы отчаяния и депрессии, и ни одна толком меня не вспомнила, ни одна, я, конечно, утешаю себя мыслью, что они, сучки, так мне мстят – ну, сам понимаешь, я когда-то обошелся с некоторыми из них некрасиво, теперь они мстят мне, мелко и больно, как только умеют женщины, мстят, но самое страшное, думаю я, если они мне не мстят, а правда я для них даже не воспоминание, а воспоминание воспоминания. Звучит красиво, сынок, но, поверь, на деле ничего приятного в этом нет, а есть только боль и пустота, вроде той, которую мне оставила твоя мама, да будут благословенны ее длинные волосы, которые она остригла, и которые для меня всегда с ней, даже когда ее уже нет рядом с нами. Алилуйя, малыш, алилуйя, давай воспоем хвалу твоей маме, ведь она оставила мне тебя, наверняка, как только женщины умеют, с целью мелко и бестолково отомстить, а получилось-то все совсем не так, получилось, что мы с тобой друзья не разлей вода, и даже призрак твоей мамы нас теперь объединяет, а вовсе не стоит между нами прозрачным стеклом, которое отгородило нас с тобой в московском отеле – ты помнишь? ну и задница у нее была, ого-го! - от зимы и метели, от снега, выпавшего весной, ну, что за сумасшедший город, эта Москва, и что за люди в нем живут, если они согласны подставлять голову снегу в апреле. Снег в апреле... Бог ты мой. Единственный положительный момент я, положим, вижу в этом только благодаря ассоциациям с Рождеством, великим католическим праздником, - а твой папа был католиком до тех пор, пока не задумался о догмате насчет непогрешимости Папы Римского, и не счел его вызывающим в первую очередь для Бога, - которое тоже осыпано ватой, которое тоже осыпано елью, которое тоже осыпано снегом. И, глядя через стекло на снег, глядя в стекло на твое отражение, спящего тебя на гостиничной кровати, глядя на отражение обнаженной Оли и обнаженного себя, я думал о Рождестве и о том, что, возможно, когда-нибудь мы с тобой и позвоним Ире, так хорошо обошедшейся с нами тем летом. Так что, прошу тебя, перестань ныть это «Ие, Ие», ты же знаешь, как я не люблю нытья, и собирай свои игрушки, собирай машинки, собирай самосвал, и*

посмотри в мои глаза своими, печальными и всезнающими, как у Бога, и поцелуй меня, пожалуйста, вот умница, молодец.

xxx

*Толкование сна номер 209: присниться кому-то**

«Дорогой Николай!

Ей Богу, такой удачи, как Вы, у меня в этом году не было, а я, без ложной скромности, в день растолковываю по пять-шесть снов, несмотря на то, что требует это серьезной вдумчивой работы, по тяжести сравнимой разве что с трудом каменотеса в шахте. Говорю так не ради красивого сравнения: я ведь когда-то и правда был каменотесом. Многие снится людям, Николай, но чтобы им приснилось, будто они кому-то снятся...

Знаете, дорогой друг, размышляя над вашим сном, я прочитал множество литературы, и даже обратился к своему учителю, который давно уже бросил практику, осев в Гималайском предгорье. Разумеется, мы общались астрально: это я предвосхищаю вопрос, как именно можно связаться с гималайским предгорьем. Нет, конечно, ни телефонов, ни почты там нет. Но для нас с Учителем это вовсе не помеха. Я вышел в парк рано утром и посмотрел на Солнце. Оно толкнуло своим лучом Учителя – ведь для Солнца все мы равны, все мы стоим на поверхности большого блина, который оно не успело испепелить 5 миллиардов лет назад, - и он обратил ко мне взор.

Я спросил его: человеку приснился сон, что он снится. Как мне растолковать его. Учитель ответил: ляг поспи.

Я так и сделал.

И мне приснился сон, удивительный сон. Я, и еще кто-то, - их было много, - стояли и смотрели на огромную Луну, а потом оказалось, что это и не Луну вовсе, а Землю, с синими-синими океанами, и четко очерченными материками. Тогда я понял, что, по видимому, умер, и стою на Луне с другими духами. Совсем рядом с Землей был виден Млечный Путь, и на нем лежала огромная ладонь. Затем я увидел Господа Бога. Это была его ладонь, и он, Бог, был молодым чернокожим мужчиной. Может быть, еще и гомосексуалистом, но я не уверен. Узнать это можно было, только спросив, а у меня язык отнялся. Итак, Бог это негр.

Меня это не раздражало.

Бог долго глядя вдаль, а потом обратился к нам. Он опустил свое лицо к нам, я обернулся, и увидел, что стою один, а за мной - огромные многоэтажные дома, очень много домов, и Господь берет их в ладони и дует на каждый дом. И тогда огни дома гаснут, начиная с окон квартир, находящихся под самой крышей. Мне обязательно надо было попасть под выдох бога, и я полетел к домам, но не успевал, хоть он делал все это медленно, а потом я все таки успел, и заплакал от того, как мне стало хорошо, когда на меня дышал молодой чернокожий Господь, и чуть не проснулся, но решил, что посмотрю, что же в этих домах.

А там не было квартир, только маленькие каморки, ярко освещенные, и в каждой было по несчастному, убогому существу – там были сумасшедшие Бедлама, которых лечили, избивая дубинками и окатывая ледяной водой, были кошки, издохшие от парши, дети,

умершие от голода, женщины, убитые мужьями, муравьи, раздавленные жестокими детьми, и еще много, много существ. Бог выдыхал на них и их комнатки гасли.

Я понял, что это был конец их мучений - выдох Бога.

И я подумал, уже когда проснулся, и решил плюнуть на очарование сна, что сон этот был чересчур правильным, символическим, и его можно продать в «Сторожевую башню», но мне не хотелось этого делать. Не хотелось совершенно правильно, потому что, когда я решил все-таки принять этот сон во внимание, то понял, что еще не проснулся, и рассуждаю о том, верный сон или нет, будучи еще в состоянии сна.

И тогда меня осенило.

Вас нет, Николай. Вы – сон. Чей-то мираж.

Поэтому я хочу спросить вас: расскажите, как оно? Скажите, только честно, вы – знак? О чем вы пришли рассказать мне? Что происходит там, в мирах, которые мы не видим? В вечности, которую не чувствуем? В пространстве, которого нет? Расскажите мне о мертвых, и снах. Прошу вас, говорите...

Искренне Ваш, сотрудник астрологической службы «Опиния», Маг Второго Круга, магистр Академии Солнца, обладатель официальной лицензии толкователя снов (номер 453473937, Регистрационная Палата РМ), Владимир Лоринков»

** - квитанция на оплату получена почтой обратно нераспечатанной, с пометкой на конверте «миражи не башляют» (прим. бухг.)*

xxx

Словарь Оксаны

«... недавно я прочитала все, что писала эти шесть лет. Нет, было бы неправильным отказаться от всего, что я сказала себе, и все, что записала здесь. Хотя, признаю, иногда я перегибаю. Впрочем, это объяснимо: у меня хороший учитель. Он только и делает, что перегибает, да преувеличивает...

...несколько дней назад я почувствовала, как во мне что-то шевельнулось. Это, конечно, просто иллюзия – ребенок еще слишком мал для того, чтобы я поняла: есть он там или нет. Но он есть, и я это знаю. Что ж, я попробую. В любом случае. Отец все-таки Он, ему и на этот раз повезло, как всегда везет – может быть, чересчур незаслуженно, а может, у него какие-то свои отношения с Богом, о которых я ничего не знаю, и благодаря которым у него всегда счастливый билет в конце пути...

... еще раз прочитала. бедный мой малыш, ты весь в говне, подумала я. как же так с нами все получилось. Ведь с чего-то мы да начинали? почему я так жестока к тебе и почему ты так жесток ко мне? что мы друг другу сделали? ты спал, а я плакала на кухне. потом долго смотрела на твое лицо: фонарь светил, и ты был виден, как днем. мне нравится смотреть, когда ты спишь: это единственное твое состояние, когда твое лицо умиротворено. да, признаю, у тебя красивый профиль, очень. когда ты спишь, то выглядишь по-детски усталым. весь в говне, думала я, весь в говне. боже мой. бедный мой мальчик. и вполне заслуженно.

...но я же с тобой, а раз я с тобой, значит, хоть что-то в тебе есть?

ох ты, Господи ты боже мой, покажи мне это что-то милый, покажи мне, прошу тебя, покажи мне, пожалуйста...»

xxx

- Се, - говорит он.
- Заткнись, - говорю я.
- Ситы, - говорит он.
- Ну, да, - говорю я.

Мы открываем калитку, и проходим внутрь ограды. Над Оксаной уже год как лежит большой черный камень в виде крыла, с ее портретом. Мне показалось, что именно такой памятник ей бы понравился. На портрете она, - несмышлениш шестнадцати лет, - глядит в сторону, и в глазах у нее вся жизнь, будет которой, увы, мало. В руках у меня цветы, земля, лопатка, грабли, и, конечно, Матвей, которому как обычно, в лом пройти пару метров.

- Штанга бля, - выдыхаю я, опустив все это на землю.
- Сянга, - говорит Матвей.
- Ага, - говорю я.
- Сянга, - повторяет он, и начинает – сянга, сянга, сянга. Папа, папа, папа. Паа-а-а-апа...
- Блин, - удрученно вздыхаю я, - судя по всему, ты скоро заговоришь.

Все к тому и идет. Он лепечет без умолку, и я все чаще слышу в потоке его бормотания нормальные блин человеческие слова. Посадив ребенка на скамейку, я оглядываюсь. Армянское кладбище Кишинева в мае – прелестное место. А в родительский день, когда весь бля, православный люд поминает своих дорогих покойничков, здесь можно дефиле устраивать. Надевать лучший костюм и вперед. В левую руку фужер с шампанским, правой – здороваться с бомондом, насколько, конечно, в Молдавии вообще он существует. Это кладбище для мажоров, и у меня здесь пять мест, по совершенно случайному стечению обстоятельств. Спас блин дедушка из местных национал-патриотов, который вдобавок писал плохие стихи про родину да любовь: но бессарабские придурки сочли это достаточным для выделения места для «нашего знаменитого земляка». Меня передергивает, и я начинаю высаживать цветы над Оксаной. Кладбище кишит людьми, мимо то и дело проходят какие-то шишки: экс-министры, нынешние министры, полуминистры, комиссары полиции, деятели бляха культуры и искусства. Часть со мной раскланивается, потому что мы еще помним друг друга по моей работе в газете. К тому же, меня недавно показали по телевизору!

- Тебя показали по телевизору бля! - радостно орет в трубку брат.
- Ты откуда? - спрашиваю я.
- Из Италии, - довольно отвечает он.
- Убил кого-то? - интересуюсь я.
- Обижаешь, - правда обижается он. - Отдыхаю. Прикинь бля, врубаю телик, а там ты в костюме, в Москве, грамоту какую-то бля получаешь.
- Премию, - морщусь я, - литературную...
- А есть разница? - смеется он. - Хотя ес...
- Денег мне не вручали, - быстро говорю я.
- Да? - спрашивает он. - Жалко. Ну все равно, поздравляю. Гордость семьи. Литератор ты наш херов!

- Спасибо, - говорю я. - Привет от Матвея.
- Се! - хохочет брат, и вешает трубку.

Так что я еще котируюсь. С деньгами тоже все недурно: поток писем растет, и босс оказался довольно порядочным чуваком, хоть и уволил астролога. Я вожусь в земле, пытаюсь понять, что чувствую. И вкратце рассказываю Оксане, что у нас да как. Вообще-то мы здесь с похорон первый раз. Если не считать того получаса, который я потратил, глядя, как на могилу сыплот щебенку и льют цемент: когда устанавливали памятник.

- ...постепенно мы полюбили друг друга, - говорю я Оксане, - и в этом чудо. Не в том, что я его полюбил, потому что, если уж честно, я его любил с первого дня.
- Ведь даже эгоисты могут любить, - говорю я.
- Может, ты этого не понимала, - объясняю я.
- Но я тебя любил. И его, конечно, тоже. Сразу. Пусть ерничал, но любил, - говорю я.

Мимо проходит, улыбаясь, начальник какой-то гребанной молдавской политической партии. Ну, все. Репутация трахнутого по голове мне обеспечена: он явно удивлен тем, что я разговариваю с лейкой да могилкой. Но мне все равно. Я подбиваю баланс.

- Почему я его полюбил? - переспрашиваю я.
- Потому что он мой? - спрашиваю я уже себя.
- Нет, - отвечаю я.
- Убирай дерьмо, да вытерпи столько мук с неродным ребенком, и он все равно станет твоим, - говорю я.
- Дело не в крови, - решаю я.
- А в чем? - спрашиваю я.
- Может быть в том, - говорю я.
- Что он полюбил меня.
- Это самое главное.
- То, что он полюбил меня.
- Я завоевал его доверие, - объясняю я.
- Доказал, что того стою, - киваю я.
- Стою доверия.
- Любви.
- Я доказал ему то, - формулирую я.
- Что, может быть, не успел доказать его матери.
- Тебе, Оксана, - обращаюсь я к ней.
- Доказал ему, что стою любви.
- И не успел доказать тебе, - говорю я.
- Что стою любви.
- Но я ее стою, - говорю я.
- И спасибо, что дала мне шанс доказать это, - улыбаюсь я.
- Пусть не тебе, но ему, - говорю я.

И впервые за два года начинаю плакать. Потому что только сейчас до меня доходит: увы, но я и правда так и не перемолвлюсь словечком с ней. Никогда. Ее нет больше. Поздно. Все.

Я плачу сначала тихо, потом навзрыд, потом отворачиваюсь от памятника, и вытираю лицо, потом опять плачу, а потом беру себя в руки, потому что так надо.

Мы сидим с Матвеем еще немножко у Оксаны, - а потом прощаемся до следующих выходных, потому что мы же теперь помирились, и мы одна семья, а семья должна видеться часто, разве нет, да, тихонько говорит она, конечно, ну, идите, - и уходим. Я веду его за руку, решив не давать поблажки. Два года уже почти. Пора самому ходить. Не фиг. Перед воротами машин понаставлено столько, что мы не сразу находим Иру. Она стоит через дорогу и машет нам рукой букетом тюльпанов.

- Будешь заходить на кладбище? спрашиваю я.
- Нет, - смеется она, - цветов то пять. Это тебе вообще-то.
- Что? - говорю я.
- Просто так, - говорит она.
- Циты, - довольно говорит Матвей.
- Цветы, - улыбается Ира.
- Боже, - говорю я. - Сумасшедшая. Вы же если будете вместе, то мне конец.
- Тогда я иду? - говорит она.
- Только попробуй шаг сделать.

Я заставляю себя посмотреть ей в глаза. Ох ты, Господи ты боже мой, Ира, что у нас с тобой будет, и не закончимся ли мы двумястами страницами ненависти, и все-таки мне чуть-чуть страшно, ну, ладно, все же, не начнешь, не поймешь. Мы ставим Матвея по центру, берем за руки, и я веду их обедать в пиццерию. Матвей смотрит на дорогой красный автомобиль, потом на меня.

- Сина, - говорит он.
- Обойдешься, - говорю я.
- Сина! - говорит он.
- Дома машин негде ставить, - говорю я.
- Сина! - сердится он.
- Нет! - говорю я.
- Лыбрубру, - говорит он.
- Лыбрубру, - подтверждает Ира.
- Знаете что, - говорю я. - Сами блин такие.
- Лыбрубру, - грустно повторяет Матвей нелестную для меня характеристику и, понурился, бредет молча.
- Не будет тебе никакой машины, - строго говорю я.

Сую правую руку в карман, и пытаюсь на ощупь, по размеру банкнот, определить, сколько там денег.

Интересно, хватит на самосвал?

xxx

*Толкование сна номер 14: радуга**

«Здравствуй, дорогой Владимир!

ты говоришь, тебе снилась радуга. ты проснулся, выглянул в окно, и, хоть там уже рассвело. и на дереве у твоего балкона скакали грачи, смешные, толстые, черные. но никакой радуги не было. фонтан напротив дома тоже еще не включили, его только в десять утра включают. а ведь когда вода бьет, то в струях всегда есть радуга. поэтому и там искать семь цветов было бы глупо.

ты говоришь, радуга снилась тебе не мельком или один раз, ну, как часто бывает со снами: когда тебе кажется, что сон был долгий, а он на самом деле длился секунды. ты говоришь, ты проверял.

ты говоришь, радуга снилась тебе всю ночь. ты говоришь, что лег спать в полночь, когда под тобой и этой твоей новой девушкой Ирой простыню выжимать можно было. она перед этим уснула на твоей руке. ты осторожно вынул руку. заменил подушкой. лег чуть пониже, обняв девушку за талию. уже в полночь спал. первое, что ты увидел, уснув, была радуга.

в час ночи ты проснулся. перед этим радуга все еще стояла перед тобой, пошел на кухню выпить воды. выпил, лег обратно. укрыл ее. ведь она откинула одеяло во сне. и снова увидел радугу.

ты видел радугу в два часа ночи. ты видел время. когда просыпался, чтобы проверить, почему так тихо в кровати ребенка. оказалось, просто тихо спит. ты видел радугу в половине четвертого. когда проснулся из-за девушки. она тихо вскрикнула во сне. ты сказал «тссс» и несколько раз погладил ее по спине. она успокоилась, так и не проснувшись.

ты видел радугу в шесть часов утра. в шесть ты просыпаешься по привычке. в будние дни у тебя подъем в шесть. ну, чтобы успеть на первый рейсовый автобус. и на тренировку.

ты видел радугу всю ночь. ты спрашиваешь меня, чтобы это значило?

знаешь, если по-простому, радуга это к надежде. только вот странно, почему ты спрашиваешь об этом меня. ты уверен, что я, в смысле, ты, есть? я вот сижу и думаю, а может, меня нет? может, есть только сотни несчастных людей, которые пытаются понять, что их пугает или мучает или радует по ночам. а я - просто оболочка для этих людей? типа грелки, наполненной водой. в смысле, этими людьми? ладно, не буду грузить тебя своими проблемами. с деньгами вроде лучше, с Матвеем тоже, с Ириной блин тоже, с Оксаной, наконец. да, мы поладили. хоть и поздно, но поладили. что в остатке? в остатке попытка понять кто я и зачем.

интересно, кто поможет мне в этом. может быть, Матвей, может быть, радуга. может быть, Оксана, может быть Ира. может быть сны этих людей. сотни, тысячи снов.

я иногда - опять же - думаю.

может, думаю я. может, все сны мира - это все только один сон, во время которого кому-то снятся миллионы маленьких разных снов? и может, все люди мира, все они - мы все, - это один человек, которому и снятся эти сны? все мы один человек.

и зовут его Матвей

- *не оплачено – (прим. бухг)*

КОНЕЦ